

SciPress.ru

Научно-издательский центр
ОТКРЫТОЕ ЗНАНИЕ
РИНЦ УДК ББК ГОСТ ISBN ISSN DOI SCOPUS COPYRIGHT

**Международный
научно-практический журнал**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТ**

№11 (55), 2019

**Нижний
Новгород**

www.scipress.ru/philology

УДК 8
ББК 80/83

Ф 51

Филологический аспект: международный научно-практический журнал. Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2019. №11 (55). 237 с.

В международный научно-практический журнал «Филологический аспект» включены статьи по всем направлениям филологической науки научных сотрудников России и зарубежных стран. Журнал предназначен для научных и педагогических работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов с целью использования в научной работе и учебной деятельности.

Все статьи, включенные в сборник, прошли рецензирование и представлены в авторской редакции. Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Информация об опубликованных статьях предоставлена в систему Российского индекса научного цитирования – РИНЦ по договору № 358-05/2015.

Электронная версия номера находится в свободном доступе на сайте журнала <http://scipress.ru/philology/>

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

УДК 8
ББК 80/83

© Научно-издательский центр
«Открытое знание», 2019

© Коллектив авторов, 2019

© Главный редактор
Плесканюк Т.Н., 2019

Редакционная коллегия:

Плесканюк Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной профессиональной коммуникации Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Редакционный совет:

Акимова Эльвира Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, г.Саранск

Белова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет), г. Н.Новгород

Грачёв Михаил Александрович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской филологии и общего языкознания Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, заведующий Лабораторией социопсихолингвистических исследований, член Гильдии лингвистов-экспертов по информационным и документационным спорам, член диссертационного Совета по защите кандидатских и докторских диссертаций в ННГУ им. Н.И. Лобачевского, г. Н.Новгород

Костецкий Виктор Валентинович – доктор философских наук, профессор кафедры общественных и гуманитарных наук Санкт-Петербургской государственной консерватории им Н.А. Римского-Корсакова.

Кудряшов Игорь Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала ННГУ им. Н.И. Лобачевского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

Маркова Татьяна Дамировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка и культуры речи Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова.

Нагорный Игорь Анатольевич – доктор филологических наук, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай.

ПацукOVA Ольга Алексеевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Мининский университет).

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор кафедры прикладной лингвистики и межкультурной коммуникации НИУ ВШЭ.

Сегал Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания, Крымский Федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Ялта.

Сергиенко Елена Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных и европейских языков, директор ресурсного центра итальянского языка Нижегородского государственного лингвистического университета им Н.А. Добролюбова.

Солодовникова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков факультета международных отношений Белорусского государственного университета.

Твердохлеб Ольга Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета.

***Материалы печатаются с оригиналов, поданных в оргкомитет,
ответственность за достоверность информации несут авторы статей***

ОГЛАВЛЕНИЕ

Русский язык	5
Андреева Н.Н., Серова Е.А. Русский язык как иностранный: из практики этноориентированного обучения русскому языку китайских студентов художественного вуза	5
Ткаченко О.Ю. Словесный ряд «риторическое поведение персонажа» как инструмент оценки соответствия экранизации литературному источнику (на примере эпизода романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»).....	15
Шумилова М.В. Словообразовательные варианты притяжательных прилагательных XI-XVII вв. (по данным лексикографических источников)	23
Языки народов Российской Федерации	29
Гусейнова А.В., Лопсан А.П. Посмертное бытие человека в Новом Завете: особенности перевода библейских терминов на хакасский и тувинский языки	29
Карпова Н.С. Сравнения в чувашских свадебных песнях (на материале Аургазинского района)	35
Коробова В.Н. Способы семантизации диалектного слова (на материале Словаря русских говоров Приамурья)	39
Молданова И.М. К вопросу о глагольном суффиксе = <i>ŋəlt</i> = в хантыйском языке (на материале казымского диалекта)	44
Нажалкина С.В., Чинаева Н.В. Семантическая корреляция этимологических эквивалентов в современных эрзянском и финском языках.....	49
Нахрачёва Г.Л. Хантыйские номинации болевых ощущений с позиций лексико-семантической типологии.....	55
Павлова Е.О., Чинаева Н.В. Особенности передачи функций финского партитива грамматическими средствами эрзянского языка	61
Соловар В.Н. Система символов в хантыйских личных песнях и удмуртских народных песнях	68
Германские языки	81
Новикова Л.А. Лингвокультурологические особенности академического дискурса в межкультурной интернет-коммуникации	81
Теория языка	89
Бабикова А.А. Особенности понятийного, образного и ценностного компонентов концепта <i>das Spiel</i> /игра в романе Германа Гессе « <i>das Glasperlenspiel</i> » / «Игра в бисер».....	89
Миронова Г.В., Торопова Т.В. Особенности адаптации имен собственных при переводе с русского на английский (на примере перевода имен персонажей мульт-сериала «Фиксики»)	97
Nurgaliyeva A.Z., Terlikbayeva A. Advantages and disadvantages of using mobile devices at English classes	102
Rakhat Kh.A., Konyrbay Zh.A. Technical terminology of energy sphere as translational problem	107

Сабиева Е.В., Мисяченко О.Е. Феномен социофонемы в переводах В.А.Жуковского и его влияние на восприятие русской и английской поэзии романтизма	115
Сушенок М.О. Особенности репрезентации концептов «мир» и «война» в русском, английском, эсперанто, корейском и японском языках.....	122
Хасанов Т.Д. Начало исследований языка и культуры.....	129
Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание	134
Шашкова В.Н. Анализ механизмов номинации в единицах концептуального поля «Осмотр места преступления» (на материале русского и английского языков)....	134
Прикладная и математическая лингвистика	141
Волынкина С.В., Новожилова Н.В., Соломенников В.А. Гипертекст – новая языковая реальность	141
Епифанова В. В. Моделирование ситуаций в прошлом грамматическими средствами русского, немецкого и английского языков: сопоставительный анализ	156
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии.....	163
Мисяченко С.В., Сабиева Е.В. Рекламный текст как отражение казахской культуры	163
Русская литература	172
Бурдина С.В., Бурдин И.В. Художественный концепт «чай» в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина	172
Бурдина С.В., Мельниченко С.В. Реализация автобиографического потенциала в повести О. Волконской «Пермская рябинка»	177
Литература народов Российской Федерации	185
Ерныхова О.Д. Вклад семьи Никиты Ивановича Ерныхова в сбор и фиксацию хантыйского фольклора	185
Левина Н.Н. Тематические и формотворческие доминанты современной мордовской повести	191
Новыхова Г.Б. Образы животных в хантыйских волшебных сказках	198
Литература народов стран зарубежья	203
Башкатова Ю.А., Мамченкова О.Г. Структурно - композиционные особенности детективного жанра на материале романа А. Кристи «Десять негритят»	203
Бурдина С.В., Сун Т. Влияние творчества Б. Васильева на китайскую литературу о войне	210
Пирожкова А.О., Цепенко А.Р. Художественный мир американской литературы XX века.....	216
Прихожая Л.И. Аспекты взаимодействия слова и молчания в романе Ф. Гельдерлина «Гиперион»	224
Ряпов Р.И. Специфика взаимодействия автора и читателя в английском травелеге 19 века: способы, виды, категории.....	229

РУССКИЙ ЯЗЫК

УДК 811.161.1.

Русский язык как иностранный: из практики этноориентированного обучения русскому языку китайских студентов художественного вуза

Андреева Наталья Николаевна

канд. филол. наук, доцент кафедры иностранных языков
Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина
РФ, г. Санкт-Петербург
repinaruskaf@mail.ru

Серова Елена Александровна

доцент кафедры иностранных языков
Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина
РФ, г. Санкт-Петербург
repinaruskaf@mail.ru

Russian as a Foreign language: From Practice of Ethnically Oriented Teaching of Chinese students in Art Higher School

Andreeva Natalia Nikolaevna

candidate of Science, assistant professor of Foreign languages department
I.E. Repin St.Petersburg State Academic Institute of Painting
Sculpture and Architecture, Russia, Saint-Petersburg

Serova Elena Aleksandrovna

assistant professor of Foreign languages department
I.E. Repin St.Petersburg State Academic Institute of Painting
Sculpture and Architecture, Russia, Saint-Petersburg

Аннотация. Статья посвящена этническим компонентам лингвометодической системы в практике преподавания русского языка китайским учащимся Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (Санкт-Петербург). Авторы уделяют особое внимание специфическим языковым и когнитивным трудностям, возникающим у этой категории учащихся в процессе профессионально ориентированного обучения на базовом (B1) и основном (B2) уровнях и нашедшим отражение в многоуровневом профессионально ориентированном комплексе учебных пособий, созданном на языковой кафедре Института, а также практической работе по преодолению этих трудностей.

Ключевые слова: русский как иностранный, лингводидактика, этноориентированное обучение языку, китайские учащиеся, художественный вуз.

Abstract. The article deals with the ethnically oriented components of linguomethodical system in practice of teaching Russian language to Chinese students in Repin Institute of Arts (Saint-Petersburg). The authors pay special attention to some specific language and cognitive difficulties in job-oriented language training of that group of students during pre-intermediate (B1) and intermediate (B2) stages, as those are represented in

multi-level job-oriented training manual complex created by Institute Language Department and realized in teaching practice.

Keywords: Russian as a foreign language, linguodidactics, ethnically oriented language teaching, Chinese students, art higher school.

Знание русского языка является для иностранных учащихся необходимым условием получения образования на русском языке. Обучение языку является профессионально ориентированным на всех этапах обучения в вузе. В связи с этим перед преподавателями стоит задача разработки учебно-методических материалов, отвечающих профессиональным коммуникативным потребностям учащихся. Очевидно, что все материалы в совокупности должны представлять собой комплекс учебных пособий, опирающийся на принципы системности, поступательности и преемственности. В последние десять лет в теории и практике лингводидактики на первый план вышел еще один принцип - этноориентированное обучение иностранному языку. Он включает в себя учет как собственно лингвистических фактов родного языка, так и комплекс психологических, социальных и культурных факторов, обуславливающих процесс усвоения неродного языка [1–3]. Этноориентированный подход позволяет выявить и обосновать трудности, с которыми сталкиваются представители разных этносов при овладении русским языком, определить формы и методы для их преодоления.

В Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (г. Санкт-Петербург) по направлениям «живопись», «графика», «скульптура», «архитектура» и «теория и история искусства» обучаются китайские студенты и аспиранты. Последние пятнадцать лет они составляют 90% иностранных учащихся. В связи с этим при создании профессионально ориентированных пособий по русскому языку возможно и необходимо максимально учесть этнические факторы, влияющие на разных этапах обучения на эффективность усвоения языка.

В исследованиях последних лет, посвященных этнодидактическим факторам применительно к обучению китайских учащихся, установлены типологические особенности китайского языка, вызывающие отрицательную интерференцию при изучении русского [1–5], выявлены характерные черты принятой в Китае дидактической системы, формирующей (наряду с психологическими особенностями) когнитивный стиль китайских учащихся [6; 7], описаны социальные и культурные факторы, затрудняющие вхождение в русскую языковую среду [1; 8; 9]. Опыт работы в китайской аудитории показывает, что на разных этапах обучения языку актуализуются те или иные этнообусловленные трудности – как собственно языковые, так и связанные с переходом на новую, отличную от родной дидактическую

систему, с формированием основанного на принципах логического мышления познавательного стиля, с формированием культурного фона, необходимого для адекватного восприятия русской истории и культуры. Практика преподавания требует методической интерпретации этих трудностей: определения значимости языковых и речевых явлений с точки зрения прогнозируемых ошибок, выбора адекватного способа репрезентации, форм тренировочной работы и контроля – и все это с учетом особенностей этапа обучения. Продемонстрируем, как реализуются принципы этноориентированного обучения в комплексе учебных пособий, разработанном преподавателями русского языка Института им. И.Е. Репина.

Учебные планы Института и методическая целесообразность определили структуру учебного комплекса. По содержанию обучения и актуальным формам учебно-профессиональной коммуникации все изучаемые в Институте дисциплины были объединены в три блока: общегуманитарные (история русского и зарубежного искусства, история России и т.п.), общепрофессиональные (рисунок, композиция, пластическая анатомия и т.п.) и узкоспециальные дисциплины (техника и технология материалов, реставрация живописи, иконография, архитектурное проектирование и т.п.); на основе характерных для этих блоков языковых и речевых моделей было определено языковое и тематическое содержание отдельных пособий комплекса. В результате весь учебный материал был разделен на два модуля: профессионально ориентированные учебные пособия для всех направлений (модуль «общее владение») и пособия по направлениям (модуль «профессиональный русский»). Модуль «общее владение» представлен корректировочным лексико-грамматическим курсом (для студентов первого курса со слабой подготовкой, траектория А2–В1-1) и основным пособием «История и культура России: Имена и события» (траектория В1-1–В2), тематически и лексически оба построены на материале общегуманитарных дисциплин. Пособия профессионального модуля также ориентированы на этапы обучения, их тематический круг обусловлен актуальностью для учебно-профессиональной коммуникации. Комплекс «введение в язык специальности» (для 1-го курса) представлен пособиями: «Рисунок» (общепрофессиональный блок), «Пластическая анатомия» (общепрофессиональный блок), «Древняя архитектура: Материал. Форма. Размер. Функция. Расположение в пространстве» и «Архитектура Средних веков: Планировка. Объёмная композиция. Конструкция. Материалы. Декор» (для студентов-архитекторов и студентов факультета теории и истории искусства). В комплекс «язык специальности» (для 2–4-го курсов) входят «Конструктивные элементы здания», «Реставрация темперной и масляной

живописи», «Иконография», «Композиция в изобразительном искусстве», «Виды и жанры изобразительного искусства» и др.

Все пособия комплекса, отличаясь характером, объемом, сложностью языкового материала и коммуникативными задачами, имеют одно общее: они ориентированы в первую очередь на китайских учащихся. Именно этим объясняется достаточно узкая тематическая специализация пособий: опыт показывает, что усвоение лексического материала представляет наибольшую трудность на всех этапах обучения. С методической точки зрения работа с лексикой дает возможность сформировать устойчивые фонетические, грамматические и синтаксические умения, когнитивные навыки анализа и систематизации.

Правильное слуховое представление звука, связь между артикуляцией и звуковым образом закладываются на начальном этапе обучения, однако носители китайского языка испытывают произносительные трудности и в дальнейшем. Исследования в области психопедагогики показывают, что для китайских учащихся ведущим при изучении языка является зрительный канал и зрительно-двигательный тип памяти, что объясняется холистическим типом восприятия, необходимостью запоминать целостный, не расчлененный на элементы графический образ иероглифа [7, с. 34–38]. Опыт подтверждает методическую значимость чтения и письма как части работы над звуковой и графической формой слова: проговаривание слова снимает произносительные трудности, письмо формирует устойчивую связь между графической формой слова и его артикуляцией и фонетической формой, между звучащим словом, его зрительным образом и предметно-понятийным значением, способствуя запоминанию. Систематичность подобной работы требует большого разнообразия заданий, при выполнении которых необходимо произносить и/или записывать слово: группировка в словообразовательные, категориальные, тематические группы, разнообразные подстановочные упражнения, заполнение таблиц, выписка слов из таблиц и пр. При морфемном анализе слова следует обращать внимание на несовпадение границы морфемы и границы слога в русском языке: это вызывает трудность при говорении и аудировании, так как в китайской речи деление сложного слова на слоги – это одновременно деление на простые слова. Опыт также показывает, что китайские студенты не различают на слух и не опознают в написании русские и иноязычные собственные имена и названия, что требует систематического проведения аналогии между китайским и русским звучанием и написанием.

Считается методически нецелесообразным приступать к изучению языка специальности без достижения базового уровня общего владения языком. Однако низкий входной уровень (у большинства поступающих на 1-й курс он не превышает А2–В1-1) вынуждает ставить обе цели одновременно. В силу этого, пособия одного уровня скоординированы по содержанию языкового материала и уровню его сложности. В первую очередь это относится к пособиям первого уровня: корректировочный курс и первые уроки пособия «История и культура России» (модуль «общее владение») направлены на коррекцию и систематизацию знаний предположно-падежной системы, структуры простого предложения (полносоставное, неопределенно-личное, безличное и характерные для последнего синтаксические конструкции), построение вопросительного и отрицательного предложения, основных типов сложного предложения. Эти же языковые навыки отрабатываются и в пособиях по введению в язык специальности («Анатомия», «Архитектура Древнего мира»).

Как показывает опыт, система падежных окончаний не представляет трудности для китайских учащихся – но только при условии сформированности у них четких представлений о категориальной принадлежности слова. Последнее является важнейшим аспектом при лексической работе, что обусловлено особенностями китайской грамматики: слова в китайском языке в большинстве не имеют морфологических признаков, по которым их можно было бы отнести к определенной части речи – она устанавливается по способности слова выступать в роли того или иного члена предложения. Морфемный анализ слова, сопоставительный анализ слов одной категориальной принадлежности, предъявление слова не изолированно, а в сочетаниях и предложениях дают возможность учащимся определить его грамматическое значение и синтаксическую роль в структуре предложения, формируют представление о семантике морфемных единиц. Семантизация слова через обращение к большому по объему словнику словарю учит анализу контекстного употребления и вниманию к грамматической и лексической сочетаемости. Заметим, что нужно продемонстрировать учащимся необходимость такой работы: например, предложить самостоятельно дополнить относящийся к профессиональной сфере тематический список, обратившись к китайско-русскому словарю: задание, как правило, наглядно демонстрирует неадекватность перевода, заставляет искать соответствующие контексту значения и пр. Особенность словообразования в китайском языке (образование сложных слов преимущественно посредством простого сложения) требует внимания к изучению словообразовательных моделей

различных частей речи русского языка. В пособиях комплекса работа над словообразованием последовательно реализована в разнообразных заданиях: разнести по группам однокоренные слова (прилагательное и наречие, прилагательное и существительное, глагол и существительное и т.п.); сгруппировать слова одной категориальной принадлежности по словообразовательным моделям и т.п.; составить сложные слова по аналогии и т.п.

Наибольшую трудность для китайских учащихся, особенно при работе с текстом, вызывает порядок слов в русском предложении [3; 9, с. 88–94]. Если в китайском языке сочетаемость слов и их порядок в предложении строго фиксированы, то в русском языке порядок слов определяется в значительной степени тем, в состав какого компонента актуального членения предложения слово входит. Адекватное восприятие и правильное построение русского предложения требуют формирования уже на начальном этапе понятия информативного центра предложения: учащиеся должны научиться отвечать на вопрос, обращая внимание на смещение информативного центра в конец предложения, в том числе на постпозицию подлежащего, отрыв определений от определяемого слова, постпозицию дополнения и обстоятельства – в китайском языке такой порядок или невозможен, или требует дополнительных служебных слов [4, с. 62]. Несформированность этого навыка ведет в дальнейшем к непониманию сложных грамматических и синтаксических конструкций (например, пассивных конструкций в сопоставлении с активными неопределенно-личными), неумению анализировать и структурировать информацию текста, строить связанное монологическое высказывание и др.

Овладение на практике навыками анализа морфемного состава и словообразовательной структуры слова, синтаксической сочетаемости, семантической структуры предложения способствует формированию навыков анализа как способа познавательной деятельности. Особенность иероглифического письма и принятые в китайской школе дидактические принципы обусловили отличный от европейского (аналитического, преимущественно логико-вербального) тип мышления – интуитивный, предметно-образный, с характерной для него пространственно-образной стратегией восприятия [7, с. 39–44]. В силу этой мыслительной особенности понимание недоступных для воображения абстрактных понятий, требующее опоры на приемы логики, вызывает у китайских учащихся трудности – как и сами логические приемы обработки информации: анализ (вычленение главного и второстепенного), систематизация, синтез, операции сравнения (особенно установление отличий) и др. [1, с. 68; 11, с. 37].

Обучение приемам аналитического мышления начинается при систематизации лексики и продолжается при работе с текстом. Так, первый урок коррективовочного пособия ставит целью закрепление навыка использования предложенного падежа для обозначения – местоположения объекта (в том числе в составе безличной конструкции *где? + как?*) и обозначения объекта речи. Информативно урок построен на материалах о музее Репина в Пенатах. Студентам предлагаются фотографии: побережье Финского залива в Пенатах, сам дом, его помещения (прихожая, столовая, кабинет, мастерская), портреты деятелей культуры и науки кисти Репина, фотография Шаляпина, позирующего Репину, и сохранившийся эскиз к этому портрету – с целью семантизировать представленную в списке лексику. В следующем задании необходимо перечислить предметы, находящиеся в каждом из помещений. Опыт показывает, что список не будет иметь какой-либо логики, в лучшем случае она обнаружится в перечисление предметов, попадающих в поле зрения при движении взгляда от одного края изображения к другому. Последовательная работа над тематической группировкой лексики – «элементы пейзажа», «помещения дома», «предметы мебели», «предметы в мастерской («материал»: карандаш, краска, масло, акварель; «инструменты»: кисть, палитра, мастихин; «жанры и виды изображения»: живопись, скульптура, рисунок, эскиз, набросок, портрет, пейзаж, натюрморт)» – формируют первичные навыки систематизации. Соотнесение фрагментов текста с визуальным материалом при последующем чтении наглядно представляет логику структуры текста. На том же грамматическом материале (функция предложного падежа) построен первый урок из пособия «История и культура России». Однако его цель (ввести и активизировать лексику, связанную с основами композиции, светом и освещенностью, внешним видом и формой предмета) определяет как выбор визуального материала: картина одного из первых пенсионеров Академии художеств Ивана Фирсова «Юный живописец», так и особенности группировки лексики: после знакомства с информацией о картине и ее авторе (время написания, местонахождение, годы жизни художника) и семантизации лексики, предлагается объединить объекты на картине по принадлежности к планам (передний, средний, задний) с целью выявить главное в композиции, определить ее композиционный центр. При работе с текстом обращается внимание на порядок следования информации, принятый в искусствоведческом анализе: биография художника, информация о картине, ее описание; соответствующие фрагменты соотносятся с предъявленным планом текста, с опорой на который текст воспроизводится. Наконец, первый урок пособия «Пластическая анатомия» («Строение черепа»), преследуя цель

представить и систематизировать лексику, обозначающую положение в пространстве (верх – вверху, низ – внизу и т.п.) и на поверхностях объема (передняя, верхняя, передневерхняя поверхность и т.п.), части лица и головы и соответствующих отделов черепа (лицо – лицевой, затылок – затылочный и т.п.), элементы конструкции черепа (кость, отверстие, край, шов, отросток) и особенности формы (решетка – решетчатый, клин – клиновидный и т.п.), уделяет главное внимание словообразовательным моделям прилагательных. Активизировать лексику помогает система заданий: соотнести слово с изображением и наоборот, заполнить таблицу, выполнить подстановочные упражнения, выписать информацию из таблицы, заполнить пропуски в таблице, построить высказывание, опираясь на таблицу. Выполнение последних заданий формирует логические навыки классификации, умение соотносить общее и частное.

Визуальные материалы являются обязательным смысловым ядром каждого урока всех пособий [12]. Они помогают семантизировать лексику, служат стимулом к мыслительной и речевой деятельности, создавая ситуацию общения, мотивируя высказывания. В китайской аудитории это особенно важно, так как китайские учащиеся не имеют навыков коммуникативного обучения: предпочитая сознательный метод изучения языка, они легко выполняют подстановочные упражнения, заучивают правила, речевые образцы и тексты, но с трудом овладевают речевыми навыками [1, с. 7]. Преобладание у китайских учащихся правополушарного предметно-образного мышления обуславливает ведущую роль зрительного канала восприятия, поэтому изобразительная наглядность повышает эффективность усвоения языкового материала. Однако визуальные материалы имеют еще одну важную функцию: они позволяют соединить процесс усвоения иностранного языка с познавательным процессом, сформировать культурологическую компетенцию, восполнить пробелы в историко-культурных фоновых знаниях, что для учащихся художественного вуза имеет особое значение. И не только потому, что изучение истории и изобразительного искусства являются обязательными предметами: вся практическая профессиональная деятельность учащихся связана с обращением к различным видам изобразительности – рисункам, живописи, скульптуре, архитектурной графике, что требует адекватного восприятия произведений изобразительного искусства и понимания фактов художественной культуры. Последнее предполагает знание этических и эстетических коннотаций, которые те или иные имена и события имеют в русском сознании и определяют их эмоционально-оценочное восприятие, что оказывается особенно важным при

изучении учащимися законов живописной композиции. Опыт показывает, что профессиональные задания на композиционное построение являются наиболее сложным для них. Обращаясь в процессе работы над композицией к образцам русской реалистической живописи и не обладая достаточными фоновыми знаниями истории России, они не умеют вычленять заложенные в композиционном построении значения, считывать культурно-исторические смыслы, очевидные каждому носителю языка, но скрытые от представителя иной культуры.

Современный образовательный процесс лежит в сфере межкультурной коммуникации, в которую вовлечены обе его стороны: и студент, и преподаватель. Знание и учет в практической деятельности языковых, психологических и когнитивных особенностей учащихся, особенностей стиля учебно-педагогического общения на родине студента, ценностных установок, норм и правил общения, которые отличают носителей различных языков и культур, формируют этнокультурную компетентность преподавателя. В художественном вузе в нее входит еще и знание истории и культуры страны учащихся: иностранные магистранты и аспиранты обычно выбирают для исследования темы, находящиеся на пересечении русской и национальной культур. Это требует от преподавателя обращения при составлении учебных материалов к широкому кругу источников по истории искусства Востока [13 – 17], знания его проблематики и специфической терминологии. Таким образом, в условиях поликультурной образовательной среды российских вузов широта и глубина этнокультурной компетенции преподавателя становится не только условием успешности обучения, но и «знаком его профессионализма» [18, с. 574].

Список литературы

1. Пугачёв И.А. Этноориентированная методика в поликультурном преподавании русского языка иностранцам: Монография. – М.: РУДН, 2011.
2. Балыхина Т.М., Чжао Юйцзян. От методики к этнометодике. Обучение китайцев русскому языку: проблемы и пути их преодоления: Монография. – М.: РУДН, 2010.
3. Чжао Юйцзян. Лингводидактические основы этноориентированного обучения русскому языку и тестирования (на примере китайских учащихся). Дис. к. пед. н. – М. 2008.
4. Гао Синь. Порядок слов в русском языке в зеркале китайского языка. Дис. ... к. филол. н. – М., 2007.
5. Люй Ю. Лингвометодические основы обучения русским местоимениям в китайской аудитории. Дис. ... к. пед. н. – М, 2018.
6. Бобрышева И.Е. Культурно-типологические стили учебно-познавательной деятельности иностранных учащихся в методике обучения русскому языку как иностранному. Дис. д. пед. н. – Москва, 2004.
7. Рубец М.В. Восприятие и языковая картина мира (на материале китайского языка). Дис.... к. философ. н. – М., 2015.

8. Вэй Син. Адаптация китайских студентов к межкультурному общению в образовательном процессе российского вуза. Дис. к.пед.н. – Воронеж, 2003.
9. Портрет образовательного мигранта. Основные аспекты академической, языковой и социокультурной адаптации: колл. монография / науч. ред. Е.Ю. Кошелева. – Томск: «РАУШ МБХ», 2011.
10. Щелокова А. А. Реализация этнопсихологического принципа обучения русскому языку как иностранному // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. № V9. – С. 88–94. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/171025>.
11. Большакова Н.Г., Низкошапкина О.В. Этноориентированная методика обучения китайских учащихся самостоятельному чтению. // Вестник РУДН, серия Вопросы образования: языки и специальность. – 2015. – № 4. – С.39–42.
12. Андреева Н.Н., Серова Е.А. Роль изобразительного материала в формировании лингвокультурологической компетенции иностранных учащихся художественного вуза // Актуальные проблемы гуманитарных наук: журнал научных публикаций. –2017. – № 04 (апрель), часть VII. – С. 7–9. Режим доступа: https://publikacia.net/archive/uploads/pages/2017_4_7/02.pdf
13. История, Китая / В.В. Адамчик, М.В. Адамчик, А.Н. Бадан и др. М.: АСТ; Харвест, 2005.
14. Кравцова М.Е. История культуры Китая. СПб, 2011.
15. Соколов-Ремизов С.Н. Изобразительное искусство Китая: Словарь-справочник. М., 2018.
16. Китайское искусство: принципы, школы, мастера / сост., пер., вступ. ст. и коммент. В. В. Малявина. Москва: Изд-во Астрель : Изд-во АСТ, 2004.
17. Народные традиции Китая. /Сост Л.М. Мартянова. М, 2013.
18. Владимирова Т.Е. Этнокультурная компетентность преподавателя как актуальная методическая проблема // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2018. – Т. 15. № 4. – С. 573—583.

УДК 811.161.1

Словесный ряд «риторическое поведение персонажа» как инструмент оценки соответствия экранизации литературному источнику (на примере эпизода романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»)

Ткаченко Ольга Юрьевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики
ФГБОУ ВО «Литературный институт имени А. М. Горького», РФ, г. Москва
non_ho_paura@mail.ru

Verbal sequence «rhetorical behavior of the character» as a tool to assess compliance of the adaptation to a literary source (on the example of an episode of F. M. Dostoyevsky 's novel The Brothers Karamazov)

Tkachenko Olga Yurjevna

Ph.D., Associate Professor, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing
Russian Federation, Moscow

Аннотация. В статье рассматривается проблема соответствия экранизации классического литературного произведения текстовому источнику и описывается одна из возможных методик оценивания этого соответствия. Предложенная автором методика предполагает анализ текстового словесного ряда «риторическое поведение персонажа». На его основе формируется риторическая схема эпизода, фиксирующая значимые речевые и кинесические характеристики персонажей. Сравнение полученной схемы с риторической схемой соответствующего эпизода в экранизации позволяет выявить и проанализировать их значимые расхождения. В качестве иллюстрации в статье представлен анализ одного из ключевых эпизодов первой части романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и его киноинтерпретации.

Ключевые слова: риторика, риторическое поведение персонажа, словесный ряд, экранизация, интерпретация, Достоевский, «Братья Карамазовы».

Abstract. The article discusses the problem of compliance of the adaptation of a classical literary work with a text source and describes one of the possible methods of appraising this compliance. The technique proposed by the author involves an analysis of the text verbal sequence «rhetorical character behavior». On its basis, a rhetorical scheme of the episode is formed that records significant speech and kinesic characteristics of the characters. Comparison of the obtained scheme with the rhetorical scheme of the corresponding episode in the adaptation allows to identify and analyze their significant discrepancies. As an illustration, the article presents an analysis of one of the key episodes of the first part of F. M. Dostoyevsky 's novel The Brothers Karamazov and its film interpretation.

Keywords: rhetoric, rhetorical behavior of the character, verbal sequence, adaptation, interpretation, Dostoyevsky, The Brothers Karamazov.

В последние годы экранизации классических литературных произведений все чаще попадают в поле зрения исследователей – как литературоведов, так и теоретиков киноискусства. При этом в центре внимания ученых часто оказываются проблемы

соответствия киноверсии произведения литературному источнику в содержательном, образном, эмоциональном планах [1–4]. Однако системного подхода к оценке соответствия фильма – книге, визуального образа – текстовому, режиссерского видения – писательскому до сих пор не выработано. По нашему мнению, основу такого подхода может составить разносторонний глубинный филологический анализ текста, нацеленный на выявление его ключевых содержательных элементов, с последующим поиском и анализом их экранной реализации.

Очевидно, что любая киноверсия литературного произведения является его интерпретацией. Будучи в большей или меньшей степени близкой литературному источнику, киноверсия всегда представляет собой его прочтение, творческое видение. Режиссер (автор сценария, актер и (или) другие субъекты такого видения) при создании кинопроизведения может намеренно и подчеркнуто дистанцировать свое прочтение текста от авторского, предоставить своего рода антиверсию литературного произведения: бросить вызов идейному и эмоциональному содержанию текста, перекроить его сюжет и образную систему, оспорить авторскую оценку тех или иных героев и событий. Однако даже для такой интерпретации (не менее, чем для воссоздания предельно близкой оригиналу визуализации произведения) необходимо в первую очередь верно – в соответствии с авторским замыслом – прочесть текст. Исследователи отмечают, что только экранизация, основанная на верном прочтении литературного источника, может рассчитывать на успех у аудитории: «Залог удачной экранизации – правильно прочитанная режиссером книга. Это умение понять позицию автора, его видение героев, их характеров и описываемой эпохи, умение прочувствовать атмосферу произведения, а затем преобразить текст в экранное изображение» [4, с. 35].

Не следует забывать и о том, что для зрителя, не знакомого с литературным источником, киноинтерпретация становится единственным источником восприятия литературного текста, а значит, и удаchi, и промахи создателей кинопроизведения могут быть ошибочно приписаны аудиторией автору литературного текста. Это положение особенно остро ставит вопрос о соответствии экранизации литературному источнику и требует серьезной научной разработки методик оценивания этого соответствия. Цель данной статьи – представить одну из таких методик.

Одним из ярких маркеров соответствия экранизации литературному источнику является совпадение риторического поведения персонажей в тексте на экране. В понятие риторического поведения мы включаем характеристики речи, сопровождающие ее движения и действия, эмоциональное состояние говорящего,

находящее воплощение в речи, особенности вербального и невербального взаимодействия говорящего с аудиторией в монологе или нескольких говорящих в диалоге и т. д. В риторике соответствующие характеристики (акустика, смысловое движение речи, кинесика – сопровождающие речь мимика, жесты, движения) изучаются как важнейшие составляющие «риторического портрета» или «риторического имиджа» оратора [5, с. 102–215]. В художественном тексте они формируют риторический портрет персонажа, участвуют в сюжетном движении, а также играют ключевую роль в выражении отношения автора к словам героя, эксплицитно или имплицитно представляют авторскую оценку содержания и достоверности речи персонажа.

Наиболее продуктивным методом анализа риторического поведения персонажа, учитывая широту этого понятия, представляется выделение и исследование одноименного словесного ряда – «последовательности (не обязательно непрерывной) языковых единиц разных ярусов, объединенных композиционной ролью и соотнесенностью с определенной сферой языкового употребления или с определенным приемом построения текста» [5, с. 152]. Обратимся к словесному ряду «риторическое поведение персонажа» в эпизоде романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы», проанализируем его и сопоставим полученные в результате анализа риторические портреты персонажей в тексте с их риторическими портретами в наиболее популярной современной экранизации романа – многосерийном фильме «Братья Карамазовы» режиссера Юрия Мороза (2009).

Рассмотрим значимый с точки зрения формирования образной системы романа и эмоционально напряженный фрагмент книги «Неуместное собрание» – появление в келье старца Дмитрия Карамазова. Этот эпизод важен, во-первых, как первое самопредставление перед читателем (в киноверсии – зрителем) одного из центральных персонажей романа – Мити, во-вторых, как символическая сцена, содержащая явные предзнаменования дальнейшего трагического развития сюжета. Выделим в соответствующем текстовом фрагменте компоненты словесного ряда «риторическое поведение персонажа», относящиеся к образу Дмитрия и его собеседников.

«Шагал он решительно, широко, по-фрунтовому. На мгновение остановился он на пороге и, окинув всех взглядом, прямо направился к старцу, угадав в нем хозяина. Он глубоко поклонился ему и попросил благословения. Старец, привстав, благословил его; Дмитрий Федорович почтительно

поцеловал его руку и с необыкновенным волнением, почти с раздражением произнес:

– Простите великодушно за то, что заставил столько ждать. Но слуга Смердяков, посланный батюшкою, на настойчивый мой вопрос о времени, ответил мне два раза самым решительным тоном, что назначено в час. Теперь я вдруг узнаю...

– Не беспокойтесь, – **перебил** старец, – ничего, несколько замешкались, не беда...

– Чрезвычайно вам благодарен и менее не мог ожидать от вашей доброты. – **Отрезав** это, Дмитрий Федорович еще раз **поклонился**, затем, вдруг **обернувшись в сторону своего «батюшки», сделал и тому такой же почтительный и глубокий поклон.** Видно было, что он обдумал этот поклон заранее и надумал его искренно, почтя своею обязанностью выразить тем свою почтительность и добрые намерения. Федор Павлович, хоть и застигнутый врасплох, **тотчас по-своему нашелся: в ответ на поклон Дмитрия Федоровича он вскочил с кресел и ответил сыну точно таким же глубоким поклоном.** Лицо его сделалось вдруг важно и внушительно, что придало ему, однако, решительно злой вид. Затем молча, общим поклоном откланявшись всем бывшим в комнате, Дмитрий Федорович своими большими и решительными шагами подошел к окну, уселся на единственный оставшийся стул неподалеку от отца Паисия и, **весь выдвинувшись вперед** на стуле, **тотчас приготовился слушать** продолжение им прерванного разговора.

Появление Дмитрия Федоровича заняло не более каких-нибудь двух минут, и разговор не мог не возобновиться.

<Разговор Миусова с Иваном. Порядок реплик: Миусов – Иван – Миусов>

– Позвольте, – **неожиданно крикнул вдруг Дмитрий Федорович,** – чтобы не ослышаться: «Злодейство не только должно быть дозволено, но даже признано самым необходимым и самым умным выходом из положения всякого безбожника»! Так или не так?

– Точно так, – сказал отец Паисий.

– Запомню.

Произнеся это, Дмитрий Федорович так же внезапно умолк, как внезапно влетел в разговор. Все посмотрели на него с любопытством» [7, т. 15, с. 63–65].

Выписав выделенные единицы словесного ряда с указанием их отнесенности к тому или иному персонажу, мы получим своего рода матрицу риторического эпизода – схему риторического поведения персонажей, следование которой в фильме приблизит киноверсию эпизода к текстовой, а отступление, соответственно, отдалит интерпретацию от авторского текста.

Дмитрий: «окинув всех взглядом, прямо направился к старцу, угадав в нем хозяина», «глубоко поклонился ему и попросил благословения».

Старец Зосима: «привстав, благословил его».

Дмитрий: «почтительно поцеловал его руку», «с необыкновенным волнением, почти с раздражением произнес».

Старец Зосима: «перебил».

Дмитрий: «отрезав это», «поклонился», «обернувшись в сторону своего «батюшки», сделал и тому такой же почтительный и глубокий поклон».

Федор Павлович: «тотчас по-своему нашелся: в ответ на поклон Дмитрия Федоровича он вскочил с кресел и ответил сыну точно таким же глубоким поклоном. Лицо его сделалось вдруг важно и внушительно, что придало ему, однако, решительно злой вид».

Дмитрий: «молча, общим поклоном откланявшись всем бывшим в комнате», «весь выдвинувшись вперед», «приготовился слушать».

<Разговор Миусова с Иваном. Порядок реплик: Миусов – Иван – Миусов>

Дмитрий: «неожиданно крикнул вдруг», «произнеся это, Дмитрий Федорович так же внезапно умолк, как внезапно влетел в разговор».

Все: «посмотрели на него с любопытством».

Анализ словесного ряда позволяет выделить значимые особенности образа Дмитрия Карамазова как образа ратора – говорящего персонажа полифонического текста, носителя «самостоятельного голоса», «значащего слова» [8]. Первая такая особенность, проявляющаяся в самом начале эпизода, – подчеркнутое уважение к собравшимся, в частности искреннее уважение к старцу Зосиме и показное – к Федору Павловичу. Вторая значимая черта риторического образа персонажа – его высокая эмоциональность, доходящая до горячности. Именно она сквозит и в явном возмущении Дмитрия поведением отца, и (что особенно важно для данного эпизода) в резком включении в разговор о вседозволенности: напомним, что впоследствии

обещание Мити «запомнить» мысль Ивана становится косвенным доказательством вины каждого из них в смерти отца. Эти две в некоторой степени противопоставленные друг другу тональности общения с окружающими формируют противоречивый образ персонажа-ритора, совмещающий явную установку на соблюдение правил приличия перед собравшейся публикой и собственную природную горячность.

Сопоставим полученную риторическую схему эпизода и описанный риторический портрет персонажа с представленными в экранизации Ю. Мороза. Для этого опишем риторически значимые черты поведения персонажей в соответствующем эпизоде фильма. Дмитрий несмело входит в келью, оглядывается на дверь, убеждается, что плотно затворил ее за собой (жест, выдающий неуверенность, смущение); сперва он обращается к старцу и лишь потом начинает нервно, перескакивая взглядом с одного на другого, рассматривать присутствующих (отсутствует особо отмеченная в тексте Достоевского первичная оценка риторической ситуации). Говорит не слишком эмоционально, явно оправдываясь. Даже указание на то, что Смердяков намеренно ввел его в заблуждение, звучит оправданием опоздания Дмитрия, а не укором в адрес Федора Павловича. Только после сбивчивой оправдательной речи Дмитрий кланяется старцу Зосиме, получает его благословение. Все присутствующие внимательно наблюдают за Дмитрием. Дмитрий весьма неуверенно, без акцента на запланированность жеста, кланяется отцу. В ответ Федор Павлович вскакивает с места и выделяет, вместо ответного уважительного поклона, шутовской показной реверанс. Несмотря на дикость сцены, никто не делает ему замечания, все ведут себя так, будто ничего необычного, выходящего за рамки ожидаемого не произошло: только Иван пристально смотрит на Алешу, а Алеша, в свою очередь, опускает взгляд. Заметим, что в тексте Достоевского первый же значительно менее зрелищный выпад Федора Павловича в сторону сына мгновенно пресекается Зосимой: «Говорите без юродства и не начинайте оскорблением домашних ваших») [7, с. 66]. В киноверсии Зосима не обращает внимания на оскорбительное юродство Федора Павловича. Дмитрий также не реагирует на жест отца, что несовместимо с отмеченной выше горячностью персонажа Достоевского. Миусов смотрит на Дмитрия и открыто приглашает его присоединиться к беседе: «Митя, Мы тут говорили о статье вашего брата...». Дмитрий в это время пытается расположиться на табурете и разместить рядом свои вещи. Явно не готовый вступить в разговор, он с совершенно потерянным видом произносит: «Ну, это очень, очень кстати». Эта бессодержательная фраза как нельзя лучше показывает степень

неподготовленности персонажа не только к активному участию в беседе, но и к осмысленному слушанию: очевидно, он произносит ее из вежливости и необходимости ответить хотя бы что-нибудь на явное приглашение к беседе. Еще более далеким от литературного источника оказывается продолжение разговора. У Достоевского собравшиеся возвращаются к ранее начатой беседе, словно забыв о Дмитрие, а он врывается в нее заинтересованным выкриком, тем самым обращая на себя общее внимание. В экранизации включение Дмитрия в разговор вновь происходит не по его воле: после короткого разговора с Иваном, поясняющего содержание его статьи, Миусов пристально смотрит в сторону Мити, словно ожидая от него реплики. На некоторое время в комнате наступает тишина, прерываемая лишь громким чиханием Федора Павловича. Таким образом, Миусов вновь вынуждает Дмитрия вступить в разговор. «Простите, я не ослышался...» – начинает Дмитрий спокойно, безэмоционально, без акцентированного в тексте Достоевского надрыва. Столь же спокойно и не слишком заинтересованно произносит он и ключевое «запомню». Таким образом, отказ от следования схеме риторического поведения персонажа, представленной в литературном источнике, разрушает целостность образов персонажей, создает ощущение сбоя в логике повествования. Федор Павлович с самого появления Дмитрия позволяет себе выходку, никак не вяжущуюся с исходной задачей очернить его в глазах собравшихся. Присутствующие делают вид, что не заметили ее, что явно противоречит логике развития образов, как минимум, старца Зосимы и самого Дмитрия. Наконец, полностью утрачено сюжетно значимое указание на интерес Дмитрия к идее Ивана.

Таким образом, проанализировав риторическое поведение персонажей в небольшом по объему эпизоде текста и эпизоде экранизации, мы выявили сразу несколько несоответствий, причем несоответствий в ключевых для формирования образа центральных персонажей и продвижения сюжета деталях. Результаты проведенного анализа явно свидетельствуют о том, что режиссерская интерпретация несовместима с представленным в тексте авторским видением персонажа, она формирует в сознании зрителя образ Дмитрия Карамазова, принципиально отличный от романного, а также ставит под сомнение общую логику повествования и развития образов. Столь заметные результаты проведенного анализа доказывают возможность использования словесного ряда «риторическое поведение персонажа» в качестве инструмента оценки соответствия экранизации литературному источнику и открывают перспективы дальнейшего исследования риторических портретов персонажей по описанной методике.

Список литературы

1. Гиллесли Д. Ч., Гураль С. К. Экранизация литературных произведений и политика в области культуры: русский подход к экранизации литературного материала / Вестник Томского государственного университета. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2016. № 413. С. 52–56.
2. Арустамова А. А., Жужгова М. И. Экранизации романа Л.Н. Толстого З. Анна Каренина: сравнительная характеристика главной героини / Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – Нижний Новгород: Научно-издательский центр «Открытое знание», 2019. № 4 (48). – С. 222–229.
3. Доманский В. А. Экранизация как интерпретация литературной классики / Литература в школе. – М.: ООО «Редакция журнала "Уроки литературы"», 2018. № 1 – С. 26–29.
4. Горбунова Д. О. Экранизация художественных произведений: приобретения и потери / Язык как основа современного межкультурного взаимодействия: материалы V Международной. науч.-практ. конф. – Пенза: Изд-во ПензГТУ, 2019. – С. 34–39.
5. Михальская А. К. Сравнительно-историческая риторика. – М.: Форум : Инфра-М, 2013. – 320 с.
6. Горшков А. И. Русская стилистика и стилистический анализ произведений словесности / А. И. Горшков. – М.: Литературный ин-т им. А. М. Горького, 2008. – 544 с.
7. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Л.: «Наука», 1972–1990.
8. Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Русские словари : Языки славянской культуры, 2002. – Т. 6. – 799 с.

УДК 811.161.1

Словообразовательные варианты притяжательных прилагательных XI-XVII вв. (по данным лексикографических источников)

Шумилова Марина Владимировна

старший преподаватель кафедры предметных технологий
начального и дошкольного образования, Омский государственный педагогический
университет, РФ, г. Омск
shumilova_m.v@mail.ru

**Word-formation variants of possessive adjectives XI-XVII centuries
(according to lexicographic sources)**

Shumilova Marina Vladimirovna

Senior Lecturer at the Department of Subject Technologies in Primary and
Preschool Education, Omsk State Pedagogical University
Russia, Omsk

Аннотация. В статье анализируются притяжательные прилагательные, извлеченные методом сплошной выборки из исторических словарей. Адъективы, обозначающие принадлежность, часто встречаются в современных художественных текстах и живой речи. Вопреки предположению об их исчезновении, продолжают употребляться, расширяя свое значение до относительных прилагательных. В силу того, что подобная дублетность, взаимозаменяемость наблюдались в русском языке в средние века, предметом данного исследования являются количественное соотношение суффиксов, их продуктивность и лексические особенности притяжательных прилагательных XI-XVII вв. В это время в русском языке в 40% случаев от одной основы существительного образовывались два и более притяжательных прилагательных. Собранный материал позволяет говорить о большей продуктивности суффикса -ий-, и чуть меньшей – -ов-.

Ключевые слова: притяжательное прилагательное, относительное прилагательное, суффикс, словообразовательный вариант, продуктивность.

Abstract. The article analyzes possessive adjectives extracted by the method of continuous sampling from historical dictionaries. Possessive adjectives are often found in modern literary texts and lively speech. Contrary to the assumption of their disappearance, they continue to be used, expanding their meaning to relative adjectives. Due to the fact that such doublet, interchangeability was observed in Russian in the Middle Ages, the subject of this study is the quantitative ratio of suffixes, their productivity and lexical features possessive adjective of the XI-XVII centuries. At that time in Russian, in 40% of cases two or more possessive adjectives were created on from the basics of nouns. The collected material demonstrated higher productivity suffix -iy- and slightly lower - -ov-.

Keywords: possessive adjective, relative adjective, suffix, derivational variant, productivity.

Притяжательные прилагательные активно изучались в середине прошлого века, но предметом исследования лингвистов (Гриншпун Б.М., Белошапкова В.А., Земская Е.А.) [1, 2] были в основном адъективы древнерусские в сравнении языковым наследием XX в. Судьба

этого разряда ученым виделась неутешительной: группу называли распадающейся и непродуктивной. Некоторые лингвисты (Виноградов В.В., Давлетшина С.М.) [3, 4] предлагали включить подобные прилагательные в разряд относительных, т.к. понятие посессивности по сути является свойством, качеством предмета. Однако, кроме конкретного значения, у этих прилагательных есть особая структурная примета: суффиксы -ов-, -ин-, -ий- и их варианты. Стоит отметить, что изучение этого разряда в школе всё ещё актуально, так как связано с правописанием одной и двух букв *н*. Известно, что «написание с одной *Н* прилагательных, образованных от существительных, основы которых также заканчиваются на *Н*, вызывает либо ошибки, либо (в случае правильного написания) серьёзные затруднения при попытке объяснить это написание» [5, с.35]. Также, по наблюдениям современных лингвистов (Норман Б.Ю., Шмелева Т.В.) [6, 7], предположения о судьбе посессивных прилагательных, выдвинутые более полувека назад, на данный момент не торопятся сбываться: адъективы типа *Машин*, *Васин* или *мамин*, *папин*, *дядин*, *тетин* активно употребляются в живой речи. Лингвист Б. Ю. Норман в своих наблюдениях замечает «довольно свободное образование притяжательных прилагательных» в современных художественных текстах [6, с. 93]. Проблемы целесообразности включения притяжательных адъективов в разряд относительных, история развития (или угасания?), состояния данного разряда в живой речи носителей языка требуют дополнительных исследований.

Предложение включить притяжательные в разряд относительных обусловлено употреблением посессивов в разных значениях, которые часто иллюстрируют свойство, качество предмета, например, *медвежья услуга*, *орлиный взгляд*, *лисья хитрость* – всё это характеристики человека, а не названных животных или птиц. Дифференциация адъективов затруднительна ещё по другой причине: не всегда ясно, к чему именно относится признак (одному субъекту или нескольким) и кто является реальным владельцем (животное или человек). Так, например, определяя прилагательные *акулий* и *барсучий*, составители Большого академического словаря русского языка в первом случае ограничились формулировкой «относящ. к барсуку, барсукам» [10, Т.1, с. 399], во втором же указали «относящ. к акуле, акулам (в 1 знач.), принадлежащий акуле» [10, Т.1, с. 152]. На наш взгляд, в словосочетаниях *барсучья шкура*, *акулий плавник* прилагательные в большей степени отражают посессивность, хотя стоит признать, в этих сочетаниях возможны два вопроса: *чей?*, обозначающий принадлежность, и *какой?*, обозначающий отношение, свойство, потому подобные слова возможно определить как притяжательно-относительные. Следует отметить, что уже в XI веке существовали подобные примеры: *ходиша въ овъчахъ и козьяхъ кожахъ* (Панд. Ант. (Амф.), 56) (здесь и далее цит. по Словарю русского языка XI-XVII вв.) – с одной стороны, *кожа* принадлежит *козе* и *овце*, с другой стороны, имеется в виду одежда из кожи, и в таком случае

посессором является человек, а не животное, и прилагательное становится относительным; другой пример – *яросль ихъ [грешников] по образу змиину* (Новг. I лет., 80) – также возможны различные толкования.

Известно, что в русском языке XI-XVII вв. притяжательных прилагательных было больше, чем в современном. Все же следует помнить, что сравнение таких далеких периодов не вполне правомочно, поскольку сведения об употреблении древнерусских прилагательных мы черпаем в большей степени из дошедших до нас памятников письменности, а не живой речи. Тем не менее, наличие нескольких посессивов, образованных от одной основы и при помощи разных суффиксов, может служить косвенным доказательством более частого употребления притяжательных прилагательных в средние века. Известно, что в XVI-XVII вв. существовали «целые ряды дублетных или частично совпадающих по семантике» прилагательных [8, с. 34]. Количественное соотношение суффиксов, их продуктивность, возможные изменения в значениях адъективов представляет интерес и является предметом статьи.

Материалом для исследования послужили притяжательные прилагательные, извлеченные из толковых и исторических словарей. Выбор такого источника, как словарь, обусловлен рядом причин. Во-первых, в словаре фиксируется отобранный, проанализированный материал. Во-вторых, обязательно присутствуют иллюстрации, которые позволяют судить о функциональных возможностях исследуемых лексических единиц. В-третьих, словарь позволяет говорить о достоверности материала.

Картотека исследования насчитывает 826 единиц, из которых около 40% являются прилагательными, образованными от одной основы. Анализ материала показал, что чаще всего (в 80% случаев) мы имеем дело с парой адъективов, производящей базой которых было одно и то же существительное: *агнчевъ – агнчий, апостоловъ – апостоль, волостелевъ – волостелинъ, дьяконий – дьяконовъ, дядинъ – дядний, княжеевъ – княжий, кошачий – кошкинъ, курвий – курвинъ, ласткинъ – ласточий, младеничъ – младенцевъ, отроковый – отрочий, папинъ – паповъ полковниковъ – полковничий, сотниковъ – сотничий* и др.

В Словаре русского языка XI-XVII вв. (далее СлРЯ XI-XVII вв.) зафиксированы случаи образования от одного существительного трех и более прилагательных, выступающих как в роли относительных, так и в роли притяжательных. Приведем примеры трех словообразовательных вариантов: *бабий – бабинъ – бабний; епископлъ – епископий – епископский; извоициковъ – извоицицкий – извоицичий; казначеевъ – казначеинский – казначейнинъ; каликинъ – каличий – каличный; помѣщиковский – помѣщичий – помѣщиковъ; проскурничий – проскурницынъ – проскурничий; рыбниковъ – рыбничий – рыбничий; скотиевъ – скотий – скотский; тиуновъ – тиунский – тиунъ*; по четыре варианта образований

от одной основы: еленевый – елений – еленный – елень; куриый – куриный – куровъ – курячий; птичий – птичинъ – птичный – птичь.

В СлРЯ XI-XVII вв. было обнаружено по пять прилагательных, образованных от одного существительного: звѣрий – звѣриный – звѣрный – звѣрский – звѣрячий; коневий – коний – кониный (и конинный) – конский – конячий; митрополитов – митрополический – митрополитский – митрополичий – митропольский; невѣстинъ – невѣстний – невѣстничъ – невѣстьскый – невѣстный; отний – отцовъ – отцовский – отчий – отчинъ.

Подробнее разберем особенности функционирования подобных синонимов на примере прилагательных, образованных от основы слова **брат**. Так, в СлРЯ XI-XVII вв. прилагательное **братний (братный)** трактуется как *прил. к братъ (в разн. знач.)*. Контексты: *ихъ же ради братьная паче же и отъчьскыя любѣве печалию и чистотою намъ повелѣ* (Ефр. Корм., 368. XII в.), *а въ Устюге на посаде прошали жъ у невѣстки у Дарье того братня живота, хлеба и скота* (АХУ III, 21. 1626 г.) – позволяют нам говорить, что притяжательно-относительная характеристика этого слова появилась уже в XII в., а невыразительная краткая форма употреблялась вплоть до XVII в. Существует отдельная статья для прилагательного **братень**, но, к сожалению, в ней не приведены ни контекст, ни толкование, дана лишь ссылка на слово **братний**, что позволяет нам приблизительно судить о его значении и о времени существования.

Другие прилагательные с корнем -брат- образованы от формы множественного числа – **братья**, или **братия**: **братынъ** и **братьяный**: *а на отводѣ былъ у меня Ленко жъ и въ материно мѣсто и въ братьино* (АЮБ III, 132. XVI в.), причем к **братьяный** дано толкование «принадлежащий, относящийся к братьям»: *у него жъ [монаха Ефрема] есть посестриа и братьяные сродники* (Гр. Арганг. еп., 20. 1696 г.) – приведенный контекст позволяет нам говорить о вполне конкретной принадлежности. Прилагательное **братский** в словаре не зафиксировано, однако с XI в. по XIV в. существовал его синоним – **братенский**: *Исакъ же и Ревека... призвавъша же иякова и Исава и помольшася има купно и закленьша има миръ имѣти въ себѣ, братеньское собѣство и любовь держати запрѣтивъша, преставистася* (Хрон. Г. Амарт., 93. XIII – XIV вв. ~ XI в.) – в словосочетании **братеньское собѣство** (братская общность, братское сродство) адъектив можно квалифицировать только как относительное. Возможно, позже это слово подверглось морфонологическим изменениям и дало современное прилагательное **братский**. Стоит отметить, что XVI в. существовало слово **братинский**, но обозначало оно принадлежность монахам, братии: *да никтоже отъ братии ничтоже нигдѣ не възметь... ни монастырьскую вещь, ниже братиньскую* (Иос. Вол. дух. гр.) ВМЧ, Сент. 1-13, 526. XVI в.).

Изучение прилагательных, создавших пару при образовании от одного субстантива при помощи двух разных морфем, выявило наибольшую продуктивность суффикса **-ий-**. При этом чаще встречалась корреляция с **-ов-** (*архангеловъ – архангелий, архиепископлевъ – архиепископий, арцикнязевъ – арцикняжий, галовъ – гажий, игуменовъ – игумений, кожевниковъ – кожевничий, мучениковъ – мученичий, мясниковъ – мясничий, орловый – орлий, осетровый – осетрий, отроковый – отрочий, патриарховъ – патриарший, садовниковъ – садовничий* и др.), что составило 37% от общего числа «парных» прилагательных. Словообразовательные варианты с **-ий-** и **-ин-** были обнаружены реже – в 21% случаев (*вдовинъ – вдовий, вдовицынь – вдовичий, зайчиный – заячий, карлинъ – карличий, павинъ – павий, собакинъ – собачий, соколиный – соколий* и др.).

Вторым по продуктивности оказался суффикс **-ов-**. Кроме указанной выше корреляционной пары с **-ий-**, он также встречается в дуэте с **-ск-** (в 14% случаев): *государевъ – государский, капитановъ – капитанский, кардиналовъ – кардинальский, псаревъ – псарский; -ј- и **-ин-** (по 10% каждый): *арцибискуповъ – арцибискупль, господиновъ – господинь, жениховъ – женишь, неяситовъ – неясиць, журавлевъ – журавлиный, львовъ – львиный, предтечевъ – предтечинъ*.*

Другие словообразовательные варианты прилагательных, например, с **-ий-** и **-ск-(-к-)** (*охотничий – охотницкий, рабий – рабский*), **-ин-** и **-ск-** (*татиный – татский*), **-ий-** и **-н-** (*горносталий – горностаальный, жупеличий – жупеличный*) и другие составляют незначительные группы (в общей сложности 8% от общего числа).

Рассматривая дальнейшую судьбу притяжательных прилагательных, образованных от одной основы, можно утверждать, что на сохранение слова в языке повлиял ряд признаков: фонетический облик адъектива, способность обозначать не только принадлежность, но и характеристику самого предмета, а также наличие производящей базы в современном русском языке. Так, например, субстантив *горностааль* в памятнике письменности зафиксирован последний раз в 1634 г., адъектив *горносталий* – в 1669 г., в Словаре Академии Российской (1789-1794 гг.) отсутствуют оба слова, следовательно, из активного употребления прилагательное вышло в XVII в. не по своим каким-то характеристикам, а под влиянием исчезновения существительного.

В целом притяжательные прилагательные всех словообразовательных типов могли образоваться как от основ, обозначающих человека (*трубничий, трубачевъ, татиный, тиунъ*), так и животного (*враний, быковый, соколиный, медвѣчь*). Самыми многообразными были наименования людей, поэтому образованные от таких основ прилагательные также представлены в большом количестве. Так, принадлежать что-либо могло человеку, которого называли: а) по родству: *бабинъ, отчинъ, сестренъ, дядний, мужний*; б) по социальной роли,

профессии: *архиепископовъ, архиискупль, вдовинъ, господинъ, дьяконовъ, епископий, звонцовъ, извошниковъ, казначейнинъ, кесаревъ, княжий, мызничий, рабий*; в) по какой-либо личному качеству: *мученичий*.

В СлРЯ XI-XVII вв. зафиксировано большое количество притяжательных прилагательных, вошедших в состав имен собственных: *Афонасей Григорьевъ сынъ Каликина, Михалко Мызниковъ, Юрья Протопопина, Яковъ Григорьевъ сынъ Протопоповъ, Стефанъ Родионовъ сынъ Скомороховъ, Онтон Сотникова, Иванъ Семеновъ сынъ Спасителевъ* и др.

Немногочисленную группу составляют прилагательные, производные от основ, обозначающих библейских существ: *агнчевъ (принадлежащий безгрешному человеку, Иисусу Христу), спасовъ, спасителевъ, супостаць (принадлежащий дьяволу)*.

Проведенное исследование позволяет говорить о значительном словообразовательном многообразии притяжательных прилагательных, их функциональных возможностях. Приведенные в статье иллюстрации к лексическим единицам в большей степени относятся к языку XV-XVII вв., периоду, который наименее освещен русистами, и потому нуждающемся в тщательном изучении.

Список литературы

1. Гриншпун Б.М. Притяжательные прилагательные с суффиксами -ин-, -ов- в современном русском языке: дисс. ... к. филол. н. М.: Моск. гос. пед. ин-т, 1967. 312 с.
2. Белошапкова В.А., Земская Е.А. Из истории функционирования отсубстантивных прилагательных // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. - С. 4-25.
3. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове) / ред. Г.А. Золотова. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2001. 720 с.
4. Давлетшина С.М. Особенности категоризации притяжательных прилагательных в русском языке // Известия ВГПУ. 2018. №10 (133). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-kategorizatsii-prityazhatelnyh-prilagatelnyh-v-russkom-yazyke> (дата обращения: 27.11.2019).
5. Щербакова Наталья Николаевна О роли лингвистической компетенции в формировании орфографического навыка // Филологический класс. 2015. №2 (40). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-rol-i-lingvisticheskoy-kompetentsii-v-formirovanii-orfograficheskogo-navyka> (дата обращения: 04.12.2019).
6. Норман Б.Ю. Грамматика каноническая, реальная и потенциальная // Język i metoda: Publikacja dofinansowana przez Uniwersytet Jagielloński ze środków Wydziału Filologicznego / Red. dr hab. Dorota Szumska, dr Krzysztof Ozga. Wydanie I, Kraków, 2015. С. 91-104.
7. Шмелева Т.В. Притяжательные прилагательные: почему не сбывается виноградовский прогноз? // Инструментарий русистики: корпусные подходы (Slavica Helsingiensia, 34). Helsinki, 2008. С. 358-371.
8. Генералова Елена Владимировна Относительные прилагательные в старорусском языке: становление системы // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2017. №45. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnositelnye-prilagatelnye-v-staroruskom-yazyke-stanovlenie-sistemy> (дата обращения: 04.12.2019).

Список источников

9. Словарь русского языка XI-XVII вв.: в 30 вып. / Ин-т рус. яз. М.: Издательство «Наука», 1975-2015.
10. Большой академический словарь русского языка / РАН, Институт лингвистических исследований. М.; СПб.: Наука, 2004-продолжает издаваться.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 811.512.153; 811.512.156

Посмертное бытие человека в Новом Завете: особенности перевода библейских терминов на хакасский и тувинский языки

Гусейнова Аурика Вагифовна

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасский государственный университет имени Н.Ф. Катанова, РФ, г. Абакан
aurika_guseynova@mail.ru

Лопсан Алимаа Партизановна

Старший преподаватель кафедры иностранных языков Тувинский государственный университет, РФ, г. Кызыл
lopsan121286@mail.ru

The postmortem existence in the New Testament: the features of the translation of biblical terms into the Khakass and Tuvan languages

Guseinova Aurika Vagifovna

PhD in Philology, senior researcher of the Research Institute of Humanities and Sayan-Altay Turcology, Katanov Khakass State University, Russia, Abakan

Lopsan Alimaa Partizanovna

Senior teacher at the Department of foreign languages, Tuvan State University
Russia, Kyzyl

Аннотация. В статье исследуются особенности перевода библейских терминов, обозначающих места посмертного пребывания человеческих душ, на хакасский и тувинский языки. Авторами установлено, что перевод термина *ад* на хакасский и тувинский языки репрезентирует библейскую метафору *смерть – движение вниз* и соответствует традиционным представлениям хакасов и тувинцев о загробном мире как о нижнем, подземном. Термин *геенна огненная* переводится на хакасский и тувинский языки словосочетаниями с общим семантическим признаком «огонь». *Рай* на хакасский язык переводится как *Божий сад*, что соответствует библейским представлениям о рае как о саде. В Библии на тувинском языке *рай* обозначается словом, которое восходит к буддийской терминологии. Анализ перечисленных терминов позволил установить как сходства, так и различия между христианским учением о загробной жизни и традиционными представлениями хакасов и тувинцев о посмертной участи праведников и грешников.

Ключевые слова: Хакасский язык, тувинский язык, Новый Завет, загробная жизнь, рай, ад.

Abstract. The article considers the peculiarities of the translation of biblical terms denoting places of postmortem stay of human souls into Khakass and Tuvan languages. The authors found that the translation of the term *hell* represents the biblical metaphor of *the death like downward movement* and corresponds to the traditional ideas of the Khakass and Tuvans about the afterlife as a lower, underground world. The term *the hell fire* is translated into Khakass and Tuvan languages by phrases with a common semantic meaning «fire». *Paradise* in the Khakass language is the *God's garden*, what corresponds to the biblical notions of *Paradise* like a garden. In the Tuvan Bible *Paradise* is denoted by a word that goes back to Buddhist terminology. The analysis of the listed terms allowed to establish both similarities and differences between the Christian afterlife doctrine and the traditional ideas of the Khakass and Tuvan peoples about the postmortem fate of the righteous and sinners.

Keywords: Khakass Language, Tuvan Language, New Testament, afterlife, paradise, hell.

Представление о загробной жизни человеческой души является частью библейской эсхатологии – учения о конце всего мира и посмертном бытии отдельного человека. Согласно И.А. Карнаухову, новозаветная модель посмертного существования характеризуется как бинарная и «включает в себя категории “праведник”, “грешник”. В соответствии с этими категориями разрабатываются категории посмертной онтологии: “рай”, “ад”» [1, с. 89]. Именно эти категории мы рассмотрим в данной статье, целью которой является исследование особенностей перевода библейских терминов, касающихся посмертной участи человеческой души, на хакасский и тувинский языки (на материале текстов Нового Завета). Частично эта тема затрагивалась в [2], однако в настоящей статье мы подробно остановимся на библейских терминах *рай*, *ад* и *геенна огненная*.

Исследуя особенности метафорической репрезентации компонентов концептуального поля «загробная жизнь» в Библии, А.Б. Сомов приходит к выводу о том, что концепт *смерть* метафорически репрезентируется лексемами со значением *сон* и *движение вниз*. Согласно ветхозаветным представлениям еврейского народа, в которых лежат истоки христианства, местом пристанища мёртвых являлся *Шеол* – «подземный, «теневой» мир, в который уходит душа умершего и пребывает там вдали от Бога и своих близких» [3, с. 97]. Следовательно, «местонахождение душ умерших метафорически связано с нижним уровнем бытия, а умирание иногда ассоциируется с движением вниз» [Там же, с. 98]. О.И. Краснов указывает, что для обозначения ада в Библии используется не только вышеупомянутое *Шеол* (לֵאָלִם), то есть обитель мертвых в Ветхом Завете, но и греческое *Аид* или *Гадес* (ᾍδης), которое

использовалось для передачи еврейского слова *Шеол* в Септуагинте – переводе Ветхого Завета на древнегреческий язык [4]. Как еврейское, так и греческое слова обозначают подземную обитель мертвых. Библейская метафора *смерть – движение вниз* находит отражение и в переводе библейского термина *ад* на хакасский и тувинский языки:

И ты, Капернаум, до неба вознесшийся, до *ада* низвергнешься (Мф. 11:23):

Син дее, Капернаум, тигірзер өөрлеттірерзің ме? Чох, чир тўбінзер тастаттырарзың! (хак.)

Капернаум, сен база-ла дээрге чедир көдүрлүрүн кордадың бе? Чок, тамыже дүндерлип дүжер сен! (тув.).

В хакасском переводе Нового Завета *ад* обозначается словосочетанием *чир тўбі*, которое переводится как *дно земли* [5, с. 970], что находится в соответствии не только с вышеупомянутой метафорой, но и с традиционными представлениями хакасов о загробном мире. Согласно В.А. Бурнакову, в традиционной картине мира хакасов мироздание имело вертикальную трехуровневую структуру, включающую в себя Верхний, Средний и Нижний миры. Автор указывает, что Нижний мир в хакасском языке имеет множество названий, наиболее распространенными из которых (с конкретным обозначением его локализации) являются такие как «*тёбінкі тилекей*» – букв. «дно вселенной» и «*чир алтындагы орын*» – букв. «подземное пространство» [6, с. 31]. В тувинском тексте Нового Завета *ад* обозначается словом *тамы*, которое переводится не только как *преисподняя*, но и как *пропасть, глубокая яма* [7]. Интересно, что для обозначения Сатаны, дьявола в тувинском переводе Библии использовано слово *Эрлик* – «имя собственное владыки подземного царства (Нижнего мира) в мифологии и фольклоре тюркских народов Южной Сибири» [8, с. 152], что подчеркивает представление об *аде* как о Нижнем мире. При этом в тувинском языке есть и прямые переводы слов *сатана* [9, с. 518] и *дьявол* [Там же, с. 149]: оба они могут быть переведены как *аза* и *четкер*. Однако переводчики Библии на тувинский язык обозначают главного противника небесных сил именем фольклорно-мифологического правителя царства мертвых, так как это слово для тувинского читателя не вызывает затруднений в понимании.

Таким образом, в основе понятия *ад* в хакасском и тувинском языках лежит представление о нем как о пропасти, бездне, месте самого глубокого падения. Однако в Новом Завете встречается и другое обозначение места посмертного пребывания грешников – *геенна огненная*:

А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему: «рака», подлежит синедриону; а кто скажет: «безумный», подлежит *геенне огненной* (Мф. 5:2):

Тіпчем сірерге, позының харындазына тиктең чабалланчатхан полған на кізі чарғыладарға кирек. Кем харындазын «нимее чарабаан» тир, ол Өөркі чарғыда чарғыладар. Кем харындазын «алығзың» тир, ол *көйчеткен көлзер* тастаттырарға чарғыладар (хак.)

А Мен ам силерге: „Өске кижиге килеңнээн кижиге безин шииткелге төлептиг – деп тур мен. Кым өске кижиге: „Чөгенчиг хей!“ – дээрил, ону дээди иудей Чөвүлелге шиидип болур. Кым: „Мелегей!“ – дээрил, ону *тамының оду*-биле кезедип болур (тув.).

Протоиерей Александр Мень разъясняет, что Геенна – это долина к юго-западу от Иерусалима, где в эпоху царей совершались ритуальные убийства в честь языческих богов. Впоследствии Геенна была превращена в свалку, где постоянно поддерживали огонь, а начиная со II в. до н.э. она стала символом загробного воздаяния за грехи [10]. На хакасский язык *геенна огненная* переводится как *көйчеткен көл*, то есть *горящее озеро* (см. Откр. 20:15: «И кто не был записан в книге жизни, тот был брошен в *озеро огненное*» – курсив наш). В тувинском тексте Нового Завета это понятие передаётся словосочетанием *тамының оду*, то есть «огонь ада».

Рассмотрев особенности перевода наименований мест посмертного пребывания грешных душ, обратимся к месту пребывания душ праведных. *Рай* в христианском учении – это обитель праведников, которую они наследуют после Страшного Суда, то есть Царство Божие, Царство Небесное, а также вечная жизнь в этом Царстве:

И сказал ему Иисус: истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в *раю* (Лк. 23:43):

– Сынны сағаа чоохтапчам, син пүүнөк Миннең хада *Худай садында* поларзың, - нандырған ағаа Иисус (хак.)

Иисус аңаа мынча деп харыылаан: «Алыс шынны сеңээ чугаалап тур мен: бөгүн-не Мээң-биле кады *дываажанга* турар сен (тув.).

В Новом Завете на хакасском языке слово *рай* переводится словосочетанием *Худай сады* «*Божий сад*», образованным с помощью русского заимствования. Отметим, что рай описывается как сад и в самом тексте Священного Писания (см. вторую и третью главы Книги Бытия и далее), и в сочинениях святых отцов. По словам А.А. Скоропадской, «христианство образом сада обозначило основные вехи

библейской истории: Эдемский сад в Ветхом Завете и Гефсиманский сад – в Новом» [11, с. 614], в связи с чем обозначение рая словосочетанием *Худай сады* представляется удачным.

В тувинском переводе Священного Писания *рай* обозначается словом *дываажан*, которое Б.И. Татаринцев считает монгольским или тибетским по происхождению [12, с. 308]. В этом же источнике представлено суждение Н.К. Поппе, который приводил монгольское слово в форме *dewājin* и трактовал его как тибетский эквивалент санскритского наименования рая *Sukhāwati* [Там же].

Исследователи традиционного мировоззрения южно-сибирских тюрков отмечают, что «в мифологии тюрков Южной Сибири оба мира, «небесный» и «подземный», – копии с одной матрицы – «среднего мира». В них реальный мир дважды повторяет себя, в первом случае абсолютизируя положительное, а во втором – отрицательное начала, уравнивающие друг друга в общей картине мира» [13, с. 16]. Таким образом, в традиционных представлениях коренных народов Южной Сибири праведные души после смерти отправляются в «верхний», «небесный» мир, как и в христианском учении, где местом посмертного пребывания праведников является Царство Небесное; однако если в Библии *рай* описывается как цветущий и благоухающий сад, то в традиционном мировоззрении южно-сибирских тюрков Верхний мир, по выражению В.А. Бурнакова, является «своеобразной калькой человеческого бытия» [14, с. 135].

Исследование особенностей перевода библейских терминов, обозначающих места посмертного пребывания человека, на хакасский и тувинский языки, позволило прийти к следующим выводам. Перевод термина *ад* на хакасский (*чир тјүбі* – «дно земли») и тувинский (*тамы* – «пропасть, яма») языки репрезентирует библейскую метафору *смерть* – *движение вниз*, а также соответствует традиционным представлениям хакасов и тувинцев о загробном мире как о нижнем, подземном. *Геенна огненная*, которая, согласно православному учению, придёт на смену аду после Судного дня, переводится на хакасский и тувинский языки словосочетаниями с общим семантическим признаком «огонь»: *горящее озеро* (хак. *кӱйчеткен кӱл*), *огонь ада* (тув. *тамының одун*). Что касается места пребывания праведных душ, то на хакасский язык *рай* переводится как *Худай сады* «Божий сад», что соответствует библейским представлениям о рае как о саде. В Новом Завете на тувинском языке рай обозначается словом *дываажан*, которое восходит к буддийской терминологии. Таким образом, анализ понятий *рай*, *ад* и *геенна огненная* в хакасском и тувинском переводах Нового Завета позволил установить как сходства, так и различия между

христианским учением о загробной жизни и традиционными представлениями хакасов и тувинцев о посмертной участи праведников и грешников.

Список литературы

1. Карнаухов И.А. Представления о посмертном существовании в философской картине мира в рамках анализа христианской культуры. – Тюмень: ТИУ, 2016. – 101 с.
2. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Особенности перевода православных текстов на тюркские языки Южной Сибири // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. № 12 (90). Ч. 1. – С. 83-86
3. Сомов А.Б. Библейские термины концептуального поля «загробная жизнь» (перевод Библии на языки буддийской культуры) // Родной язык: лингвистический журнал. – 2013. № 1. – С. 93-116
4. Краснов О.И. Мистическое наследие Писания // Аналитика культурологии. – 2016. № 1 (34). – С. 26-33
5. Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / под общ. ред. О.В. Субраковой. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.
6. Бурнаков В.А. Традиционные представления хакасов о Нижнем мире (кон. XIX – сер. XX вв.) // Религиоведение. – 2014. № 2. – С. 30-44
7. Тувинско-русский словарь. URL: <https://classes.ru/all-tuva/dictionary-tuva-russian.htm>
8. Мижит Л.С. Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка // Родной язык: лингвистический журнал. – 2016. № 1 (4). – С. 141-155
9. Русско-тувинский словарь: 32000 слов / под ред. Д.А. Монгуша. – Абакан: Журналист, 2015. – 664 с.
10. Протоиерей Александр Мень. Сын Человеческий. URL: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/2098#part_26007
11. Скоропадская А.А. Античные и христианские традиции в изображении сада в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Проблемы исторической поэтики. – 2015. № 13. – С. 613-628
12. Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. – Новосибирск: Наука, 2002. – 388 с. (Т. II: Д, Ё, И, Й).
13. Бурнаков В.А. Традиционное мировоззрение хакасов в исследовании священника М. Александрова // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. № 50. – С. 131-138
14. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир / Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. – 225 с.

УДК 811.512.111: 398 (470.344)

**Сравнения в чувашских свадебных песнях
(на материале Аургазинского района)**

Карпова Наталия Степановна

канд. пед. наук, доцент кафедры татарской и чувашской филологии
Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета
РФ, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак
nataliya.karpova2013@yandex.ru

**Comparisons in Chuvash Wedding Songs
(on material of Aurgazinsky district)**

Karpova Natalia Stepanovna

Cand. of Pedagogics, Associate Professor at the Department of Tatar and Chuvash
Philology, Sterlitamak Branch of Bashkir State University
Russian Federation, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak

Аннотация. Статья посвящена анализу сравнений, встречающихся в чувашских свадебных песнях. Автор описывает сравнения, распределив их на группы: прямые – выраженные с помощью союзов и послелогов, косвенные – выраженные с помощью аффиксов, бессоюзные – выраженные в форме предложений с составным именным сказуемым, отрицательные – основанные на раздельности сопоставляемых предметов.

Ключевые слова: сравнение, чувашские свадебные песни, прямое сравнение, косвенное сравнение, бессоюзное сравнение, отрицательное сравнение.

Abstract. The article is devoted to the analysis of comparisons found in Chuvash wedding songs. The author describes comparisons, dividing them into groups: direct – expressed with the help of conjunctions and postpositions, indirect – expressed with the help of affixes, non-union – expressed in the form of sentences with a compound nominal predicate, negative – based on the separability of the objects being compared.

Key words: Comparison, Chuvash wedding songs, direct comparison, indirect comparison, unionless comparison, negative comparison.

***Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ,
проект № 19-012-00498/19***

Цель данной работы – проанализировать сравнения в собранном в Аургазинском районе Республики Башкортостан материале чувашской свадебной обрядности. Большим своеобразием и уникальностью отличаются чувашские свадебные песни. Одним из наиболее распространенных тропов, встречающихся в чувашских свадебных песнях, является сравнение. Некоторые песни трудно поддаются переводу. В данной работе будет представлен перевод автора статьи.

Сравнение – вид тропа: уподобление соотносимых явлений (предметов, состояний), выраженное при помощи слов *точно, будто, словно, как, что, как будто*

и др., при этом свойства или качества одного явления (предмета, состояния) переносятся на другое с целью его художественного описания [4].

Литературоведы выделяют следующие виды сравнений:

- 1) **прямое** – т.е. выраженное с помощью союзов *как, словно* или *будто*;
- 2) **косвенное** – выраженное существительным в форме творительного падежа (употребляется без предлога);
- 3) **бессоюзное**, когда сравнительный оборот выражается в форме предложения с составным именным сказуемым;
- 4) **отрицательное**, когда в основе сравнения лежит раздельность сходных предметов [1].

В чувашских свадебных песнях чаще всего встречаются прямые сравнения. Если в русском языке прямые сравнения образуются с помощью союзов *как, словно* или *будто*, то в чувашском языке прямые сравнения образуются с помощью послелогов *пек, евёр*.

Утă сұлайё-ши-ха, / Сможет ли косить сено,
Ыраш вырайё-ши-ха? / Сможет ли жать рожь?
Аттен сурчё хула пек, / Дом отца словно город
Савна тытайё-ши-ха? / Сможет ли его содержать?
(здесь и далее перевод автора статьи – Н. К.).

В этой песне дом отца жениха сравнивается с городом, т.е., слово *город* употребляется для описания размера дома.

Мана анне сұратнă чух / Когда мать меня рожала
Атте хурлăхан татнă. / Отец смородину собирал.
Хурлăхан пек хура хёрне / Словно смородина смуглую дочь
Хурлăх курма сұратнă [3]. / Родили для несчастья.

Цель сравнения в данной песне – сопоставить смуглую девушку со смородиной.

Ўснĕ чухне ўсрĕмĕр / Росли, росли, выросли
Пĕр авăрти сырла пек. / Словно ягоды на одном кусту.
Уйрăлнă чух уйрăлтăмăр / Расставаясь расстались
Татса илнĕ сырла пек [3]. / Словно сорванные ягоды.

В данных строчках семья сравнивается с растущими на одном кусту ягодами, а расставание с родным человеком – с сорванными ягодами.

*Пысăк пиçнĕ кавăнĕ / Выросла тыква большая
Халь тухакан хĕвел пек. / Словно восходящее солнце.
Пăхăр халĕ пирĕн хĕре – / Посмотрите на нашу невесту –
Халĕ пиçнĕ çырла пек [3]. / Словно только что поспевшая ягода.*

В этой песне с помощью параллелизма чувашский народ сравнивает тыкву с солнцем, девушку с поспевшей ягодой.

Прямые сравнения в чувашских свадебных песнях и частушках чаще всего образуются с помощью послелога *пек*.

Косвенное сравнение в чувашском языке выражается с помощью аффиксов.

*Туй ачисем пўтекле / Парни на свадьбе ягнёнком
Вĕлтĕртетсе сикесĕ. / Прыгают мелькая.
Ташла-юрла пĕлмесĕр / Не умея танцевать и петь
Шăва-шăва ўкесĕ [3]. / Поскальзываются и падают.*

Эти сатирические строки используются для высмеивания парней на свадьбе девушками.

Бессоюзное сравнение в чувашской свадебной обрядовой поэзии встречается редко. Например:

*Пирĕн акка уринче / На ногах у нашей сестры
Пин тенкĕлĕх патинкка. / Ботинки за тысячу рублей.
Пăхăр халĕ пирĕн аппана – / Посмотрите на нашу сестру –
Çапса хунă карттинкка [3]. / Картинка, прибитая к стене.*

В данных строках старшая сестра, которая выходит замуж, по красоте сравнивается с красивой картинкой.

*Туй пуç лаши – тур лаша, / Лошадь главы свадьбы – гнедой конь,
Çаварлăхĕ – мунчала. / Удило у узды – мочалка.
Çакă ялан каччисем – / Парни этого села –
Йĕм кантăри мунчала [3]. / Мочалка из бечевки.*

Эти сатирические строки поют девушки с целью подразнить приглашенных на свадьбу парней.

*Çамрăк ёмĕр – шенкер сеске, / Молодость – голубые цветы,
Пёрре кăна килет вăл. / Один раз только приходит.
Çамрăк чух выляса-кулни / Веселье, что в молодости было
Кайран аса килет вăл [3]. / Потом вспомнится не раз.*

Быстротечность молодости в данных строках сравнивается с тем, что цветы быстро отцветают.

Анне, тух-ха кин курма, / Мама, выйди посмотреть на сноху

Хёвел кинпе килтёмёр. / Приехали с снохой-солнцем.

Ытла хёвел теейсе / Не думайте, что на самом деле солнце,

Тум-тир хывса ан тухър [3]. / Не снимайте одежду.

В чувашском фольклоре солнце символизирует красоту, теплоту души. В данном примере сноха сравнивается с солнцем.

В чувашских свадебных песнях встречается и отрицательное сравнение.

Сўлте вёсме сўлсă мар, / Мы не листья, чтоб летать высоко,

Шыва путма вут чуль мар. / Мы не камни, чтоб тонуть в воде.

Пётём сынна юрама / Мы не солнечные лучи,

Сўлти хёвел сўти мар [3]. / Чтобы быть угодными всем.

В этих строчках отрицательное сравнение позволяет сравнивать людей с листьями, камнями и солнечными лучами.

Шăпăн-шăпăн лармашăн / Тихо-тихо сидеть

Шăпчăк чĕппи мар эпир. / Мы не соловьи.

Хайхи-майхи лармашăн / Так-сяк сидеть

Хăюсăр сын мар эпир [3]. / Мы не трусливые люди.

Хура-хура хурлăхан, / Черная-черная смородина,

Пиçейменни пит йўсё. / А неспелая очень горькая.

Йысна туйне пăхакан / Тот, кто смотрит за свадьбой,

Туй пуçё мар, кĕтўсё [3]. / Не глава свадьбы, а пастух.

Таким образом, в чувашских свадебных песнях наиболее часто встречаются прямые сравнения, выраженные с помощью послелогов *пек*, *евёр*: *Аттен сурчĕ хула пек, / Дом отца словно город.* Косвенные сравнения в чувашском языке образуются с помощью аффиксов: *Туй ачисем пўтекле / Вёлтёртетсе сикессё. / Парни на свадьбе ягнёнком / Прыгают мелькая.* Бессоюзное сравнение в чувашской свадебной обрядовой поэзии встречается редко: *Туй пуç лаши – тур лаша, / Сăварлăхĕ – мунчала. / Лошадь главы свадьбы – гнедой конь, / Удило у узды – мочалка.* **Отрицательное сравнение**, в основе которого лежит раздельность сходных предметов, в чувашских свадебных частушках используется чаще для характеристики или высмеивания участников свадьбы с противоположной стороны (жениха или

невесты): *Йысна туйне пӑхакан / Туй пуçе мар, кӗтӳçе. / Тот, кто смотрит за свадьбой, / Не глава свадьбы, а пастух.*

Сравнения в чувашских свадебных песнях играют важную роль. Прежде всего они отражают менталитет и культуру чувашского народа.

Список литературы

1. Виды сравнений. Режим доступа: <https://nsaturnia.ru/kak-pisat-stixi/vidy-sravnenij/> (Дата обращения: 05.11.2019)
2. Карпова Н.С. Концепт «ПРИМЕТА» в чувашской лингвокультуре (на материале Аургазинского района Республики Башкортостан) // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2017. № 10. С. 52-59. Режим доступа: <http://scipress.ru/upload/philology/FA102017.pdf> (Дата обращения: 02.11.2019)
3. Полевой материал автора Карповой Н. С. Республика Башкортостан, Аургазинский район, д. Новофедоровка, Тряпино. – 2019 г.
4. Словарь литературоведческих терминов. 2012. Режим доступа: <https://slovar.cc/lit/term/2145391.html> (Дата обращения: 07.11.2019)
5. Чувашско-русский словарь / Сост. И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. – М.: Русский язык, 1985. – 712 с.

УДК 811.161.1 (571.61)

Способы семантизации диалектного слова (на материале Словаря русских говоров Приамурья)

Коробова Виктория Николаевна

Редактор отдела (организации научной работы и редакционно-издательской деятельности), Дальневосточное высшее общевойсковое командное училище имени Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, РФ, г. Благовещенск
semvik85@mail.ru

The main methods of semantization of the dialectic word (on the material Dictionary of Russian goods Amur region)

Korobova Victoria Nikolaevna

Editor of the department (organization of scientific work editorial and publishing activities), Far Eastern Higher all military command school named after Marshal of the Soviet Union K.K. Rokossovsky, RF, t. Blagoveshchensk

Аннотация. В данной статье рассматриваются способы семантизации диалектных слов на материале Словаря русских говоров Приамурья. В процессе работы над словарными статьями выделяются наиболее эффективные способы толкования диалектного слова. К ним следует отнести способ описательного и смешанного толкования слов. В статье приводятся примеры всех типов лексикографических описаний.

Ключевые слова: диалекты, русский говор Приамурья, семантизация, способы, родо-видовые связи, дефиниционный и контекстный компоненты.

Abstract. This article discusses methods for the semantization of dialect words on the material of the Dictionary of Russian Comrades of the Amur Region. In the process of working on the dictionary entries, the most effective ways of interpreting a dialect word are highlighted. These include the method of descriptive and mixed interpretation of words. The article provides examples of all types of lexicographic descriptions.

Keywords: dialects, Russian dialect of Amur Region, semantization, methods, genus-species relationships, definitional and contextual components.

В современном языкознании изучению диалектных слов уделяется значительное внимание со стороны учёных-лингвистов.

Диалекты представляют собой определённую языковую систему, которая включает в себя совокупность фонетических, грамматических, лексических и синтаксических свойств речи, носителями которой являются жители одного или нескольких сёл. В связи с этим можно отметить, что в состав термина «диалект» входят термины «местный говор», «местное наречие».

Таким типичным говором можно считать албазинский говор старейшей казачьей станицы на Амуре, наблюдаемый в двух сёлах – Албазине и Джалинде.

На территории Приамурья принято говорить о группах говоров – казачьих, старообрядческих, имеющих забайкальскую основу, а также русских говорах, восходящих к южнорусским и севернорусским материнским говорам [1, с. 14].

В данном исследовании показана работа со словарными статьями, представленными в «Словаре русских говоров Приамурья», который был издан в 1983 году и переиздан в 2007 [4, 5].

Областным словарям принадлежит особое место в лексикографии. Огромное научное, историко-культурное значение диалектных словарей повышается потому, что они являются хранилищем, нередко единственным, уникальных фактов русской народно-разговорной речи, существующей только в устной форме и потому нигде не зафиксированной [2, с. 118].

«Словарь русских говоров Приамурья» относится к числу дифференциальных диалектных словарей. Словарь включает диалектную лексику и фразеологию групп русских говоров Приамурья.

В период с 1964 по 2006 годы в сёлах Амурской области, Хабаровского края и Европейской автономной области, расположенных по верхнему и среднему течению реки Амур, были проведены диалектологические экспедиции. Материал, собранный в это время, представлен в Словаре русских говоров Приамурья.

Целью нашего исследования является изучение и выявление наиболее эффективных способов семантизации слова в диалектном словаре (на материале Словаря русских говоров Приамурья).

Семантизация слова в диалектном словаре – сложная и многоаспектная проблема, поскольку диалектные и просторечные слова обладают большей экспрессивностью и динамикой, чем литературные.

Семантизация – это способы и пути раскрытия значения того или иного слова или выражения, иначе это способы толкования слова.

В современных толковых словарях используются четыре основных типа толкования слова: описательный, синонимический, смешанный (включающий первые два) и отсылочный. Эти типы лексикографических описаний использованы и в «Словаре русских говоров Приамурья».

Одними из самых эффективных способов подачи словарных определений, на наш взгляд, являются описательное и смешанное толкования, которые и признаются в словаре основными.

Описательный способ толкования определяет значение слова путем указания на объект реальной действительности (денотат). Такое описание сводится к указанию родового понятия (гиперонима) и «дискретных семантических компонентов», которые определяют слово как видовое понятие (гипоним) и отличают данное лексикографическое слово от других. В таком типе дефиниции отражаются системные иерархические (родо-видовые) связи слова [3, с. 6].

При толковании описательным способом необходимо учитывать дефиниционный (то есть включающий само определение слова) и контекстный (представляющий собой относительно законченный отрывок, в котором выявляется значение отдельных входящих в него слов, выражений) компоненты.

Дефиниционный компонент толкования признаётся в словаре основным. Он предполагает отражение денотативного и коннотативного содержания слова.

КЛЯЩИЙ. Очень сильный, лютый (о морозе).

Толкование слов, в соответствии с контекстным компонентом, предполагает семантизацию слова с позицией его носителя.

ЕРДАНЬ. 1. Прорубь. *Ердань – прорубь называли, воду брали из ердани* (контекстное толкование слова).

Примеры из словарных статей с описательным способом толкования слова.

ЗАИМКА. Отдельно стоящая изба, усадьба или небольшой посёлок за пределами основного селения. *Зимой в заимке-то тепло бывает.*

Где: «Изба, усадьба, небольшой посёлок» – родовые понятия, «заимка» – видовое понятие.

Дифференциальные признаки – вид постройки и место, где расположен описываемый предмет.

ГРЕЧУШНИК. 4. Пирог с гречневой кашей. *В шанежку, если гречку в середине кладут, это гречушник, в середину гречку, а края завернешь, красивый получается гречушник.*

Где: «пирог» - родовое понятие, «гречушник» - видовое понятие.

Дифференциальные признаки – вид изделия, из чего сделан описываемый предмет.

Толкование слова способом синонимической замены раскрывает значение слова через синонимический ряд.

Способ синонимической замены представляется нам малоинформативным. Подобный вид словарного определения возможен в случаях, когда диалектное и литературное слово являются абсолютными синонимами.

Примеры:

ДУРНИЧКА. Дурость, глупость. *Это она дурничка была.*

«Дурость», «глупость» являются синонимами к диалектному слову «ДУРНИЧКА».

ПО МОЛЧАНКЕ. Неодобр. Скрыто, тайком. *По молчанке они сошлись-то.*

«Скрыто», «тайком» - синонимы к диалектному слову «ПО МОЛЧАНКЕ».

НЕМУДРЯЩИЙ. Простой, незамысловатый. *Да текст такой немудрящий, простенько все уж очень.*

«Простой», «незамысловатый» - синонимы к диалектному слову «НЕМУДРЯЩИЙ».

Как уже было отмечено выше, смешанный способ дефиниции включает в себя описательное толкование и толкование способом синонимической замены.

Примеры из словарных статей со смешанным способом толкования слова.

Смешанный способ.

ГРЕБОК. Инструмент для окучивания; тяпка. *Берёшь гребок и начинаешь грести до темна.*

«Инструмент для окучивания» - элемент описательной дефиниции; «тяпка» - синонимическая замена.

ГОРЛАЧ. Узкогорлый горшок для молока; кринка. *Молоко в горлачах ставили в погреб.*

«Узкогорлый горшок для молока» - элемент описательной дефиниции; «кринка» - синонимическая замена.

ЧИГУН. Горшок, отлитый из чугуна; чугун. *Чигуны изготавливали на заводе. Они были из чугуна.*

«Горшок, отлитый из чугуна» - элемент описательной дефиниции; «чугун» - синонимическая замена.

Отсылочный способ толкования диалектного слова содержит характеристику категориальной принадлежности слова и сохраняет мотивационные связи производящего и производного значения. Способ отсылочного толкования также видится недостаточно информативным. Данный тип словарного определения приемлем лишь в случаях, связанных с толкованием дублетных и синонимичных лексических единиц.

В «Словаре русских говоров Приамурья» этот тип дефиниций подается как «То же, что...».

Например:

ВЕНИЧНАЯ ТРАВА. То же, что **веники**. *Веничной травы, ой как много собирали раньше.*

КАГАНКА. То же, что **каганец**. *Каганка очень большая стояла.*

КАПУСТНЯК. То же, что **капустник**. *Какой бывало капустняк делали.*

Изучив наиболее эффективные способы семантизации диалектных слов, мы можем сделать следующие выводы:

1) Существует четыре основных типа толкования слова: описательный, синонимический, смешанный (включающий первые два) и отсылочный. Данные типы лексикографических описаний широко представлены в «Словаре русских говоров Приамурья».

2) Одними из самых эффективных способов подачи словарных определений, на наш взгляд, являются описательное и смешанное толкования, которые и признаются в словаре основными.

3) Способ синонимической замены отсылочного толкования представляются нам малоинформативными, однако, в ряде случаев мы обращаемся к ним для работы со словарными статьями.

Следует отметить, что для точной семантизации слов в словаре целесообразно использовать описательный и смешанный способы толкования слов.

При составлении словарных статей необходимо учитывать все существующие способы толкования диалектных слов и применять те, которые помогут более полно

отразить те или иные стороны исторической, этнографической, материальной и духовной культуры народа.

Список литературы

1. Кирпикова Л.В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья: Сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 141 с.
2. Блинова О.И. Русская диалектология. Лексика: Уч. пособие. — Томск: Изд-во Томск, ун-та, 1984. — 132 с.
3. Бережан С.Г. Отражение семантических системных связей лексических единиц в одноязычном (толковом) словаре // Словарные категории. М.: Наука, 1988. С. 6.
4. Словарь русских говоров Приамурья / Сост. Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец; отв. ред. Ф.П. Филин. – М.: Наука, 1983. – 341 с.
5. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2007. – 544 с.

УДК 811.511.142

К вопросу о глагольном суффиксе *=ŋəlt=* в хантыйском языке (на материале казымского диалекта)

Молданова Ирина Максимовна

научный сотрудник, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, РФ, г. Ханты-Мансийск
uil.gera@yandex.ru

To the question of the verb suffix *=ŋəlt=* in the Khanty language (based on the Kazym dialect)

Moldanova Irina Maksimovna

Researcher, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье рассматривается глагольный суффикс *=ŋəlt=*. Анализ литературы показал, что данный непродуктивный суффикс выделяется на материале казымского и обдорского диалектов хантыйского языка. Суффикс *=ŋəlt=*, видимо, возник в результате комбинации суффиксов *-ŋ* и каузативного *=əlt=*. В результате анализа материала выявлено, что глаголы с помощью данного суффикса образуются от звукоподражательных основ, имен существительных, прилагательных и основ со связанными корнями. Суффикс, присоединяясь к производящим основам, вносит значение интенсивности действия, связанного со звуком или движением.

Ключевые слова: суффикс, глагол, словообразовательная модель, хантыйский язык, казымский диалект.

Abstract. The article considers the verb suffix = $\eta\lambda t$ = . An analysis of the literature showed that this unproductive suffix stands out on the material of the Kazym and Obdor dialects of the Khanty language. The suffix = $\eta\lambda t$ =, apparently, arose as a result of the combination of the suffixes - η and the causative = λt = . As a result of the analysis of the material, we found that verbs using this suffix are formed from onomatopoeic stems, nouns, adjectives and related stems. The suffix, joining the producing fundamentals, introduces the value of the intensity of the action associated with sound or movement.

Keywords: suffix, verb, word-formation model, Khanty language, Kazym dialect.

В хантыйском языке имеется достаточно большое количество глагольных суффиксов, выражающих залоговые значения. Под термином залоговость имеем в виду не сам залог как грамматическую категорию, а то «функционально-семантическое поле», создаваемое взаимодействием разнородных языковых средств (морфологических, синтаксических, словообразовательных, лексических) служащих для выражения залоговых отношений [1, с. 193]. Они образуют глаголы от именных и глагольных основ. Одним из таких суффиксов является каузативный суффикс = $\eta\lambda t$ = . Данный суффикс выделяет на материале обдорского диалекта И. А. Николаева. Она считает этот суффикс «редким и непродуктивным» [2, с. 68]. В монографии А. Д. Каксина «Казымский диалект хантыйского языка» в параграфе, посвященном суффиксам изобразительных глаголов, зафиксирован один глагол с данным суффиксом [3, с. 50-51]. В. Н. Соловар отмечает, что «вхождение некоторых суффиксов в составе предиката изменяет количество валентностей, что приводит к изменению структуры и семантики формируемого ими предложения... так, суффиксы = $m\lambda$, = $\lambda t\lambda$, = $\check{s}a$, = $\lambda\check{s}a$, = λ , = $\eta\lambda$, = at и некоторые другие увеличивают количество валентностей» [4, с. 25]. В статье «Семантические типы каузативных глаголов хантыйского языка (на материале казымского диалекта)» выявляется инвентарь каузативных суффиксов и рассматриваются типы каузативных значений. Среди данных суффиксов представлен также суффикс = $\eta\lambda t$ = с описанием семантических типов каузации, которые он образует [5]. Анализ литературы показал, что суффикс = $\eta\lambda t$ = был отмечен в рамках изложения общей грамматики, частных вопросов при описании парадигмы простого предложения в хантыйском языке и при описании каузативных суффиксов. Таким образом, данный суффикс не был предметом специального исследования.

Суффикс = $\eta\lambda t$ =, по всей видимости, является комбинацией суффикса - η и каузативного - λt . В «Основах финно-угорского языкознания» [6, с. 347-348] представлен прафинно-угорский именной суффикс *- η -. Данный суффикс широко представлен в самодийских языках, что свидетельствует о его прауральском происхождении. В ненецком языке имеется глагольный суффикс - $ngga$ со значением

действия, совершающегося много раз или относящегося ко многим действующим лицам или предметам действия [7, с. 147]. О словообразовательном потенциале прафинно-угорского суффикса *-η*, образующего прилагательные и существительные в мордовских, хантыйском и мансийском языках пишет Д. В. Цыганкин [8, с. 83-89]. Мы считаем, что элемент *-η* в составе суффикса придает некоторую интенсивность глагольному действию.

В казымском диалекте хантыйского языка данный суффикс малопродуктивен и образует каузативные глаголы от звукоподражательных основ, имени существительного, имени прилагательного, а также глаголы со связанными корнями. В финноугроведении проблеме звукоизобразительности посвящено несколько работ, подробный анализ на материале пермских языков представлен в статьях С. С. Шляховой [9], об образовании звукоизобразительных глаголов в казымском диалекте хантыйского языка с помощью суффикса *=i=* / *=ĩ=* (см. в статье [10]). Рассмотрим словообразовательные модели с суффиксом *=ηəlt=*. Прежде отметим, что под словообразовательной моделью понимается «общая схема построения производных слов, определяющая структуру существующих производных слов или служащая образцом для создания новых словарных единиц» [11, с. 138].

Словообразовательные модели с суффиксом *=ηəlt=*

Звукоподражательная производящая основа:

а) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые человеком:

t'əj-t'əj 'звук, издаваемый при покачивании детской люльки' → *t'əj=ηəlt=tī* 'качать люльку': – *Ta, hawremet t'əj=ηəlt=e!* '– На, ребенка покачай!';

pūs 'звук, издаваемый при пыхтении' → *pūs=ηəlt=tī* 'дымить (заставлять дымить)': *Łıw pa xəmsa pūs=ηəlt=man śi məsəl* 'Он сидит и дымит сигаретой';

mör 'звук, издаваемый при хрусте' → *mör=ηəlt=tī* 'хрустеть': *Ma xəltəmən, paη sakkar mör=ηəlt=en sat'λ* 'Я слышу, ты хрустишь сахаром';

б) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые деревянными предметами:

löt 'подражание звуку пера' → *löt=ηəlt=tī* 'щелкать, производить глухие звуки при ударах металла или дерева': *Mölteλ lıw löt=ηəlt=əλ* 'Чем-то он там щелкает';

в) глаголы, обозначающие звуки, издаваемые металлическими предметами:

λ'ās 'звук, издаваемый железными предметами' → *λ'ās=ηəlt=tī* 'заставлять лязгать': *In əwλən, śi xəλλəle, tōmanən λ'ās=ηəlt=tī śi pitsəηən* 'Двери, слышит, стали замками лязгать';

t'äl 'звук, издаваемый железным предметом' → *t'äl=ηəlt=tī* 'заставлять звенеть, звонить': *Möjen t'äl=ηəlt=λən?* 'Чем звенишь? (букв.: заставляешь звенеть)';

tör ‘звук гудения, тарактения’ → *tör=ηəlt=tī* ‘создавать шум (транспорт, радио)’:
Rūs jasəη änt küš xəl, əl ɔmäs päta ši tör=ηəlt=ləle in xəšarəl ‘Хоть русского языка не понимает, ради удовольствия включает этот предмет (букв.: заставляет его производить шум)’.

Производящая основа имени прилагательного:

1. звуки и движения, производимые человеком:

а) глагол, обозначающие звуки, производимые человеком:

mārəη (sij) ‘грохочущий (звук)’ → *mār=ηəlt=ijəl=tī* ‘греметь чем-либо’: *In əw reskəsle pa ši mənəs pütηəltijəlman pa mār=ηəlt=ijəl=man* ‘Дверью хлопнул и с шумом, чем-то погромыхивая, пошел’;

б) глагол, обозначающий движения, производимые человеком:

rahi ‘плохой; небрежный’ → *rahi=ηəlt=tī* ‘сыпать, рассыпать, ронять’: *Aj wəxlat xəlti pəla rāhi=ηəlt=səlam* ‘Мелочь куда-то рассыпала’;

rəm ‘смирный, спокойный’ → *rəm=ηəlt=tī* ‘остановить, заставить остановиться’:
Šata pa rəm=ηəlt=əmηən wüljəlan pila ‘Там их и остановили с оленями’.

Производящая основа имени существительного:

а) глаголы, обозначающие движения, производимые человеком:

pār ‘мелкие частицы, пыль, порошок’ → *pār=ηəlt=tī* ‘сыпать, рассыпать’: *Jəxət xəri wūrti wəšəmtətan šəšəmləle, nqrət xəri wəp xəməswəl semətən pār=ηəlt=ləle* ‘На бору красную ягоду высыпает, на болотах большие клюквины рассыпает’;

miḥər ‘пучок, связка’ → *miḥ=ηəlt=tī* ‘манить’;

xör ‘изображение’ → *xör=ηəlt=tī* ‘вести очень быстро’: *Šiti jəm kem küt pasta ši xör=ηəlt=sajət* ‘Так, довольно долго, быстро меня везли’;

pəs ‘знак, отметина’ → *pəs=ηəlt=tī* ‘сделать так, чтобы капало’: ... *xənti ne, xənti xə ewəlt kälī sem änt pəs=ηəlt=ijəlsəηən* ‘... у хантыйской женщины, хантыйского мужчины каплю крови не выпустили’.

С помощью суффикса *=ηəlt=* образуются глаголы со связанными корнями:

āš=ηəlt=tī ‘дать с сожалением’: *Öxšatəm lūwel āš=ηəlt=səm* ‘Платок ей отдала’;

wəj=ηəlt=tī ‘усыплять’: *Nawreməl wəj=ηəlt=man arijəl* ‘Ребенка усыпляя поет’;

šəm=ηəlt=tī ‘пугать’: *Xūw mōj wan šiti šəm=ηəlt=sajət* ‘Долго ли, коротко ли, их так пугали’.

Итак, мы выделяем три словообразовательные модели с суффиксом *=ηəlt=*: от звукоподражательных основ, от основ имен существительных и прилагательных. Образованные по данным моделям глаголы передают звуки, издаваемые человеком, деревянными и металлическими предметами; глаголы, обозначающие звуки и

движение, производимые человеком. Также необходимо отметить, что суффикс $=\eta\lambda t=$ вносит значение повышенной интенсивности действия, в отличие от суффикса $=\lambda t=$.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования / РАН; Ин-т лингвистических исследований. – Москва: Языки славянских культур, 2005. – С. 193.
2. Николаева И.А. Обдорский диалект хантыйского языка. – Гамбург, 1995. – 256 с.
3. Каксин А.Д. Казымский диалект хантыйского языка. – Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. – 176 с.
4. Соловар В.Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке. Новосибирск: Изд-во «Любава», 2009. – 264 с.
5. Молданова И.М. Семантические типы каузативных глаголов хантыйского языка (на материале казымского диалекта) / Родной язык. Лингвистический журнал. № 2. 2018. – С. 83-105.
6. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва: Изд-во «Наука», 1974. – С. 347-348.
7. Куприянова З.Н., Хомич Л.В., Щербакова А.М. Ненецкий язык / учеб. пособие для пед. училищ. Ленинград: гос. уч.-пед. изд-во, 1957. – С. 147.
8. Цыганкин Д.В. Словообразовательный потенциал прафинно-угорского суффикса -ŋ в мордовских, хантыйском и мансийском языках / Труды Карельского научного центра РАН. № 3. 2014. – С. 83-89.
9. Шляхова С.С. Исследование звукоизобразительности в пермских языках: проблемы и перспективы. Статья 1 / Вестник пермского университета. Российская и зарубежная филология. № 3 (15). 2011. – С. 7-16.
10. Молданова И.М. Образование звукоизобразительных глаголов в казымском диалекте хантыйского языка с помощью суффикса $=i=$ / $=i̯=$ / Вестник угроведения. № 1 (24). 2016. – С. 36-43.
11. Немченко В.Н. Современный русский язык. Словообразование. – М.: Высш. шк., 1984. – С. 138.

УДК 81'37=811.511.1

Семантическая корреляция этимологических эквивалентов в современных эрзянском и финском языках

Нажалкина Светлана Владимировна

магистрант кафедры финно-угорской филологии
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва, РФ, г. Саранск
sveta.nazhalkina@mail.ru

Чинаева Наталья Викторовна

канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской филологии
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва, РФ, г. Саранск
chinnat85@mail.ru

Semantic correlation of etymological equivalents in the modern Erzya and Finnish languages

Nazhalkina Svetlana Vladimirovna

master's student at the Department of Finno-Ugric Philology
National Research Mordovia State University, Russia, Saransk

Chinaeva Natalya Victorovna

PhD in Philology, associate professor at the Department of Finno-Ugric Philology
National Research Mordovia State University, Russia, Saransk

Аннотация. Статья посвящена характеристике семантических расхождений в общих словах уральского и финно-угорского происхождения в современных эрзянском и финском языках. Выявлены основы без семантических сдвигов, а также основы, имеющие некоторые семантические различия, – сохранившие первичное значение в одном из рассматриваемых языков и расширившие, сузившие или изменившие в другом, а также получившие дополнительные значения в обоих языках.

Ключевые слова: лексика, семантика, семантическая корреляция, семантическое расхождение, этимология, уральский праязык, финно-угорский праязык, эрзянский язык, финский язык.

Abstract. The article is devoted to the characterization of semantic discrepancies in common words of Ural and Finno-Ugric origin in the modern Erzya and Finnish languages. The authors reveals word stems without semantic shifts, as well as word stems having some semantic differences, which retained their primary meaning in one of the languages under consideration and expanded, narrowed or changed in the other, and also received additional meanings in both languages.

Keywords: vocabulary, semantics, semantic correlation, semantic discrepancy, etymology, Ural proto-language, Finno-Ugric proto-language, Erzya language, Finnish language.

На основе этимологических исследований установлено, что слов финно-угорского происхождения в современных финно-угорских языках насчитывается примерно 1000–1200, около 400–500 слов восходят к уральскому периоду [5, с. 397]. Данные слова составляют основной словарный фонд всех финно-угорских языков и являются достаточно употребляемыми. К данной лексике относятся дейктические слова (местоимения), некоторые числительные, названия частей тела, внутренних органов, выделений, болезней, термины родства, названия из сферы природы (животный мир, растительный мир, географические понятия), слова, обозначающие предметы и явления быта (названия одежды, занятий, средств передвижения, пищи, наименования качеств и состояний, названия для обозначения элементарных явлений жизни, действий, восприятий).

Эрзянский и финский языки, рассматриваемые в данной работе, являются дальнеродственными языками, относящимися к уральской языковой группе. Распад финно-волжской ветви языков на волжские (марийский, мордовские (мокшанский, эрзянский)) и прибалтийско-финские (финский, эстонский, карельский, ижорский, вепсский, водский, ливский) приходится к 1 тыс. до н. э.

Принимая во внимание то, что финно-угорские языки после распада праязыка прошли значительный путь самостоятельного развития, безусловно, в сохранившихся в современных языках словах уральского и финно-угорского происхождения возникли не только отличия в фонетическом оформлении, но и семантические расхождения. В настоящей работе впервые на материале исследуемых языков семантика финно-угорского слова становится предметом изучения в сравнительно-историческом плане.

Рассматривая семантические расхождения в мордовских языках, лингвисты обращались, в первую очередь, к диалектным материалам [1; 7]. Семантическая корреляция слов финно-угорского происхождения на примере глагола рассмотрена Н. А. Кулаковой [2]. Говоря о факторах изменения и развития семантики слова в мордовских языках, М. В. Мосин выделяет экстралингвистические и внутрилингвистические факторы. Он указывает, что семантика любого слова должна быть прослежена в диахронном и синхронном плане, и приводит некоторые параллели в мордовских и финском языках [4]. М. В. Мосин также указывает, что в мордовских и прибалтийско-финских языках помимо этимологических эквивалентов, значения которых совпадают полностью, можно выделить отношение частичного совпадения между понятиями, представляющее собой логическую основу

семантического переноса, заключающегося в переносе по сходству (метафорический перенос) и в переносе по смежности (метонимический перенос) [3].

Целью настоящей работы стало рассмотрение семантического соотношения этимологических эквивалентов в современных эрзянском и финском языках и определение характера семантических расхождений в них. В качестве основных методов исследования были определены описательный и сравнительно-исторический. Теоретические положения подтверждаются иллюстративным материалом современных эрзянского, финского и отдельных родственных языков, также приводятся реконструированные формы языка-основы.

Проведенное исследование опирается на данные этимологических словарей эрзянского и финского языков [6; 9]. В ходе работы были использованы двуязычные и толковые словари [8; 10; 11; 12], также мы опирались на собственные знания эрзянского (родного нам языка) и финского языков.

Результаты и фактический материал вносят вклад в исследование финно-угорской лексики и позволяют глубже изучить характер семантических расхождений в этимологических эквивалентах языков уральской группы. Материалы исследования, безусловно, найдут применение в дальнейших работах по сравнительному изучению словарного состава уральских языков, при составлении учебных пособий и чтении курсов по лексикологии и истории языка.

I. В эрзянском и финском языках сохранилось значительное количество слов, семантика которых полностью совпадает, как правило, это однозначные слова. Данная группа представлена словами всех тематических групп, перечисленных выше: э. *верь* – ф. *veri* < ф.-у. **were* ‘кровь’; э. *максо* – ф. *maksa* < ур. **maksa* ‘печень’; э. *кедь* – ф. *käsi* (*käte-*) < ф.-у. **käte* ‘рука’; э. *нилемс* – ф. *niellä* < урал. **ñele-* ‘глотать’; э. *ведь* – ф. *vesi* (*vete-*) < урал. **wete* ‘вода’; э. *куз* – ф. *kuusi* < урал. **kowsu* ‘ель’; э. *сёксь* – ф. *syksy* < ф.-у. **sikše* или **sükše* ‘осень’; э. *кал* – ф. *kala* < урал. **kala* ‘рыба’; э. *пине* – ф. *peni* < ф.-у. **pene* ‘собака’; э. *карго* – ф. *kurki* < урал. **karke* ‘журавль’; э. *сокс* – ф. *suksi* < урал. **suksu* ‘лыжа’ и др.

II. Ко второй группе относятся слова, сохранившие первичное значение в финском языке и расширившие значение в эрзянском языке.

Так, в эрзянском языке у лексемы *велькс* (ф. *ylä* < урал. **wülä* ‘верхний’ [5, с. 407]) развилось еще несколько значений – ‘покрывало, одеяло, покров, сметана, сливки’ [8, с. 121]. Развитие данных значений, вероятно, произошло на основе общего семантического знаменателя ‘пространство, место, предмет, находящиеся наверху по отношению к человеку или предметам’.

Основа ф.-у. **lete ~ lēte* [5, с. 423] сохранилась в большинстве современных финно-угорских языков и имеет первичное значение ‘суп, сок’. В финском языке она также выступает с данным значением: *liemi* ‘бульон, отвар’ [12, с. 248]. В эрзянском языке данное слово тоже сохранилось, однако в нем произошла трансформация семантики – *лем* ‘жир, сало’ [8, с. 337] (букв.: сок животных, выделяющийся при приготовлении пищи). В близкородственном эрзянскому мокшанском языке его соответствие *лям* имеет значение ‘щи’.

Праформа **rahta* в эрзянском и финском литературных языках выступает в значении э. *промо*, ф. *rahta* ‘слепень’. В эрзянских диалектах данное слово встречается в значении ‘пчела’ (напр. говор с. Кочкурово Дубёнского района РМ). В некоторых языках уральской группы их соответствия могут передавать другие значения: в саамском *nyarr* ‘овод’, в селькупском – *pürke ~ purka* ‘шершень, шмель’ [6, с. 154] и т. п. Предположительно данная лексема восходит к оноματοпоэтическому слову. В данном случае трансформация семантики произошла, очевидно, на основе подобия внешнего вида этих насекомых.

Эрзянская лексема *недь* ‘черенок, рукоятка, ручка’ и финская *nysi (nyte-)* ‘черенок косы’ восходят уральской праформе **nile ~ nüle* ‘рукоятка, черенок’ [5, с. 409]. Как видим, эрзянское соответствие не только сохранило, но и расширило первичное финно-угорское значение, в финском же, наоборот, значение заметно сузилось.

III. Третью группу составляют слова, сохранившие первичное значение в эрзянском языке и расширившие или изменившие в финском языке.

Лексемы эрзянского языка *калмо* ‘могила’ и финского языка *kalma* ‘могила, смерть’ имеют общее происхождение (< урал. **kalma-* ‘хоронить’) [6, с. 56]. В эрзянском языке она сохранила первичное значение, в современном финском языке *kalma* со значением ‘могила’ является малоупотребительным, но стала широко распространена в значении ‘смерть’ (в значении ‘могила’ в финском литературном языке используется производное слово *kalmisto*).

Эрзянское *сюлгамо* ‘застежка’ (< ф.-у. **sole-* ‘заострить’) [6, с. 177] является частью мордовского женского национального костюма. По причине того, что национальные костюмы уже стали этнографической редкостью, в эрзянском языке слово используется редко. В финском языке же, напротив, *solki* ‘застежка’ наряду с первичным значением приобрело новые – ‘пряжка, фибула’, шпилька для волос, заколка’ [12, с. 445]. Общим знаменателем, на основе которого возникли дополнительные значения, явилась общность их формы и предназначения.

IV. К четвертой группе отнесены слова, значение которых сузилось в одном из рассматриваемых языков.

Эрзянская лексема *guy* (< урал. **küje* ~ **kije*) [6, с. 38] сохранила первичное значение ‘змея’, в современном финском языке ее соответствие *kuu* используется в значении ‘гадюка’. Или обратный случай, слово *pestä* (< ф.-у. **pese-*) [9, с. 908] в современном финском языке выступает с первичным финно-угорским значением ‘мыть, стирать’, в эрзянском языке оно встречается в значительно узком значении – *пезэмс* ‘мыть (голову)’.

V. Пятую группу составили слова, которые приобрели дополнительные значения в обоих рассматриваемых языках, как в эрзянском, так и в финском.

Так, лексема э. *кедь*, ф. *kesi* (< ф.-в. **kete*) [6, с. 63] имеет первичное значение ‘кожа’. Позднее в обоих языках развились дополнительные значения – ‘оболочка, пленка, кожица’, а в эрзянском языке еще и ‘мех, шкура, скорлупа’ [8, с. 247]. Их появление, очевидно, обусловлено общим семантическим знаменателем ‘слой, (оболочка), имеющий общую форму и предназначение’. В литературном финском языке данное слово выступает только в качестве первого компонента сложного слова, например, *marraskesi* ‘роговой слой’ [9, с. 407].

Лексема э. *арсемс*, ф. *arvella* ‘мыслить’, ‘думать’ (< ф.-у. **arwa-*) [6, с. 14] также расширила семантику в обоих рассматриваемых языках – в современном эрзянском языке оно имеет еще значение ‘желать’, в финском языке – ‘полагать, колебаться, отгадывать, угадать’ [12, с. 43]. Смысловый объем финского глагола, как видим, значительно шире, чем его мордовского соответствия.

От лексемы ф.-у. **wetä-* ‘вести’ [9, с. 1478–1479] в дальнейшем в языках произошло множество других значений – э. *ветямс* ‘довести, привести, руководить, управлять, преподавать’ [8, с. 129]. В финском языке слово *vetää* также увеличило семантический объем и приобрело такие значения, как ‘тянуть, тащить, вытаскивать, натягивать, проводить что-либо, притягивать, привлекать, руководить’ [12, с. 578].

VI. В отдельную группу можно вынести слова, у которых в одном из рассматриваемых языков изменилось первичное значение. Так, в мордовских языках (как в эрзянском, так и мокшанском) лексема *лишме* (< ф.-в. **lehmä*) приобрела новое значение ‘лошадь’, в финском языке, как и в большинстве других финно-угорских языков, сохранилось первичное значение *lehmä* ‘корова’.

Приведенный материал показывает, что в исконной лексике двух дальнеродственных языков – эрзянского и финского – наряду с семантически тождественными лексическими единицами выявляются основы, в которых

произошли разного рода семантические сдвиги – сохранение первичного значения в одном из рассматриваемых языков и расширение, сужение или изменение значения в другом, а также возникновение дополнительных значений в обоих языках. Подобный анализ позволяет не только установить семантические расхождения в лексических единицах общего происхождения в рассматриваемых языках, но и понять причины их возникновения.

Сокращения

урал. – уральский праязык, ф. – финский язык, ф.-в. – финно-волжский праязык, ф.-у. – финно-угорский праязык, э. – эрзянский язык

Список литературы

1. Гришунина В. П. Семантическое отличие некоторых глаголов в мокшанских говорах // Проблемы изучения и функционирования финно-угорских языков в Российской Федерации. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. – С. 93-95.
2. Кулакова Н. А. Семантическая корреляция слов финно-угорского происхождения в мокшанском и эрзянском языках (на материале глагола): дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2001. – 233 с.
3. Мосин М. В. Семантические корреляции слов в мордовских и прибалтийско-финских языках // Мордовские языки: настоящее и будущее: сб. ст. и докл. – Саранск, 2010. – С. 36-42.
4. Мосин М. В. Факторы изменения и развития семантики слова в мордовских языках // Мордовские языки: настоящее и будущее: сб. ст. и докл. – Саранск, 2010. – С. 28-36.
5. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / отв. ред.: В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеев. – М., 1974. – 484 с.
6. Цыганкин Д. В., Мосин М. В. Этимология валкс. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2015. – 228 с.
7. Цыпхайкина В. П. Глагольные диалектные слова и их семантическое отличие // Вопросы лексикологии финно-угорских языков: межвуз. сб. науч. тр. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1989. – С. 109-113.
8. Эрзянь-рузонь валкс = Эрзянско-русский словарь : Ок. 27 000 слов / НИИ языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Мордовской ССР; под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузаковой, М. В. Мосина. – М.: Рус. яз., Дигора, 1993. – 803 с.
9. Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. 5. painos / toim. K. Koukkunen, V. Hosia. – Helsinki: WSOYpro Oy, 2011. – 1633 s.
10. Kielitoimiston sanakirja [Электронный ресурс] : интернет-словарь содержит сведения об этимологии, стилистике, использовании финской лексики; более 100 тыс. записей, 2018. – Режим доступа: <http://www.kielitoimistonsanakirja.fi/> (Дата обращения: 25.10.2019).
11. Suomalais-ersäläinen sanakirja = Финнэнь-эрзянь валкс: 17 000 валт / А. Алхониеми, Н. Агафонова, М. Мосин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 512 с.
12. Suomi-venäjä-suomi sanakirja = Финско-русско-финский словарь / toim. U. Horstia. – Helsinki: Gaudeamus Oy, 2014. – 1000 s.

УДК 811.511:142

Хантыйские номинации болевых ощущений с позиций лексико-семантической типологии

Нахрачёва Галина Леонидовна

канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник БУ «Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок» РФ, г. Ханты-Мансийск
galina_h-m@mail.ru

Khanty nominations of pain sensations from the positions of lexico-semantic typology

Nakhracheva Galina Leonidowna

Cand. Sci. (Philology), Leading Researcher Ob-Ugric Institute of Applied Researches
and Development, Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. Анализируются хантыйские глаголы, существительные и прилагательные со значением собственно болевых ощущений (глаголы *мөшәттү* 'болеть', *кәшәттү* 'болеть'; прилагательные *кәшәң* 'больной', *мушәң* 'больной'; существительные *кәши* 'боль (физическая)', *мөш* 'боль (болезнь)'), рассматривается вторичная семантика глаголов физического воздействия, движения, разрушения, горения, звучания и других лексико-семантических групп, анализируются метафорические сдвиги в семантике данных предикатов. Рассматривается значение и сочетаемость этих слов; синтаксические конструкции, в которых указанные слова используются. Данные лексемы сравниваются как синонимы; сопоставляются их модели управления и синтаксические актанты.

На материале хантыйского языка до настоящего времени не выявлен полный перечень глаголов с семантикой болевых ощущений и нет подробного описания изменений, происходящих в семантике глаголов и в структуре его акциональности.

Ключевые слова: лексико-семантическая типология, хантыйский язык, глагол с семантикой боли, семантика, семантический сдвиг.

Abstract. Analyzed the Khanty verbs, nouns and adjectives with the meaning the actual pain (verbs *mөшәттү* 'to hurt', *кәшәттү* 'to hurt'; adjectives *кәшәң*, 'sick', *мушәң* 'sick'; nouns *кәши* 'pain (physical)', *мөш* 'pain (illness)'), is considered secondary semantics of verbs of physical action, motion, destruction, burning, sound, and other lexical-semantic groups are analyzed metaphorical shifts in the semantics of these predicates. We consider the meaning and compatibility of these words; syntactic constructions in which these words are used. These lexemes are compared as synonyms; their control models and syntactic actants are compared. The material of the Khanty language has not revealed a complete list of verbs with the semantics of pain and there is no detailed description of the changes occurring in the semantics of verbs and in the structure of its actionality.

Keywords: lexico-semantic typology, Khanty language, verb with pain semantics, semantics, semantic shift.

Работа посвящена репрезентации ситуации физической боли на материале хантыйского языка. В данной статье вначале рассматриваются собственно болевые глаголы, существительные и прилагательные, обозначающие боль, затем дается обзор переносных / метафорических употреблений глаголов для обозначения болевых ощущений.

Рассматривая обозначения боли в хантыйском языке, автор опирается на теоретические взгляды, описанные в работе Е. В. Рахилиной и Т. И. Резниковой «Фреймовый подход к лексической типологии»: семантические свойства лексики любого языка проявляются в их сочетаемости как «языковом поведении»: исследуя сочетаемость, их можно реконструировать и затем сравнить, используя тот набор средств, которым привыкли пользоваться типологи-грамматисты [1].

В диалектологическом атласе уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (далее атлас) предпринималась попытка описать совпадение и несовпадение лексем, описывающих болезнь (рус. *болеет*) и болевое ощущение в конкретной части тела (рус. *болит*), но не рассматривалась вторичная семантика глаголов физического воздействия, разрушения, горения, звучания и других лексико-семантических групп (далее ЛСГ), так называемые метафорические сдвиги в семантике данных предикатов [2, с. 91].

Материалом для анализа хантыйских **номинаций** со значением болевых ощущений послужили личная картотека автора, анкеты-стимулы, составленные в процессе работы с носителями языка; а также данные двуязычных словарей хантыйского языка [3; 4; 5; 6; 7; 8].

При анализе материала использованы методы: сравнительно-сопоставительный, описательный, компонентный анализ, опросы информантов и анкетирование.

В хантыйском языке, кроме собственно болевых глаголов (*мөшәтты* ‘болеть’, *кәшәтты* ‘болеть’, *хоһытты* в значении ‘болеть’), имеется две наиболее универсальных лексики для выражения болевой семантики – *кәши* и *кәшаң*.

1. Рассмотрим подробнее **собственно болевые предикаты**: *мөшәтты* ‘болеть’, *кәшәтты* ‘болеть’, *хоһытты* в значении ‘болеть’.

Согласно работам В. М. Брицына, Е. В. Рахилиной, Т. И. Резниковой, Г. М. Яворской [9, с. 8; 10] в большинстве обследованных ими языках обнаружилось, что собственно глаголов боли есть всего несколько (до пяти, а чаще всего просто один-единственный глагол – как в русском, ср. *болеть* или два, как в английском, ср. *ache*, *hurt*), а все основные противопоставления обслуживаются в нем переносными

значениями из других семантических классов. На этом фоне лексическая зона боли в хантыйском языке сильно отличается, и, как указывается в атласе, в хантыйском языке для выражения болевой семантики помимо глагольных конструкций чаще всего используются именные конструкции с лексемами *кйшаң*, *кйши* [2, с. 91].

Хоңшты как глагол со значением 'болеть' практически не употребляется в современном языке; он также обозначает душевную боль, еще одно его значение 'переживать, тосковать, сочувствовать'. И как отмечено в атласе, этот глагол в первую очередь относится к эмоциональной сфере и используется в контекстах типа *Аңки пõхэл урәңән хоңшэл* 'Мать страдает из-за сына' [2, с. 93].

2. Рассмотрим существительные *кйши*, *мөш* и прилагательные *кйшаң*, *мөшәң*, обозначающие боль. Лексическое значение данных лексем такое же, как у глаголов *кйшәтты* 'болеть (общее физическое состояние человека)', *мөшәтты* 'болеть (состояние, которое человек испытывает вследствие заболевания)', подобная конверсия характерна для хантыйского языка.

По отношению к больному человеку применяется конструкция с прилагательным *кйшаң*: **NOM (субъект)+кйшаң/кйшаңа йиты**, например: каз. *Акәл кйшаң* 'Дядя его болен'; Упән кйшаңа йис 'Твоя сестра заболела' [7, с. 120].

По отношению к боли в какой-либо части тела употребляется конструкция с лексемой *кйши*: **NOM (часть тела)/POSS+кйши**. Именные конструкции с лексемой *кйши* описывают общие ощущения, вызванные болью, полученной травмой или другими раздражителями. Данная лексема может сочетаться с любыми словами, обозначающими части тела или внутренние органы, а также указывать на пораженные участки кожи, на место боли. Она свободно используется для указания на степень интенсивности боли в любой части тела из-за разных причин, что показывает возможность употребления при нем широкого круга интенсификаторов: шур. *Шйнишәм кйши* 'У меня спина болит (букв.: спина=моя боль)'; шур. *Самәл кйши* 'У него болит сердце (букв.: сердце=его боль)'; шур. *Кйрэм кевән хйтцәм тйхайәл кйши* 'У меня на ноге болит место, куда камнем ударили' [2, с. 55]. В роли объекта выступает экспериенцер или части его тела, в этих случаях он выражается притяжательным аффиксом.

Именные конструкции с *мөш*: **NOM_{об}+ {мөша/мөшәңа йиты}; NOM_{об}+ {мөшән йухәтты}**) употребляются для обозначения продолжительной боли, вызванной серьезным заболеванием. Участник **NOM_{об}** кодируется в предложении локативом-инструменталисом: *Вася грипп мушән йõхәтса* 'Вася болен гриппом' [2, с. 93].

2. Рассмотрим глагольную лексику, **обозначающую болевые ощущения, из разных донорских полей** (лексические поля, глаголы которых метафорически употребляются для обозначения болевых ощущений).

Перечень основных донорских зон – семантических полей:

– Огонь [горение]: *щарыйты* ‘жечься’; *хошиты* ‘ныть с жжением’: шур. *Налмем щарыйэл* ‘Язык жжёт (щиплет)’ (ощущение болезненного жжения).: каз. *Ма пеккем хошийэл* ‘Зуб=мой ноет’.

Глагол *күйшмалты* в исходном значении обозначает собственно ситуацию горения ‘жечь’. При переносе в зону боли он меняет семантику и используется для характеристики болезненного ощущения в горле – вследствие простуды или раздражения острой пищей: каз. *Түрем күйшмалса* ‘В горле першит (букв.: жжёт)’ [7, с. 133].

– Разрушение структуры с помощью (квази) инструмента.

Мөрэтты ‘ломать’: данный глагол обозначает действие, состоящее в разделении целого на куски (например, ломать хлеб). Предикат боли ‘ломить’ описывает неприятные интенсивные длительные ощущения в определённой части тела, воспринимаемые как результат постоянного воздействия: шур. *Кашәң лөв йәтәм мәтты ки пөрлә на мөрәтлә* ‘Каждый сустав моих костей как будто грызут и ломают’ [3, с. 42].

Глагол *хәтцәты* ‘ударить’ в зоне боли описывает пульсирующие боли в голове, в висках: каз. *Ух пелкем на ци хәтцәл* ‘В висок бьёт (букв.: часть головы ударяет)’ [7, с. 329].

Глагол *шәпа кәриты* ‘распастся на две части’: в зоне боли он схож по семантике с глаголом *мөрәтты* и также описывает ноющие боли ‘ощущать боль (о радикулите)’: каз. *Шәншәл шәпа кәрийәс* ‘Спина очень сильно болит (о радикулите) (букв.: спина распалась пополам)’ [7, с. 362].

– Разрушение объекта (руками).

Тәпәлты ‘жать, зажать, сжать’: шур. *Сәмем йошән йәха тәпәллә* ‘У меня болит сердце (букв.: сердце рукой вместе сжимают)’ [6, с. 41].

Шумәртты ‘жать, зажать’: каз. *Хунал шумәрлә* ‘Живот=его болит (букв.: сжимает)’ [5, с. 152].

Саморазрушение: *похты* ‘лопнуть’: каз. *Семңәләм ци похләңән* ‘Глаза вот-вот лопнут (неприятное болезненное ощущение)’; *Сәмәл ци похәнәл* ‘Сердце вот разорвётся’.

– Движение: каз. *шўвемэты* ‘закружиться’; каз. *пелтәпән йәхәттэ* ‘о начавшейся боли (букв.: покалывание пришло)’; *Ухем шўвемэсы* ‘Голова=моя закружилась’ [7, с. 365]; *А муй пелтәпән ат сыс йәхәтсайәм* ‘Ночью у меня были какие-то колики (букв.: коликами посещена)’ [11, с. 158].

– Звук. *Сәсыты* ‘ныть (о конечностях)’; каз. *Кўрңәләм сәсыләңән* ‘Ноги=мои ноют’ [11, с. 132].

Глагол *кўрыты* ‘гудеть’ используются для обозначения звуков, издаваемых желудком и кишечником обычно в состоянии голода, и для обозначения ощущений в желудке, сопровождающих это состояние ‘урчать’: каз. *Лыпийән әл кўрийәл* ‘Внутри урчит’ [7, с. 130]; шур. *Хонем кўрийәл* ‘Живот=мой урчит’.

Глагол *хумиты* ‘жужжать’ исходно обозначает звук, производимый мухами, комарами, пчёлами, ‘гудеть’: каз. *Ух шовем хумийәл* ‘Голова гудит (букв.: мозг гудит)’.

Глагол *шувиты* в своём первичном значении описывает завывание ветра ‘свистеть’: каз. *Ухем шувийәл* ‘В голове шумит (букв.: свистит)’ [7, с. 364]; *Мата пәлемән шувийәл?* ‘В каком ухе шумит (букв.: свистит)?’ [7, с. 364].

Таким образом, мы видим, что для выражения собственно болевой семантики в хантыйском языке чаще всего используются именные конструкции с лексемами *кәшаң, кәши*.

В ходе исследования было установлено, что «ядро» поля боли необыкновенно мало и представлено лишь несколькими однокоренными лексемами собственно болевой семантики, различающимися только суффиксальным оформлением. Абсолютное большинство глаголов со значением болевых ощущений – это лексемы, претерпевшие семантический сдвиг в зону боли из других семантических полей (это глаголы типа ‘колоть’, ‘гореть’, ‘раскалываться’, ‘ныть’, ‘ударять’, ‘жужжать’). По материалам нашей картотеки самый многочисленный класс вторичных болевых глаголов в хантыйском языке образуют глаголы физического воздействия.

Обратим внимание, что предикаты, которые порождают во вторичных употреблениях идею физической боли, используются в хантыйском языке и для обозначения эмоционального состояния. Часто вторичная метафора появляется у глаголов боли в сочетании с такими органами человека, как сердце, грудь, голова, так как эти органы являются в наивной картине мира вместилищами или источниками мыслей, эмоций и чувств. Например, сочетание хант. *сәм шомәрлә* ‘становится беспокойным (букв.: сердце сжимают)’ описывает эмоциональное состояние человека, порожденное каким-либо сильным чувством (о сильном беспокойстве, волнении).

Материалы и выводы исследования могут быть полезны при составлении словарей разного типа по обско-угорским языкам, при сравнительном и сопоставительном изучении генетически родственных, а также разноструктурных языков. Статья может быть использована как справочный материал по исчезающему хантыйскому языку.

Список сокращений и условных обозначений

каз.– казымский диалект хантыйского языка, шур. – шурышкарский диалект хантыйского языка,

NOM – номинатив; POSS – поссесивный аффикс.

Список литературы

1. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 3–31.
2. Диалектологический атлас уральских языков, распространённых на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Н. Б. Кошкарёва, Е. В. Кашкин, Ю. Б. Коряков, О. А. Казакевич, С. И. Буркова, Н. А. Муравьев, Е. М. Будянская. Калининград: Издательский Дом «РОСТ-ДООАФК», 2017. 256 с.
3. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С. И. Вальгамова, Н. Б. Кошкарёва, С. В. Онина, А. А. Шиянова. Екатеринбург: Баско, 2011. 208 с.
4. Лельхова Ф. М. Словарь глаголов хантыйского языка (шурышкарский диалект). Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2012. 207 с.
5. Рябчикова З.С. Диалектный словарь соматической лексики хантыйского языка. Ханты-Мансийск: Компак, 2010. 160 с.
6. Рябчикова З.С., Рачинская М.А. Словарь образных слов и выражений хантыйского языка (казымский и шурышкарский диалекты): 5-9 кл. СПб.: Алмаз-Граф, 2011. 80 с.
7. Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект). Тюмень: ФОРМАТ, 2014. 386 с.
8. Steinitz W. Dialektologisches und Etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Akademie Verlag. T. I–XV. Berlin, 1966–1991. 2023 p.
9. Концепт БОЛЬ в типологическом освещении / В.М. Брицын, Е.В. Рахилина, Т.И. Резникова, Г. М. Яворская. Киев: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. 424 с.
10. Бонч-Осмоловская А. А., Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Концептуализация боли в русском языке: типологическая перспектива // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая - 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 76–82.
11. Соловар В. Н. Парадигма простого предложения в хантыйском языке (на материале казымского диалекта). Новосибирск: Любава, 2009. 264 с.

УДК 81'36=811.511.152.1

Особенности передачи функций финского партитива грамматическими средствами эрзянского языка

Павлова Елена Олеговна

магистрант кафедры финно-угорской филологии
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва, РФ, г. Саранск
pavlova.elena1993@yandex.ru

Чинаева Наталья Викторовна

канд. филол. наук, доцент кафедры
финно-угорской филологии
Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва, РФ, г. Саранск
chinnat85@mail.ru

Features of the transfer of functions of the Finnish partitive by the grammatical means of the Erzya language

Pavlova Elena Olegovna

master's student at the Department of Finno-Ugric Philology
National Research Mordovia State University, Russia, Saransk

Chinaeva Natalya Victorovna

PhD in Philology, associate professor
at the Department of Finno-Ugric Philology
National Research Mordovia State University, Russia, Saransk

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению функций финского партитива и выявлению грамматических средств их передачи на эрзянский язык. Анализ проведен на основе эрзянского эпоса «Масторава» и его перевода на финский язык. В ходе анализа выявлено, что финский и эрзянский языки сохранили некоторые синтаксические черты финно-угорского праязыка, и финскому партитиву в данном случае соответствует аблатив эрзянского языка. Чаще всего же партитивные значения передаются на эрзянский язык при помощи маркированного / немаркированного аккумулятива или номинатива.

Ключевые слова: финский язык, эрзянский язык, падежная система, партитив, аблатив, Масторава.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the functions of the Finnish partitive case and the identification of the grammatical means of their transfer into the Erzya language. The analysis is based on the Erzya epic "Mastorava" and its translation into Finnish. The analysis revealed that the Finnish and the Erzya languages retained some of the syntactic features of the Finno-Ugric proto-language, and the Finnish partitive in this case corresponds to the ablative of the Erzya language. Most often, partitive meanings are transferred to the Erzya language using a marked / unmarked accusative or nominative.

Keywords: Finnish language, Erzya language, case system, partitive, ablative, Mastorava.

Мордовские (мокшанский, эрзянский) и финский языки, являющиеся дальнеродственными языками, после распада праязыка прошли значительный путь самостоятельного развития, что обусловило возникновение в них различий на всех языковых уровнях – от фонетического до грамматического и лексического уровней.

Суффиксы партитива финского языка *-ta/-tä*, *-a/-ä*, рассматриваемого в настоящей работе, восходят к общеуральскому аблативному (отделительному) суффиксу **-ta/-tä* [5, с. 253]. В современных финно-угорских языках (в первую очередь в группе прибалтийско-финских языков) данный падеж расширил свои функции. В волжских (марийском, мокшанском и эрзянском) языках формант **-ta/-tä* представлен как суффикс аблативного (отложительного) падежа. Также заметим, что в прибалтийско-финских, саамском, волжских языках рефлекс финно-угорского аблативного **-ta/-tä* вошли в состав сложных падежных суффиксов [6]. В современном финском языке функции партитива значительно расширились по сравнению с финно-угорским праязыком. Партитив относится к группе субъектно-объектных падежей [2, с. 78], и, соответственно, в данной форме могут выступать субъект, объект действия, предикатив [4; 6; 7; 9].

Партитив финского языка и аблатив мордовских языков, имеющие общее происхождение, сохранили значительные сходства в выражаемых ими значениях – чаще всего они обозначают неопределенное количество предметов, частичный или полный охват предметов или явлений действием [8; 9, с. 84]. Однако, как мы отмечали выше, семантическая нагрузка финского партитива значительно больше эрзянского аблатива.

Поскольку функции, передаваемые в современном финском языке формой партитива, значительны и достаточно разнообразны, мы решили проследить, какие грамматические формы соответствуют им в эрзянском языке. Заметим, что финский партитив ранее не был подвергнут анализу в таком плане. Особенности использования финского партитива и его этимологического эквивалента в мордовских языках – аблатива – исследовал финский ученый А. Алхониemi [1]. Отдельные аспекты вопроса затрагивались С. А. Мишиной при рассмотрении падежей субъекта [4] и Н. В. Чинаевой при выявлении падежей прямого объекта в финском и мордовских (эрзянском, мокшанском) языках [7]. Однако большинство функций, которые партитив получил в ходе обособленного развития финского языка, не подвергались сравнительному анализу.

Работа вносит определенный вклад в изучение грамматических особенностей финского и эрзянского языков, ее результаты могут быть использованы в дальнейших

исследованиях по сравнительному изучению финно-угорских языков. Материалы исследования, безусловно, имеют практическое значение – они найдут применение при обучении финскому языку студентов национального отделения Мордовского государственного университета, а также при самостоятельном изучении финского языка носителями мордовских языков.

Материалом исследования послужили мордовский народный эпос «Масторава» [3] и его перевод на финский язык, сделанный профессором Хельсинкского университета Раей Бартенс [11]. Критерием для выбора данного произведения послужило то, что перевод на финский язык очень близок оригиналу. В качестве основных методов исследования были определены метод сплошной выборки, сравнительный и описательный метод. В ходе работы использовались толковый и двуязычный словари [10; 12].

I. Основной функцией партитива в финском языке является маркирование объекта действия. Существуют различные условия при использовании объекта в партитиве.

Сохранившейся от праязыка функцией партитива является выражение частичности объекта действия или его неопределенного количества (объект в данном случае чаще всего бывает выражен неисчисляемым или абстрактным существительным): фин. *Nyt heti alan tehdä Maailmaa. / Ala [Piru] kantamaan **hiekkaa** minulle...* [11, с. 12]; эрз. *Нейке ушодан Мастор тееме, / Тон [Идемевсь] монень кармат **човар** кадтнеме* [3, с. 14] ‘Сейчас начну я Землю создавать, / Ты [Сатана] мне будешь **песок** носить’; фин. *Sieltä hän [Piru] aikoi pimeinä öinä / lähteä jälleen **rahaa** tekemään* [11, с. 20]; эрз. *Тосто арсесь сон [Идемевсь] сокор ветнестэ / Лиснемс **анаро тевтнень** тейнеме* [3, с. 22] ‘Оттуда он начал темными ночами / отправляться дальше делать **зло**’. В эрзянском языке подобный объект выражен немаркированным аккузативом, если объект неопределенный, или маркированным аккузативом, если объект определенный.

Объект в финском языке употребляется в партитиве, если действие, выражаемое глаголом, является непрерывным, длящимся, или если оно не приводит к результату: фин. *Vielä suurempi tuli leimahti / ja niin hurjasti alkoi poltella / **hiekan ottajaa, Jumalan pettäjää*** [11, с. 14]; эрз. *Секс седеяк поки тосо тол кирвазсь / Ды азаргадозь кармась пултамо / **Човар саицянтъ, Пазонь манчицянтъ*** [3, с. 16] ‘Еще больше огонь вспыхнул / и так свирепо начал жечь / **собиранателя песка, обманщика Бога**’. В эрзянском языке объект выражен существительным в маркированной форме аккузатива, поскольку является определенным.

Особенностью финского синтаксиса является употребление объекта в партитиве в отрицательных предложениях, в эрзянском языке данный синтаксический критерий не играет роли в определении падежа объекта: фин. *Kulki katsellen kaikki tyttöset, / kaikki kauneimmat sitten valitsi – / ei vertaistaan löytänyt vaimoa, / ei kaltaistansa voinut valita* [11, с. 47]; эрз. *Весе мейтерькатненъ сон ютынзе, / весе сехте мазыйтненъ кочкинзе – / Эсь корязонзо пола эзь мые, / Эсь кондямо сон васта эзь кочка* [3, с. 47] 'Пошел рассматривать всех девушек, / всех самых красивых затем выбрал – / по себе не смог найти подругу, / не смог выбрать похожую'.

Для финского и эрзянского языков характерно использование объекта в партитивной / аблативной форме с терминами еды и питья: фин. *Me syöimme spelttivehnnäpuuroa, me siemailemme püimää kernaasti – ne kylläisiksi vatsat tekevät...* [11, с. 33]; эрз. *Вишень кашадо минь ярсатано, / Чапамо ловсодо минь симтяно – пешксе теевить вачо пекенек...* [3, с. 34] 'Полбяной каши мы поедим, / кислого молока мы выпьем – / наполнятся наши голодные желудки (букв. животы)'.

Значительное место в финском языке занимают глаголы, требующие за собой объект в форме партитива. Подобному партитивному объекту в эрзянском языке нередко соответствует аблативный объект, который, как мы отмечали выше, имеет с финским партитивом общее происхождение. Так, в рассматриваемых языках партитивный / аблативный объект используется с глаголами ментального значения: фин. *Mitä ersät nyt mieltivät, / mitä mokšat murehtivat? / Tsaaria he aattelevat, / uutta johtajaa pohtivat* [11, с. 162]; эрз. *Мезде арсить ней эрзятне, / Мезде мокшотне мелявтыть? / Инязородо сынъ арсить, Оцязор кусэ мелявтыть* [3, с. 158-159] 'О чем думают сейчас эрзяне, / О чем мокшане тревожатся? / Об Инязоре они думают, За Оцязора они беспокоятся' (в последнем случае партитивная форма на эрзянский язык передается послеложной конструкцией с послелогом *кус* 'за', подчеркивающей длительность действия); фин. *Kuten minua [SuuriLuoja], ersät, pelkääte, / siten heitäkin [Jumalia] aina pelätkää* [11, с. 36]; эрз. *Кода эстедень [Инешкипаздо], эрзят пельтядо, / Истяня сынdestкак [Пазтнэде] тынь пеледе* [3, с. 37] 'Как самого меня [Бога], эрзяне, боитесь, / так и их [Богов] вы бойтесь'.

II. В финском языке партитивную форму может принимать и субъект действия. Партитивный субъект финского языка и аблативный субъект мордовских (мокшанского, эрзянского) языков имеют общее происхождение и сходства в

значениях. Чаще всего данные падежи обозначают неопределенное количество или число предметов, частичный или полный охват предметов или явлений. Партитивный субъект в финском языке возможен в экзистенциальных, элативных предложениях и хабео-конструкциях, он всегда занимает постпозицию относительно предиката [4].

В подобных случаях финскому партитиву в эрзянском языке чаще всего соответствует номинатив: фин. *Mistä voi tehdä, Luoja, maailman, / kun on allamme vain pelkkää **vettä**, / näin ympäröinsä, loputtomasti?* [11, с. 12]; эрз. *Мейстэ Маспоронтъ, Пазом, тейсынек, / Бути ансяк **ведь** ашти алонок?* [3, с. 14] 'Из чего мир, [мой] Бог, создадим, когда снизу у нас лишь **вода**, повсюду, бесконечно?'

Тем не менее, в эрзянском языке выявляется употребление аблативного субъекта, полностью совпадающего по своей функции с финским партитивным субъектом: фин. *Tuota täynnä **ihmisiä**, oli kutsuttu **vieraita*** [11, с. 96]; эрз. *Кудось пештязель **ломанде**, / **Тердезь инжеде, раськеде*** [3, с. 93] 'Дом заполнен людьми, **приглашенными гостями, народом**'.

III. В финском языке в партитиве может выступать и адъективный предикатив, принимающий данную падежную форму в случае, когда: 1) субъект неисчисляемый: фин. *Tekisit, Luoja, kauniin puolison, / on yksinäinen elo **raskasta*** [11, с. 31]; эрз. *Тейтъ тензэ [Эрзянтень], тон, Паз, мазый ни-пола, / Съкамонь эрямось **стака-лажания*** [3, с. 32] 'Ты сделай ему [Эрзянину], Бог, красивую вторую половинку, / жизнь в одиночестве тяжелая'; 2) субъект имеет форму множественного числа: фин. *Esikoistytär oli Kastargo, / ja toinen tytär hellä Vezorgo, / kolmas niin kaunis Vesiemonen. / Kaikki Luojalle hyvin **rakkaita**, / ilahduttavat, tyydyttävätkin* [11, с. 23]; эрз. *Васень тейтересь ульнесь Кастарго, / Омбоцесь ульнесь ежов Везорго, / Колмоцесь ульнесь мазый Ведява. / Весе Шкупазнэнь сынъ вельтъ **вечкевикст**, / Кастытъ мелензэ, витить ежонзо* [3, с. 26] 'Первая дочь была Кастарго, / а вторая дочь нежная Везорго, / третья такая же красивая, как Ведява. / Все Богу очень **дороги**, / радуют, восторгают'. В эрзянском языке подобный предикатив всегда выступает в номинативе.

IV. В финском языке встречается немало количество предлогов и послелогов, выступающих с именем в партитиве: фин. *Pitkin **metsiä** panen [SuuriLuoja] jokia* [11, с. 20]; эрз. *Паксява, **вурьга** чудевтян мон [Инешкупаз] лейтъ* [3, с. 22] '**Вдоль лесов** расстилаю я [Бог] реки'; фин. *Vuoren laelta Tjuštja lakeutui, / kuparitorvella töräytti. / Sen **ääntä kohti** ersät tulivat, / kaupungista, kylästä saapuivat* [11, с. 316]; эрз. *Валгонесь Тюштя се пандонтъ прясто / Гайсэ ранкстакшнось пижень сюросо.*

/ **Вайгелензэ лангс** сакишность эрзятне, / Сакишность-пурнавкишность ошсто, велестэ [3, с. 304] ‘Спускался Тюштя с горы / Громко трубил в медный рог. / **На [его] голос** собирались эрзяне, / собирались-приходили из городов, деревень’. При передаче семантики рассматриваемых предложных и послеложных конструкций в эрзянском языке используются различные грамматические средства – послеложные конструкции, падежные формы, выбор которых зависит от семантики каждого отдельно взятого послелога / предлога финского языка.

V. Партитивные формы имен в финском языке употребляются в сочетании с количественными числительными (кроме числительного *yksi* ‘один’): фин. *Elin [Kudadej] seitsemänkymmentäseitsemän vuotta*, / *kahdeksantoista nuorta vaimoa otin*, / *seitsemänkymmentäseitsemän vahvaa poikaa elätin*, / *seitsemänkymmentäseitsemän tyttärtä kasvatin*, / *seitsemänkymmentäseitsemän miniää sain*, / *seitsemänkymmentäseitsemän kylää minä perustin* [11, с. 141]; эрз. Сизьгемень сисем **уеть** мон [Кудадей] эринь, / Кемгавксово **од польнеть** сайнинь, / Сизьгемень сисем **виев церам** тринь, / Сизьгемень сисем **тейтерть** мон кастынь, / сизьгемень сисем **урьват** сон саинь, / Сизьгемень сисем **велеть** мон нолдынь [3, с. 137] ‘Жил я [Кудадей] семьдесят семь **лет**, / взял двенадцать **жен**, / семьдесят семь **крепких сынов** родил, / семьдесят семь **дочек** вырастил, / семьдесят семь **снох** взял, / семьдесят семь **деревень** основал’. В эрзянском языке существительное при числительных всегда выступает в номинативной форме, чаще всего во множественном числе.

Партитив в финском языке используется и со словами, выражающими часть, меру, количество: фин. *Volgan vedessä on paljon kalaa* [11, с. 106]; эрз. Равонь веднесэ ламо **калт** улитъ [3, с. 103] ‘В водах Волги много **рыбы**’. В эрзянском языке в данной функции используется номинатив единственного или множественного числа.

VI. Финский партитив и эрзянский аблатив встречаются при выражении сравнительной степени прилагательного: фин. *Minäkö [Piru] tuka Luojaan huonompi?* / *Minäkö tuka Luojaan laiskempi?* [11, с. 19]; эрз. Эли Паздо мон [Идемевсь] седе **берянян?** / Эли Паздо мон седе **нузяксан?** [3, с. 20] ‘Или **Бога** я [Сатана] **хуже?** / Или **Бога** я **ленивей?**’. Выражение сравнения подобным образом, когда прилагательное не принимает никакого формообразующего суффикса, выражающего сравнение, а слово, обозначающее то, с чем сравнивают, оформлено партитивом / аблативом, характерно как для современного финского, так и эрзянского языка, и восходит к древнему финно-угорскому периоду [5, с. 280].

VII. Партитив используется в приветствиях, пожеланиях, восклицаниях: фин. *Jumalalle sinäkin [Viljaemo] kumarra, / meille toivota sato viljava, / **hellää sadetta** viljan kasvulle, / **terveyttä** meille itsellemme, / **hyvää onnea ja terveyttä*** [11, с. 38] / эрз. Тонгак [Норовава] сюконяк Инешкипазонтьень, / Арсек миненек **чачи сюръне**, / Чачи сюронть лангс **сэтьме пиземне**, / Эсенек туртов **шумбрань-парочи**, / **Шумбрань-парочи, паро уцяска** [3, с. 39] ‘Богу ты [Богиня-покровительница урожая] также поклонись, / нам пожелай урожай зернистый, / **мягкого дождя** для роста зерна, / **здоровья** нам самим, **счастья и здоровья**’. В эрзянском языке в данных выражениях используются номинативные формы.

Итак, мы можем констатировать, что современные финский и эрзянский языки сохранили некоторые синтаксические черты финно-угорского праязыка, что в рассматриваемой нами области проявляется в передаче некоторых функций финского партитива на эрзянский язык аблативными формами. Однако, в процессе самостоятельного развития в финском и эрзянском языках возникло и большое количество расхождений – финский партитив значительно расширил сферу своего употребления по сравнению со своим этимологическим эквивалентом в эрзянском языке. Партитивные значения чаще всего передаются на эрзянский язык при помощи маркированного / немаркированного аккумулятива или номинатива.

Список литературы

1. Алхониemi А. Отложительный падеж мордовских языков и партитив финского языка с точки зрения квантитативности // Сущность, развитие и функции языка. – М.: Наука, 1987. – С. 95-102.
2. Грамматика финского языка / под ред. Б. А. Серебренникова, Г. М. Керт. – М.–Л., 1958 – 297 с.
3. Масторава (на основе эрзянских и мокшанских мифов, эпических песен и сказаний) / А. М. Шаронов. – Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1994. – 496 с.
4. Мишина С. А. Морфологические способы выражения и семантические функции субъекта в мордовских (эрзянском и мокшанском) и финском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2006. – 32 с.
5. Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / отв. ред.: В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеев. – М., 1974. – 484 с.
6. Павлова Е. О., Чинаева Н. В. Особенности употребления партитивного предикатива в финском языке // Филологический аспект. – 2017. – № 7 (27). – С. 66-71. – Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-upotrebleniya-partitivnogo-predikativa-v-finskom-yazyke.html> (Дата обращения 28.11.2019)
7. Чинаева Н. В. Способы выражения и семантические функции прямого объекта в мордовских (эрзянском и мокшанском) и финском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саранск, 2012. – 17 с.

8. Эрзянь кель. Морфемика, валонь теевема ды морфология: вузось эрзянь ды финнэнь отделениянь тонавтицятнень туртов // редкол.: Д. В. Цыганкин (отв. ред. Н. А. Агафонова, М. Д. Имайкина ды лият). – Саранск, 2000. – 280 с.
9. Hakulinen A., Vilkuna M., Korhonen R., Koivisto V., Heinonen T. R., Alho I. Iso suomen kielioppi [Verkkoversio, viitattu 1.11.2008]. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2004. – Режим доступа: <http://scripta.kotus.fi/visk> (Дата обращения 05.11.2019)
10. Kielitoimiston sanakirja [Электронный ресурс] : интернет-словарь содержит сведения об этимологии, стилистике, использовании финской лексики; более 100 тыс. записей, 2018. – Режим доступа: <http://www.kielitoimistonsanakirja.fi/> (Дата обращения: 25.10.2019).
11. Mastorava : ersäläisten ja mokšalaisten muinaisajan myyttien, eepisten laulujen ja kertomusten mukaan kirjoitti A. M. Šaronov / käänt. R. Bartens. – 2015. – 507 s. Режим доступа: http://www.macastren.fi/suomennettua/bartens_mastorava.pdf (Дата обращения 17.09.2019)
12. Suomalais-ersäläinen sanakirja = Финнэнь-эрзянь валкс: 17 000 валт / А. Алхониemi, Н. Агафонова, М. Мосин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. – 512 с.

УДК 811.511.142

Система символов в хантыйских личных песнях и удмуртских народных песнях

Соловар Валентина Николаевна

д. филол. наук, главный научный сотрудник
БУ «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
РФ, г. Ханты-Мансийск
solovarv@mail.ru

The system of symbols in Khanty personal songs and Udmurt folk songs

Solovar Valentina Nikolaevna

PhD, Associate Professor, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Russia, Khanty-Mansiysk

Аннотация. В статье анализируются символы личных и народных песен хантыйского и удмуртского народов. Сопоставлению подвергнуты три подсистемы символов песен: символы чисел, символы животных, символы птиц. Подсистемы символов представляют различающиеся архетипы песенной культуры этих этносов.

Ключевые слова: система символов, личная песня, народная песня, удмурты, ханты, растительная символика, символика чисел, анималистический символизм, семантика.

Abstract. The article analyzes the symbols of personal and folk songs of the Khanty and Udmurt peoples. Three subsystems of symbols of songs are subjected to comparison: symbols of numbers, symbols of animals, symbols of birds. Subsystems of symbols represent different archetypes of song culture of these ethnic groups.

Keywords: symbol system, personal song, folk song, Udmurts, Khanty, plant symbolism, symbolism of numbers, animalistic symbolism, semantics.

Впервые выявлены символы личных песен хантов. Установлена степень общности трех подсистем символов хантыйских личных песен и удмуртских народных песен, что позволяет судить как о сходстве, так и отличиях в рассмотренной символике. Описаны подсистемы символов, являющихся ведущими в системе символов обоих из рассматриваемых этносов на проанализированном материале: нумерологическая, анималистическая, орнитологическая. Сопоставлена семантика главных символов подсистем.

Результаты исследования могут быть использованы для изучения систем символов других этносов.

При анализе материала использованы методы математической статистики, семантического и факторного анализа и описательный.

В настоящей статье сопоставим три системы символов песен хантыйского и удмуртского этносов. Для сопоставления использованы результаты изучения системы символов удмуртских народных песен В. А. Глуховым, Н. Н. Глухой [1, с. 198-243]. Хантыйские песни привлекали к себе некоторое внимание фольклористов и музыковедов на протяжении многих лет. Фонографические записи хантыйских песен, сделанные в 1930-е годы В. К. Штейницем и другими собирателями, хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, и ныне они доступны для лингвистического и этномузыкологического изучения [2]. Имеющиеся работы по проблематике хантыйских песен и их языка посвящены, в основном, анализу песен медвежьего праздника, собственно обрядовых песен, относящихся к глубокой архаике культуры обско-угорских народов. Поэтике подобных обрядовых песен посвящены работы исследователей [3, с. 23-25, с. 36], [4, с. 121-152], [5], [6]. В более поздней работе А. А. Гриневич исследуются наиболее характерные приемы поэтики обрядовых песен медвежьего праздника. Священные песни медвежьего праздника описываются автором с точки зрения их структуры (типизированные грамматико-синтаксические структуры – формулы) и формальных композиционных особенностей построения песен (повторяемость, осуществляющаяся на разных уровнях текста, вариативность и параллелизм, ритмика [7].

Для анализа хантыйских песен использованы личные песни. Личные песни хантов, манси и других народов Сибири, представляют собой феномен, хорошо известный в общей фольклористике и в изучении фольклора народов Сибири. Как справедливо отмечает З. В. Венстен-Тагрина, она выполняет функцию этносоциальной идентификации и самоидентификации [8, с. 3].

Личная песня является песней, созданной человеком либо для самого себя, либо для членов своей семьи, поэтому человек выражает в ней свои переживания и свои чувства: радость, горе, удовлетворение, тревоги. Нами проанализировано 102 песни из четырех опубликованных сборников: «Сказки, песни хантов полноватского приобья» (41 песня), «Поющая женщина из Эхт югана (25 песен), «Если моя песня-сказка дальше пойдет» (вып. 1) (9 песен), «Если моя песня-сказка дальше пойдет» (вып. 2), (27 песен) [9], [10], [11], [12].

Системный анализ текстов показал, что символы хантыйских песен можно представить несколькими подсистемами, включающими растительную символику, символику чисел, анималистический символизм, символизм птиц, цветовую символику. В данной статье рассмотрим подробно символику числа, животных и птиц. На основании количественных подсчетов последовательность частотности упоминания символов представим в таблице 1.

Таблица 1. Рейтинг количества упоминаний видов символов в хантыйских личных песнях

№	Виды символов	Количество упоминаний	Вероятность
1.	Числа	316	0,434
2.	Животные	133	0,182
3	Рыбы	85	0,116
4	Растения	66	0,090
5.	Птицы	64	0,088
6.	Цвета	63	0,086
Суммы		727	1,000

Пять общих подсистем символов песен, выявленных В. А. Глуховым, Н. Н. Глухой для финно-угров Урало-Поволжья актуальны и для личных песен хантов, однако порядок расположения системы символов в обско-угорских языках будет несколько перестраиваться. Выявленная упомянутыми авторами система дополняется нами системой символов рыб, так как она является для хантов третьей по значимости системой в иерархии подсистем.

В анализируемых хантыйских песнях на первом месте по частоте использования находятся числительные. Имена числительные как символы

становятся характеристикой качества. В описываемых песнях встречается 316 упоминаний 28 числительных. Эти данные зафиксированы в таблице 1. Доминирующими числительными в песнях являются *три, пять, два* (42,9%). Ко второй группе относим *семь, шесть, четыре*, (28,9%). К третьей группе относим *один* и *десять* (10,3%). Все остальные числительные (№ 9-28) дополняют количество упоминаний числительных до 100 % (17,9%).

Таблица 2. Результаты анализа упоминаний чисел в хантыйских личных песнях

№	Число (числительное)	Кол-во упоминаний	Вероятность	№	Число	Кол-во упоминаний	Вероятность
1	Три	51	0,161	16	Восемь	3	0,009
2	Пять	45	0,142	17	Девятьсот	2	0,006
3	Семь	36	0,113	18	Девятнадцать	2	0,006
4	Два	40	0,126	19	Двадцать пять	2	0,006
5	Четыре	27	0,085	20	Четырнадцать	1	0,003
6	Шесть	29	0,091	21	Пятьдесят	1	0,003
7	Один	18	0,056	22	Двести	1	0,003
8	Десять	15	0,047	23	Двадцать	3	0,009
9	Триста	7	0,022	24	Семнадцать	1	0,003
10	Пятьсот	5	0,015	25	Пятнадцать	1	0,003
11	Сто	6	0,018	26	Семьсот	1	0,003
12	Девять	4	0,012	27	Четыреста	1	0,003
13	Одиннадцать	3	0,009	28	Тридцать	2	0,006
14	Восемнадцать	3	0,009				
15	Тысяча	3	0,009	Суммы		316	1,000

Числительные в хантыйских песнях чаще используются в прямом значении. Проанализируем семантику наиболее распространенных числительных и приведем примеры их использования в текстах песен.

Числительное ***три*** обозначает в личной песне полноту и гармоничность, оно используется при перечислении количества людей: *хөләм ики, хөләм эви, хөләм пух, хөләм йай, хөләм аьхи* и т.д., например:

Хөләм пух лелтәм, пухәң өхлүйем...

‘Нарты, в которые посажены три сына’;

Хөлмийем аьхи теләң хот эвәлт...

‘Из дома полного, в котором три невесты’;

Числительное *хөләм* обозначает нужное для поездки количество оленей:

Хөләм йәңк хопты кирәм өхлүйемә,

Хөләм хәлэв хө, хөләм хоптыйемә

‘Нарты с тремя очень белыми оленями,
Три оленя моих цвета чайки’.

Число *хөдәм* обозначает количество природных объектов: *хөдәм лор* ‘три озера’, *хөдәм хайш нул* ‘три мыса с тальником’, *хөдәм сәңхәм* ‘три яра’, *хөдәм йишк* ‘три воды’, например:

Мэнь не веншәң *хөдәм сәңхәм*,
Сәңхәм мўң тайиийәлтәв
‘Три яра с лицом невесты
Есть у нас яр’.

Число *хөдәм* связано духовным миром, с духами-покровителями: *Хөдәм төрәм пух хот сўңийемән* ‘Три духа-покровителя в углу дома’.

Числительное *вэт* ‘пять’ также используется в значении «гармоничность, полнота,» при описании членов семьи: *Вэт пухийем* ‘Пять моих сыночков’, *Вэт эвийэ* ‘Пять дочек’, *Вэт Рантымөп теләң хотыйем* ‘Полный дом из пяти Рандымовых’; имеет значение «полноценность» при описании руки: *Вэтыйән лўйпи лўйәң йош* ‘Рука с пятью пальцами’; при описании пространства, освоенного человеком: *Вэт мўв сўң*, *Вэтыйән нырни нырәң оц*, *Вэтыйән йитпи йитәң ар хот*.

Приведем примеры из песен:

Маййән тайәм *вэт эвийем* ‘Пять дочерей, которых я родила,
Вэт мўв сўңа атыйән мәнәтәл. В пятьуголков земли пусть разъедутся’;

Число *лапәт* ‘семь’ в хантыйской культуре является священным. Оно встречается в языческой культуре при упоминании о богах:

Лапәт төрәм ортәм мўва
Ики мәнйийәлта...

‘На землю, разделенную семью богами, мужчина едет’;

Число *лапәт* сочетается с числом *хөт* символизирует благодать, божественный промысел, количество богов; упоминается также в сочетании с солнцем, как божественным светилом:

Хәтлўйән мәнты лапәт йәм щир,
Хәтлўйән мәнты хөт йәм щир...;
‘Семь хороших путей движения солнца,
Шесть хороших путей движения солнца’.

Число *лапәт* символизирует гармоничное состояние человека:

Лапәт лөңханьщәп сыйпи өхәла
Ма па ләлўййәләмемийә;

‘На наргы с семью колокольчиками

Я садилась...’.

Число *лапэт* символизирует необычно большие размеры предметов:

Лаптыйэн сөрүи кўл йэңкийэ ‘В семь слоев толстый лед’; Ин *лаптыйэн ләлпи* вөн сәран хоп ‘Большая зырянская лодка с семью опругами’.

Число *кәт*, *кәтән* связано с полнотой: Кәтыйэн тухләп тухләң ар вой ‘Много птиц с двумя крылами’. Например:

Кәтыйэн йўхпи олтәм хота В дом, построенный из двух частей,

Ма па ләңийәлмемийэ. Я тоже заходил;

Нувийэн сәңхәм хонңийэва К светлому песчаному яру

Кәтыйэн тухләп тухләң ар вой Много птиц с двумя крылами

Алңа йухтыйәлтәл. Утром прилетают.

Числа *сто*, *триста*, *четыреста*, *пятьсот*, *семьсот* обозначают большое количество, большой размер или мощность, например: Нўмийэн асы *сотәң хур* пелы Ма ки вантыйәлтәм... ‘Если я посмотрю в южную сторону реки на сотни рукавов реки...’; Ин *хөләмсот мәтра* ин вөн тухәл ‘Этот невод большой в триста метров’.

Таблица 3. Символика чисел в хантыйских личных песнях

Название символа	Семантика
<i>1-я группа подсистемы символов</i>	
Три	Полнота, нужное количество; гармония; количество людей, родственников, предметов, природных объектов; количество духов-охранителей.
Пять	Гармоничность, полнота; полноценность; пространство, освоенное человеком; количество предметов.
Два	Полнота, достаток; количество сыновей; количество рук (парность); количество крыльев, части дома
<i>2-я группа подсистемы символов</i>	
Семь	Предмет большого размера; количество богов; количество природных объектов; божественная сила.
Шесть	Удовлетворение, гармония; освоенное пространство; количество духов-охранителей; количество предметов; большой размер предмета.
Четыре	Полнота: число невесток, девушек; предметов; сомонимов
<i>3-я группа подсистемы символов</i>	
Один	Единичность, одинаковый размер, возраст.
Десять	Полнота: количество пальцев; количество девушек, лошадей; большой размер лодки;
<i>4-я группа подсистемы символов</i>	
Триста	Большая длина невода
Пятьсот	Большая длина деревьев, бревен, невода.

Название символа	Семантика
Сто	Большое количество людей; животных; земель; большой размер предмета
Девять	Небольшое количество животных
Одиннадцать	Количество детей
Восемнадцать	Большое количество сосен
Тысяча	Полнота, большое количество
Восемь	Большая толщина льда;
Девятьсот	Большое количество людей
Девятнадцать	Большое количество сосен
Двадцать пять	Количество лет
Тридцать	Большая мощность техники
Четырнадцать	Количество лет
Пятьдесят	Количество белок; полнота
Двести	Количество белок; полнота
Двадцать	Количество лошадей
Семнадцать	Количество лет совместной жизни;
Пятнадцать	Большой размер предмета.
Семьсот	Большая длина невода.
Четыреста	Большое количество оленей

Символы чисел в удмуртских народных песнях в рейтинге количества упоминаний видов символов занимают четвертое место [1, с. 199, с. 230-237]. Главными символами в удмуртских песнях являются числительные от одного до трех. Числа *два* и *три* в языковой картине песен хантыйского и удмуртского народов являются более частотно употребляемыми символами. На четвертом месте в удмуртских и на третьем месте в хантыйских песнях по частотности упоминаний находится число *семь*. Семантика числа *два* в хантыйских и удмуртских песнях почти совпадает, так в удмуртском языке числительное *два* символизирует нечто дополнительное к имеющемуся, трудность выбора, гармонию; общим значением для обоих языков является парность предметов.

Число *три* в удмуртских песнях обозначает как большое, так и малое количество [1, с. 233]. В хантыйском же *три* символизирует нужное количество предметов, гармонию. Число *семь* в хантыйских песнях символизирует предметы большой величины и религиозные субстанции, наделенные духовной силой: природные объекты, боги и их божественная мощь. Совпадение в семантике символов обоих языков наблюдается в общем значении получения жизненной опоры. В хантыйских песнях в отличие от удмуртских не встречаются числа: 12, 70, половина.

Таблица 4. Символика животных в хантыйских личных песнях

Следующую группу составляют анималистические символы.

Результаты анализа упоминания животных в хантыйских песнях

№	Животное	Кол-во упоминаний	Вероятность
1	Лов 'лошадь'	41	0,308
2	Вўлы, хопты, хор 'олень'	28	0,210
3	Лаңки 'белка'	10	0,075
4	Мис 'корова'	17	0,127
5	Вой 'животное'	19	0,142
6	Амп	4	0,030
7	Вэс 'морское животное'	4	0,030
8	Вухсар 'лиса'	5	0,037
9	Њерэм вой 'медведь'	3	0,022
10	Сос	1	0,007
11	Њухэс	1	0,007
	Суммы	133	1,000

Группу основных символов составляют наименования таких животных, как лошадь, олень (51,8%), Вторая группа объединяет в себя названия таких животных как белка, корова и общее название животных – вой (34,4 %). Третья группа представлена следующими животными: собака, мифическое животное, лиса, медведь (11,9%). Четвертую группу представляют горностай и соболь (1,4%).

Лексема *лов* упоминается в усть-казымском говоре 37 раз, у казымских ханты лексема *лов* встречается всего 4 раза. Это объясняется хозяйственным укладом этих групп хантов, начиная со среднего течения Казыма, ханты занимаются оленеводством, поэтому в их песнях чаще воспевадается олень. Конь и олень являются символом состояния, достатка. Стадо оленей является также символом богатства. Конь символизирует зажиточную жизнь:

Йаңийем лови йәм кўт эвэлт,
 Хэсийем лови йәм кўт эвэлт
 Пирылтаңем ...
 'Из десяти хороших коней,
 Из двадцати хороших коней
 Выбираю'... ;

Лексемы *лов* 'конь' и *вўлы* 'олень' употребляется и в прямом значении, например: *Хөләм ващ вўлы кирәм өхлыйэл* 'Нарты, в которые запрягли трех тощих оленей'.

По количеству упоминаний белка находится на третьем месте, так как она являлась часто добываемым животным и была символом достатка и благополучия:

Вэтайаң лаңки теләң әнтәп

Тәм, тәм, тәм, тәм.

Кәт сот лаңки теләң әнтәп

Тәм, тәм, тәм, тәм.

'Пояс, наполненный 50 белками,

Вот, вот, вот, вот.

Пояс, наполненный 200 белками,

Вот, вот, вот, вот'.

В песне поется, что не всегда легко добыть белку: *Вўртыйән лывәп ин ай лаңкийә Уйна хән вэлыиһинийәлтыйә* 'Маленькую белку с красным хвостом Добыть не только удача нужна'.

Собака предстает символом неприязни в составе ругательства, автор песни выражает свое негодование по отношению к тем, кто при коллективизации забрал у нее лошадей и коров: *Амп веншәт, вантаты, Вөн тўтәң хоп имиле Ма щи арыялтем... Йермак ухшам на пунләм, Пәркан ухшам на пунләм...* 'Смотрите, собачьи морды, Женщина [по прозвищу] Зырянская лодка, я пою, И надену шелковый платок, Шерстяной платок тоже надену...'.

Таблица 5. Символика животных в хантыйских народных песнях

Название символа	Семантика
Лов 'конь, лошадь'	Достаток в хозяйстве, зажиточная жизнь; образ духа покровителя; символ жертвоприношения; символ нищеты
Вўлы, хопты, хор 'олень, бык'	Достаток в хозяйстве, зажиточная жизнь, богатство; красота животного мира
Мис 'корова'	Достаток в хозяйстве, зажиточная жизнь
Лаңки 'белка'	Достаток, зажиточная жизнь; богатство животного мира
Вой 'зверь, животное'	Богатство природы
Амп 'собака'	Оскорбление; нищета
Вэсы 'морское животное'	Мифическое животное
Вухсар 'лиса'	Символ рода лисы; богатство животного мира
Һөрәм вой 'медведь'	Символ благодати
Сос 'горностай'	Символ достатка
Һухәс 'соболь'	Богатство животного мира

Символы животных в удмуртских народных песнях в рейтинге количества упоминаний видов символов занимают пятое место [1, с. 199]. В хантыйских песнях животные по рейтингу символов занимают второе место, что связано с остатками тотемизма. В рейтинге упоминаний конь в обеих культурах занимает первое место, что связано не только с хозяйственной деятельностью обоих народов, а также связью коня в хантыйской культуре с более древними культурными и хозяйственными связями предков обских угров и мифологическими представлениями хантов и манси. На втором месте в рейтинге символов у хантов находится олень. Олень не зафиксирован в рейтинге удмуртских символов. Корова в рейтинге символов обоих народов входит во вторую группу. В обеих культурах близкими друг другу по рейтингу являются собака, лиса. Белка в хантыйской культуре занимает более высокую ступень иерархии. Символ заяц отмечен в удмуртской культуре, но не встретился в хантыйских личных песнях, так как одним из обликов хантыйской богини является заяц. В иерархии символов в песнях удмуртов отмечена пчела, у хантов она не встречается. Семантика же символов животных в песнях удмуртов и хантов абсолютно не совпадает.

Символика птиц в хантыйских личных песнях

Пятое место по количеству упоминаний занимают птицы, встречается 18 названий птиц. Основная группа включает 60,8 % названий. Она объединяет такие наименования, как гипероним *птица*, *ворон*, *чайка*, *сова*. Вторая группа насчитывает 26,3%, состоит из следующих имен: *кедровка*, *воробей*, *журавль*, *кулик*, *гоголь*, *куропатка*, *ворона*. Третья группа образов-символов представлена 10,5% названий от всех имен птиц (*лебедь*, *халей*, *синьга*, *сорока*, *гусь*, *тетерев*, *острохвост*).

Таблица 6. Результаты анализа упоминаний названий птиц в хантыйских личных песнях

№	Птица	Кол-во упоминаний	Вероятность
1	Тухлән вой, вой птица	10	0,156
2	Хөләх 'ворон'	11	0,171
3	Суры 'чайка'	10	0,156
4	Маңкла 'сова'	8	0,125
5	Нохәрлэтне 'кедровка'	4	0,062
6	Щицки 'воробей'	3	0,046
7	Тор 'журавль'	2	0,031
8	Хайәп 'кулик'	2	0,031
9	Сой 'гоголь'	2	0,031

№	Птица	Кол-во упоминаний	Вероятность
10	Пăстăк 'куропатка'	2	0, 031
11	Вурçă 'ворона'	2	0, 031
12	Хутăç 'лебедь'	1	0,015
13	Хăлăв 'халей'	1	0,015
14	Сыңк 'синьга'	1	0,015
15	Савне 'сорока'	1	0,015
16	Кўтăри 'тетерев'	1	0,015
17	Кўрăк 'острохвост'	1	0,015
18	Лент 'гусь'	1	0,015
	Суммы	64	1,000

Небольшие территориальные различия в говорах представляют интерес с точки зрения лингвокультурологии; в песнях, зафиксированных в среднем и верхнем течении Казыма, отмечены наименования птиц, которые не встретились в усть-казымском говоре, это: журавль, кулик, халей, гоголь, кедровка. Рассмотрим примеры символов. В анализируемых текстах слово *птица* является символом природного изобилия, духов-покровителей, отражает названия орнаментов.

Курупатка ассоциируется с красивой женщиной:

Шея **журавля** сравнивается с изгибающимся обозом и болотами: Торыйэн сапэл мўвечу анас Кăртылăмем, кăртылăмем 'Обоз, изгибающийся, как шея журавля, я соединила', Множество болот, изогнутых, как шеи журавля, я объехала'.

Черный ворон является духом-покровителем села Полноват, поэтому вызывает у автора положительные эмоции:

Лайла хөлэх йăм войийэм,

Питла хөлэх йăм войийэм.

Хэнтэ хăтэл йăм пурайна

Войа ма пёрлылăтемийэ.

'Чёрный ворон, хорошая птица моя,

Черный ворон, хорошая птица моя.

Когда-нибудь, когда настанет хорошее время,

Птицей я улечу'.

Цвет очень белого оленя сравнивается с цветом речной чайки: Хөлэм йэңк хопты кирэм өхлйёмэ, Хөлэм хăлăв хө, хөлэм хоптыёмэ 'В нарту, в которую запрягли три белых оленя, В нарту, в которую запрягли три быка цветом речной чайки...'.

Кедровка является символом рачительных хозяев, у которых в лабазе к приезду гостей всегда есть запасы: *Нохарлётне ай тащтаммэ Ёнт хөн тайиэлталийэ* 'Как у птицы-кедровки маленькие запасы, наверно, хранятся в нём'.

Красота девушки сравнивается с куропаткой: Товийэн *пойтэк* хурамэн не, Сўсыйэн *пойтэк* хурамэн не 'Красивая женщина, похожая на весеннюю куропатку, Красивая женщина, похожая на осеннюю куропатку'.

В названия узоры, которые шили мастерицы, включены наименования вороны и сороки:

Вурңа кўншлам вөн щакары, Эви, ма, йонтылэтемийэ, Савне кўншлам вөн щакары, Ма па кай йонтийэлтемийэ 'Как большие лапы вороны, я, девушка, шью узоры, как у сороки лапы, большие орнаменты я тоже шью...'

Воробей является символом благодатной природы: Товийэн щипки лэйман ле мўв, Сўслэв ле щипки лэйман ле мўв Мўң па тайиийэлтэвийэ 'Земля, с чирикающими весной воробьями, Земля, с чирикающими осенью, воробьями, у нас есть'.

Таблица 7. Символика птиц в хантыйских личных песнях

Название символа	Семантика
Птица	Название узоров; дух-покровитель какого-либо рода, стойбища; богатство природы
Ворон черный	Дух-покровитель села Полноват
Чайка	Дух-покровитель деревни Чуэли; название деревни
Халей	Белый цвет оленя
Сова	Дух-покровитель деревни Пашторы;
Лебедь	Сережки в форме перьев лебедя
Куропатка	Символ красивой женщины
Ворона	Название узора; тонкий наст
Сорока	Название узора
Кулик	Название поселения
Воробей	Благодатная природа
Тетерев	Изобилие животного мира
Журавль	Шея журавля – символ длинного извивающегося обоза; множество изогнутых болот
Гоголь	Неполноценность
Кедровка	Символ хозяйственности
Острохвост	Форма протоки
Гусь	Форма реки

Символы птиц в удмуртских народных песнях в рейтинге количества упоминаний видов символов занимают третье место [1, с. 199]. Среди символов птиц в песнях обоих народов встречаются лишь три общих названия: птица, гусь, журавль,

остальные не совпадают. На первом месте по встречаемости находится общее название птицы. Семантика символов птиц в песнях абсолютно не совпадает.

Итак, в хантыйских песнях нами выявлено шесть подсистем символов. Ведущее символическое значение для хантов имело число. Основная часть исследуемой лексики представляет собой анималистическую символику. На третьем месте по количеству упоминаний находятся рыбы. В символике личных песен хантыйского народа отразились языческие верования хантов: преклонение перед духами, прародителями, которые принимали образ рыб, птиц, животных.

Именно эти символы являются базовыми для хантыйского этноса, составляют ядро символики культуры, передаются из поколения в поколение, сохраняют этническую идентичность одного из обско-угорских народов.

В отличие от хантыйской системы символов личных песен в удмуртских народных песнях выявлено пять подсистем [1, с. 199]. По рейтингу упоминаний в удмуртских песнях на первом месте стоит символика растений, на втором месте стоят цвета, на третьем – животные. Для удмуртского народа не являются актуальными символами те, которые важны для хантыйского этноса, они по встречаемости находятся на последнем месте.

Результаты исследования позволяют сделать выводы о том, что перечень и семантика архетипов хантыйской песенной культуры значительно отличаются от песенной символики удмуртской народной песни.

Список литературы

1. Глухов В. А., Глухова Н. Н. Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья. Москва: изд-во «Спецкнига», 2012. 364 с.
2. Бурыкин А. А., Гирфанова А. Х., Кастров А. Ю., Марченко Ю.И., Светозарова Н.Д., Шифф В.П. Коллекции народов Севера в Фонограммархиве Пушкинского Дома. СПб., Филологический факультет СПбГУ, 2005. 178 с.
3. Steintz W. Ostjakische Völkedichtung und Erzählungen. Stogholm, 1941
4. Шмидт Е. Основы метрики в северохантыйском песенном творчестве (внутристрочный уровень) // История и культура хантов. Томск, 1995. С. 121-152.
5. Алквист А. Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки. Перевод с немецкого Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 179 с.
6. Widmer A. Die poetischen Formeln der nordostjakischen Heldendichtung. Harrassowitz Verlag. Wiesbaden in Kommission. 2000.
7. Гриневич А.А. Поэтика обрядовых песен медвежьего праздника казымских хантов. Новосибирск, 2011. 13 с.
8. Венстен-Тагрица З. В. Феномен личной песни в традиционной культуре чукчей. Санкт-Петербург, 2008. 23 с.
9. Сказки, песни хантов полноватского приобья. Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. 344 с.
10. Поющая женщина из Эхт югана. Ханты-Мансийск: ООО «Формат», 2014. 127 с.

11. Если моя песня-сказка дальше пойдет. Выпуск 1. Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. 208 с.
12. Если моя песня-сказка дальше пойдет». Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2003. Выпуск 2. 220 с.

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.11

Лингвокультурологические особенности академического дискурса в межкультурной интернет-коммуникации

Новикова Людмила Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков
Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, РФ, г. Ижевск
l_novikova_17@mail.ru

Linguistic and cultural aspects of academic discourse in intercultural Internet communication

Novikova Ludmila Anatolyevna

Cand. Sci. (Pedagogy), associate professor of Foreign Language Department
Izhevsk State Agricultural Academy, Russia, Izhevsk

Аннотация. В данной статье рассматривается понятие дискурса и академического дискурса в современной лингвистике в контексте межкультурной коммуникации. Приведены основные характеристики академического дискурса, а также основные факторы для анализа академического дискурса. Выявлены особенности интернет-коммуникации, как особого канала общения в межкультурном сетевом пространстве. Выделены основные черты блога, как жанра интернет-коммуникации. На примере текстов блогов, размещенных на государственных и образовательных сайтах, выявлены и проанализированы основные характерные черты академического дискурса в межкультурной интернет-коммуникации, которые необходимо учитывать при подготовке студентов к межкультурному взаимодействию в образовательном процессе вуза по иностранному языку.

Ключевые слова: дискурс, академический дискурс, письменный академический дискурс, межкультурная интернет-коммуникация, блог

Abstract. The article considers the concept of discourse and academic discourse in the context of intercultural communication. The main peculiarities of academic discourse and main factors for academic discourse analysis are defined. The main features of Internet communication as a special channel in the intercultural net communication are revealed. The special aspects of blogs as an Internet genre are given. The main special features of academic discourse in the intercultural Internet communication by the examples of blogs on the government and educational sites are analyzed. These aspects of academic discourse should be taken into account while training students for intercultural cooperation in the educational process in foreign languages.

Key words: discourse, academic discourse, written academic discourse, intercultural Internet communication, blog

Ноосфера, или информационная среда, имеет первостепенное значение для современного человека. Интернет, как часть данной среды, характеризуется хронотопами [1], в рамках которых осуществляется человеческая деятельность. Несколько лет назад это была деятельность, связанная с поиском, передачей и обработкой информации. Сейчас в интернет-пространстве возможно реализовать деятельность познавательного, игрового, коммуникативного характера. Интернет предоставляет возможность общения со всем миром, возможность сотрудничества и взаимодействия в мультикультурной среде. Распространение интернета привело к появлению особых виртуальных миров, сетевых сообществ, сетевой культуры и языка, сетевой личности, что в свою очередь приводит к необходимости исследовать развитие языка в инновационных условиях, а также наблюдать в новой технологической среде взаимодействие, развитие культур и языков. В эпоху бурного роста масштабов межкультурного взаимодействия посредством интернет-коммуникации актуальной становится тема взаимопроникновения и взаимопонимания культур, в которой все большее место занимают проблемы самобытности культур, открытости, диалога.

В современной парадигме российского образования особую актуальность приобретают универсальные компетенции выпускников вузов в сфере коммуникации и межкультурного взаимодействия в профессиональной и академической среде. Поскольку межкультурное взаимодействие все чаще осуществляется посредством веб-технологий, возникает необходимость проанализировать особенности академического дискурса в межкультурной интернет-коммуникации, которые необходимо учитывать при подготовке студентов к межкультурному взаимодействию в образовательном процессе вуза [2].

На данный момент нет единого определения терминов «дискурс» и «академический дискурс», но все исследователи признают, что дискурс связан с речью и вне речевого общения и контекста не существует. Термин «дискурс» изучается не только в рамках лингвистики текста, он синтезирует достижения и других наук — философии, социологии, психологии, этнографии, межкультурной коммуникации. В самом общем виде данный термин обозначает форму использования языка, отражающую то, кто использует язык, как, почему и когда [3]. На основе анализа понятия дискурса в различных школах дискурсивного анализа В. Е. Чернявская приходит к выводу, что «под дискурсом следует понимать текст(ы) в

неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом.... » [4, с. 114]. Таким образом, понятие дискурса включает в себя совокупность коммуникативных актов и текстов, объединенных по содержательно-тематическому признаку.

Дискурс на родном языке состоит из трех аспектов: лингвистического (использование языковых средств), когнитивного (передача информации, знаний, мыслей) и интерактивного (взаимодействие субъектов речевой деятельности). Для нашего исследования важно определение данного термина с точки зрения межкультурного общения. Субъекты общения принадлежат к разным культурам и этносам, соответственно тип дискурса также культурно обусловлен. Р. Каплан в 1966 г. исследовал то, как структура мышления воздействует на структуру дискурса на родном языке, и пришел к выводу, что представители семитских языков склонны к импликации фактов, рассматриваемых как нечто очевидное, представители азиатских языков, как правило, развивают аргументацию по спирали, в романских культурах происходит вербализация всех компонентов, сопровождаемая отступлениями, рассуждениями, ссылками относительно объекта речи. Представители российской культуры в речи склонны использовать импликации (пропуск того, что известно) и отклонения от основного предмета разговора. Для представителей английской культуры характерен логичный, прямолинейный, последовательный стиль общения [12]. В многокультурном пространстве интернета ежеминутно сталкиваются, общаются и взаимодействуют представители разных культур, при этом невозможно изучить все закономерности и тонкости того или иного дискурса, поэтому насущной потребностью становится овладение знаниями основных принципов и правил англоязычного дискурса в разных сферах общения: профессиональной, академической, деловой и т. д.

Рассмотрим один из видов дискурса, который получил название академический дискурс, более подробно. Вслед за Т. П. Поповой, мы рассматриваем академический и научный виды дискурса как синонимы [5]. В общем смысле академический дискурс рассматривается как особая форма чтения, письма и мышления, осуществляемая в образовательной среде. К. Хайленд соотносит академический дискурс с процессом мышления и использованием языка, функционирующего в академическом сообществе [11]. Ученый выделяет исследовательский, учебный, студенческий, популярный типы дискурса в рамках

академического дискурса. В российской науке академическое общение рассматривается как «официальное профессиональное диалогическое и монологическое общение в учебных и научных заведениях, а также неофициальное профессиональное общение в учебных и научных профессиональных сообществах» [6]. Р. С. Аликаев на основе анализа функционального стиля текстов научного дискурса выделяет собственно научный (академический), научно-учебный, научно-публицистический (научно-популярный), научно-технический, научно-информационный и научно-разговорный подстили [7]. Для анализа академического дискурса важно учитывать такие факторы как, коммуниканты (участники общения), хронотоп (время, место, коммуникативная ситуация), цели и стратегии общения, способы общения (жанровые, стилевые характеристики с учетом канала связи) [8]. В нашем исследовании коммуниканты — представители научного и профессионального сообщества, занимающиеся сельским хозяйством. Общение происходит в интернет-пространстве посредством записи в блогах. Цель общения — изложить результаты исследования, а также рассмотреть актуальные вопросы сельского хозяйства в форме приемлемой для специалистов и неспециалистов. Особенности текстов данного вида коммуникации — логичность, объективность, краткость, терминологичность, абстрактность суждений.

В последнее время появилось много исследований интернет-коммуникации, в которых компьютерный дискурс выделяется в отдельный вид дискурса. Мы рассматриваем коммуникацию как социально обусловленный процесс обмена информацией различного характера и содержания, передаваемый целенаправленно при помощи различных средств, который имеет своей целью достижение взаимопонимания между партнерами и осуществляется в соответствии с определенными правилами и нормами [9, с. 75]. Особая форма коммуникации представителей разных культур, в ходе которой происходит обмен информацией и культурными ценностями взаимодействующих культур с помощью языка, называется межкультурной коммуникацией. В данной статье мы придерживаемся термина межкультурная коммуникация, имея в виду коммуникацию в мультикультурной среде интернет, но не выделяем отдельно компьютерный дискурс. По мнению учёных, данный вид коммуникации имеет следующие основные характерные признаки: электронный сигнал как канал общения, виртуальность, дистантность, опосредованность, высокая степень проницаемости, наличие гипертекста, по преимуществу статусное равноправие участников, передача эмоций, мимики, чувств с помощью смайликов и графических средств, комбинация различных видов

дискурса, специфическая сетевая этика. Академические сетевые сообщества используют такие виды интернет-коммуникации, как веб-форумы, веб-чаты, интернет-конференции, вебинары, видеолекции, электронные библиотеки. Один из часто используемых жанров — блог, как особый вид компьютерного асинхронного общения автора (авторов) с потенциальными читателями. Следует отметить, что тексты блогов, как правило, делятся на авторские статьи — подготовленные и отредактированные заранее, и небольшие посты-комментарии читателей, которые появляются после прочтения основной информации [10].

Рассмотрим лингвокультурологические особенности текстов сообщений на примерах записей в блогах государственных и образовательных сайтов (было проанализировано 6 сайтов, 40 блогов с отредактированными статьями и 270 постов-комментариев):

<https://www.usda.gov/media/blog>;

<https://www.iied.org/blogs/theme/food-and-agriculture>;

<https://www.agweb.com>;

<https://ucanr.edu/blogs/food/>;

<https://www.naae.org/teachag/bloggers.cfm>;

https://blog.feedspot.com/agriculture_blogs/.

Текстам авторских статей присущи все характеристики письменного академического дискурса — цель и логичность изложения; объективность информации — конкретные цифры, данные, примеры; на лексическом уровне — общенаучная, профессиональная терминология, а также специализированные термины в области сельского хозяйства (plant nursery, reforestation, bovine, cattle inventory); на грамматическом уровне — обилие сложных предложений, грамматических конструкций с неличными формами глагола и т. д. Несмотря на то, что общий тон нейтральный, однако присутствует легкая степень модальности: используются усилители мнения, хеджи, бустеры [11] (probably, however, sure, sadly, unfortunately, can, may, might). Характерно также обращение к читателю (все примеры приводятся в авторской редакции) — If you've ever had to travel...; You may be reading this blog...

Особый интерес представляют тексты ответных постов-комментариев. С одной стороны, многие тексты сохраняют лексико-грамматические и стилистические характеристики письменного академического дискурса:

It is very interesting fact to know that big data technology has the power to change agriculture and improve ecosystem outcomes.

It is so useful to have these results documented and published.

From a public health perspective, I would be more concerned about the presence of human pathogens such as Salmonella in horse manure.

Biodynamics farming is more similar to agroecology, with the idea of not using inputs, both conventional or organic, in the ecosystem.

Однако, с другой стороны, можно проследить в ответных репликах и признаки устной речи:

- наличие разговорной лексики - Kinda, Yea, Woah;

- эмоциональность (выражаемая графически) - OMG!!!!; a true EARTH worshiper;

- языковая экономия (использование аббревиатур и акронимов, эллипсиса) — ag; bs; b/f; info; govt; 4H; BTW;

- риторические и вопросительно-побудительные конструкции:

Can I get a contact for someone who could do a demo?

When do you think it would be commercially available?

Why don't you understand?

Why in the world would you want to "save" prairie dogs?? I spend a lot of time and a whole bunch of money trying to get rid of them!!

- использование грамматически неправильных конструкций; опечатки - ir would be very useful for muy srudents un food security and agroforestry systems.

В комментариях можно отметить неприемлемые для данного вида дискурса явления — оскорбительные слова, выражения и реплики: crazy, greedy; Read the question stupid; You are so rude and act like a kid that still need to be spoon feed by your grandmother; Your article was wrong, did you know that the pork was not eat by Muslims it was sin for us so you are uneducated person you didn't know that Muslims what eat you are not fit for the safety food education staff okay!

Таким образом, в процессе межкультурной интернет-коммуникации участников англоязычного академического дискурса можно проследить характеристики письменного академического дискурса — логичность, объективность и краткость изложения, безоценочность; характеристики интернет-общения — пренебрежение грамматическими, орфографическими и пунктуационными правилами, использование аббревиатур, акронимов и графических средств; характеристики устной речи — использование разговорной лексики, вопросов, восклицаний. Все тексты анализируемых блогов можно подразделить на две категории — авторские и тексты комментариев. В отредактированных текстах авторов

блогов присутствует безупречный научный и научно-публицистический стиль с легким оттенком модальности. В ответных постах-комментариях анализируемых блогов отмечаются признаки научно-разговорного, а также разговорного стиля, характерные для неофициального общения: комбинация письменной и устной речи, языковая экономия (аббревиатуры, акронимы, эллипсис), аграмматизм (нарушение грамматических, орфографических правил, использование знаков пунктуации для выражения эмоций, наличие опечаток). Данные особенности не характерны для официальных текстов академического блога, и их присутствие в ответных репликах возможно объяснить стремлением к экономии времени и усилий участников коммуникации. По мнению некоторых ученых, интернет-общение влияет на изменение языкового уровня: возникла «письменная разговорная речь», когда в интерактивном общении темп написания текста приближен к устному диалогу. Основными предпосылками развития языка интернет-общения являются: стремление к языковой экономии, компрессии, совмещение в данном языке особенностей устной и письменной речи и т.д. В результате этого постоянно возникают новые формы общения в виртуальной среде и происходят изменения в языке общения, что в свою очередь влияет на язык повседневной коммуникации.

Современное развитие образовательного пространства, направленное на создание единой академической среды, акцентирует необходимость овладения студентами знаниями и умениями в области академического дискурса, способностью эффективно взаимодействовать в межкультурной интернет-коммуникации в англоязычном академическом дискурсе. Проведенный анализ лингвокультурологических особенностей академического дискурса в межкультурной интернет-коммуникации позволяет утверждать, что для успешного сотрудничества в данной области недостаточно знаний языковых особенностей академического дискурса, необходимо знать межкультурные различия и особенности общения, а также знать и соблюдать правила межкультурного общения, правила этикета общения в сети (сетикета, нетикета). Необходимо также развивать умения противостоять различного рода манипуляциям и культурному вандализму в образовательном интернет-пространстве.

В связи с этим, представляется целесообразным в методике обучения иностранным языкам разработать принципы конструирования открытого учебного академического интернет-пространства на основе реализации дидактических возможностей веб-технологий в процессе изучения языков и культур. Необходимо разработать специальный комплекс лингвокультурологических заданий, нацеленных

на формирование умений принимать участие в межкультурной интернет-коммуникации в академической среде, а не просто знакомить студентов с правилами цифрового этикета. В образовательном процессе вуза по иностранному языку должна присутствовать межкультурная составляющая учебной деятельности студентов, позволяющая формировать представления о языковых и культурных особенностях академического дискурса с учетом национального, регионального, континентального и геополитического компонентов.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М.: Искусство, 1986. - 444 с.
2. Новикова Л.А. Подготовка студентов магистратуры к межкультурному академическому взаимодействию на основе использования информационно-коммуникационных технологий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 8. С. 294-298.
3. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. - М., 1989. - 311 с.
4. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. - М.: ЛЕНАНД, 2018. - 200 с.
5. Попова Т.П. Некоторые особенности академического дискурса // Известия ВГПУ. Сер. Филологические науки. – 2015. – № 7 (102). – С. 85–92.
6. Стернин И. А. О понятии эффе́ктивного делового общения. Текст. Дискурс. Картина мира. – Вып. 6. – Воронеж: «Истоки», 2010. – С. 13-20.
7. Аликаев Р.С. Язык науки в парадигме современной лингвистики. Нальчик : Эль-Фа, 1999. 318 с.
8. Карасик В.И. Интерпретация дискурса: топик, формат, модус // Известия ВГПУ. 2015. № 1 (96). С. 73–79.
9. Садохин А.П. Теория и практика межкультурной коммуникации: Учебное пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 271 с.
10. Трепак Я.В. Лингвостилистические и когнитивно-прагматические характеристики дискурса академической блогосферы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – М., 2016. – 231 с.
11. Hyland K. Academic Discourse: English in a Global Context. L. : Continuum, 2009. 215 p.
12. Kaplan R. Cultural thought patterns in intercultural education// Language Learning. - 1966. - No 16. -P. 1-20.

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

УДК 81`42

Особенности понятийного, образного и ценностного компонентов концепта *das Spiel*/игра в романе Германа Гессе «*das Glasperlenspiel*» / «Игра в бисер»

Бабикина Алена Алексеевна

Ассистент кафедры иностранных языков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

РФ, г. Белгород

babikova@bsu.edu.ru

Special features of the conceptual, imagery and evaluative layers of the concept «*das Spiel*» in the novel «*The Glass Bead Game*» by Hesse Herman

Babikova Aljona Alekseevna

Assistant of the Department of Foreign Languages

Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. В статье рассматривается репрезентация художественного концепта «*das Spiel*»/игра в романе Германа Гессе «Игра в бисер». Установлены и проанализированы значимые компоненты концепта в романе: понятийный, образный, ценностный. В качестве понятийного слоя концепта описана игра в бисер, ее правила, цель и инструментарий, участники и места проведения. Выявлено наличие в романе визуального, тактильного и слухового признаков перцептивного образа концепта игра. Проведен анализ эмоциональной окраски ранее установленных ассоциативных рядов концепта. Установлено, что образно-символический компонент концепта выражен как через отдельные лексические единицы и их сочетание, так и через сюжетное построение и идейное содержание анализируемого художественного текста.

Ключевые слова: структура концепта, образный и оценочный слои концепта, зрительная, звуковая и тактильная репрезентация концепта, концепт *das Spiel*.

Abstract. The main content of the article is the analysis of the representation of the literary concept «*das Spiel*»/«game» in the novel "The Glass Bead Game" by Hermann Hesse. Relevant components of the concept in the novel are established and analyzed; they are conceptual, imagery, evaluative layers. The Glass Bead Game, its rules and tools, aim, participants and venues are described as a conceptual layer of the concept. The visual, sound and tactile signs of the percept image of the concept «game» are revealed in the novel. The analysis of the emotional dimensions of the previously established associative series of the concept is carried out. It is established that the imagery-symbolic component of the concept is conveyed both through separate lexical units and their combinations, and through the plot composition and the writer's theme of the analyzed literary text.

Ключевые слова: structure of the concept, imagery and evaluative concept's layers, visual, sound and tactile concept's representation, concept *das Spiel*.

Структура концепта, с одной стороны, весьма многогранна, с другой – может проявить некоторые закономерности. Такую двойкость можно связать с активной ролью концепта в процессе мышления. В зависимости от автора, цели использования, окружающей действительности и многих других факторов на первый план концепта выходит та или иная грань, он актуализируется в разных аспектах и взаимодействует с другими концептами.

В сознании человека переплетаются объективные и субъективные характеристики предметов и явлений. Именно эти характеристики отражают конкретные признаки концепта. Они различаются по степени абстрактности, а взаиморасположение этих признаков носит индивидуальный характер, т.к. зависит от условий формирования концепта у каждого отдельного человека. Например, Н.Н. Болдырев рассматривает структуру концепта в виде снежного кома, «который постепенно обволакивается новыми слоями. Так и содержание концепта постепенно насыщается, а его объем увеличивается за счет новых концептуальных характеристик» [1, с. 30].

З.Д. Попова, И.А. Стернин предлагают понимать концепт как «глобальную мыслительную единицу, представляющая собой квант структурированного знания» [2]. В связи с этим мы можем отметить, что содержание концепта включает самые разнообразные сведения о предметах или явлениях окружающего мира и их свойствах. В концепте заключено все, что человек знает, думает, предполагает, воображает о том или ином явлении, а также какую эмоциональную окраску оно несет. Таким образом, в структуру концепта, несомненно, входят понятийный, образный и ценностный компоненты.

Данная статья посвящена главным образом анализу понятийного, предметно-чувственного и ценностно-оценочного слоев концепта *das Spiel*/игра в романе Германа Гессе «Игра в бисер».

Следует отметить, что описание разновидности одной из игр, ее правил, инструментария, участников, пространства проведения также можно отнести к понятийному слою концепта. Поэтому попытаемся рассмотреть игру в бисер, собственно, в качестве игры.

В анализируемом фрагменте приводится история возникновения игры, общественные течения, оказавшие на нее влияние, некоторые важные деятели, однако нигде не дается четкого описания правил игры. Игра в бисер – словно загадка, в которую читателям предстоит «поиграть» в зависимости от своих способностей, образа мыслей, полета фантазии и опыта. Правила ее сложны, и описать их не

представляется возможным: «Und ein Lehrbuch des Glasperlenspiels soll dieser unser Aufsatz ja noch weniger sein, ein solches wird auch niemals geschrieben werden. Man erlernt die Spielregeln dieses Spiels der Spiele nicht anders als auf dem üblichen, vorgeschriebenen Wege, welcher manche Jahre erfordert, und keiner der Eingeweihten könnte je ein Interesse daran haben, diese Spielregeln leichter erlernbar zu machen» [3] / *Это наше сочинение еще меньше задумывалось в качестве учебника Игры в бисер, который и не будет никогда создан. Можно изучить правила этой Игры игр только общепринятым установленным путем, который займет далеко не один год, и ни один из посвященных не питает интереса к тому, чтобы облегчить изучение этих правил (Здесь и далее перевод автора – Б.А.). Мы можем предположить, что речь идет о некоем абстрактном синтезе всякого рода науки (например, математики) и искусства (например, музыки): «Diese Regeln, die Zeichensprache und Grammatik des Spieles, stellen eine Art von hochentwickelter Geheimsprache dar, an welcher mehrere Wissenschaften und Künste, namentlich aber die Mathematik und die Musik (beziehungsweise Musikwissenschaft) teilhaben» [3]/ *Эти правила, язык знаков и грамматика игры представляют собой некий вид высокоразвитого условного языка, в котором участвует множество наук и искусств, в особенности математика и музыка (или музыковедение).**

Цель игры можно определить в поиске глубинной связи между предметами, относящимися к совершенно разным, на первый взгляд, областям науки и искусства, при этом, чем выше уровень игрока, тем более невероятные комбинации он строит: «War der Anfänger etwa fähig, durch die Spielzeichen Parallelen zwischen einer klassischen Musik und der Formel eines Naturgesetzes herzustellen, so führte beim Könnner und Meister das Spiel vom Anfangsthema frei bis in unbegrenzte Kombinationen» [3] / *И если новичок был способен через игровые символы проводить параллели между классической музыкой и формулой закона природы, то мастер мог свободно вести игру от начальной темы до неограниченных комбинаций.* Можно также отметить, что проводится игра в устной форме посредством высказывания изобретенных комбинаций. Проходить она может, к тому же, в самых разных местах: музыкальном классе, высшей школе или на городской площади.

Значимые характеристики определенного явления действительности также могут быть представлены в предметно-чувственном слое концепта. Однако, в отличие от понятийного, он акцентирует внимание на чувственном образе объекта или явления [4]. В результате отражения действительности при помощи органов чувств формируется перцептивный образ [5]. В частности, этот образ может складываться на

основе визуальных, тактильных, звуковых, вкусовых ощущений. Наличие образного компонента является одним из важнейших признаков концепта. Мы согласны с точкой зрения Н.Ф. Алефиренко, что образ – первичная форма концептного воплощения в виде воображаемого предмета или отношения предмета к идее, благодаря которой концепт становится явлением и приобретает определенное оформление [6, с. 59].

В анализируемом фрагменте нам представляется возможным выделить примеры зрительной, тактильной и звуковой репрезентации концепта игра:

1. Примером зрительной репрезентации может служить следующее высказывание: «es spielt mit ihnen, wie etwa in den Blütezeiten der Künste ein Maler mit den Farben seiner Palette gespielt haben mag.» [3] / *Она играет с ними, как в эпоху расцвета искусств художник, возможно, играл с цветами своей палитры.*

2. В качестве примеров звуковой репрезентации могут выступать следующие контексты:

a. «...dieses ganze ungeheure Material von geistigen Werten wird vom Glasperlenspieler so gespielt wie eine Orgel vom Organisten» [3] / *Весь этот необъятный материал духовных ценностей используется игроком в бисер, как орган, на котором играет органист.*

b. «es ist immer ein Trotzdem, ein Todesmut, ein Rittertum, und ein Klang von übermenschlichem Lachen darin, von unsterblicher Heiterkeit. So soll es auch in unsern Glasperlenspielen klingen, und in unsrem ganzen Leben, Tun und Leiden» [3] / *В ней всегда было что-то наперекор, некая неустрашимость, что-то рыцарское, а также отзвук сверхчеловеческого смеха, бессмертного веселья. Пусть звучит он и в нашей Игре в бисер, и во всей нашей жизни, делах и страданиях.*

c. «Nach jedem Zeichen nämlich, das der jeweilige Spielleiter beschworen hatte, wurde nun über dies Zeichen, über seinen Gehalt, seine Herkunft, seinen Sinn eine stille strenge Betrachtung abgehalten» [3] / *После каждого знака, оглашенного текущим руководителем игры, наступало напряженное безмолвное созерцание этого знака, рассмотрение его содержания, происхождения, смысла...*

Отметим, что если первые два примера отражали определенную форму звука, будь то звучание органа (eine Orgel vom Organisten) или сверхчеловеческого смеха (ein Klang von übermenschlichem Lachen), то третий пример, напротив, демонстрирует его отсутствие – напряженное безмолвное созерцание (eine stille strenge Betrachtung).

3. К тактильной репрезентации можно отнести создающиеся у читателя ощущения перетасовки бисера в руках (пример а) или клавиш и педалей органа (пример б):

а. «so baute er aus Glasperlen musikalische Zitate oder erfundene Themata, veränderte, transponierte, entwickelte sie, wandelte sie ab und stellte ihnen andre gegenüber. Dies war, was das Technische betrifft, zwar eine Spielerei» [3] / *таким образом, он строил из стеклянных бусин музыкальные цитаты или придуманные темы, изменял, перетасовывал, развивал их, преобразовывал и противопоставлял им друг другу. Что касалось технической стороны, это была просто забава...*

б. «ihre Manuale und Pedale tasten den ganzen geistigen Kosmos ab, ihre Register sind beinahe unzählig, theoretisch ließe mit diesem Instrument der ganze geistige Weltinhalt sich im Spiele reproduzieren» [3] / *Их клавиши и педали охватывают весь духовный космос, их регистры почти бесконечны, теоретически с помощью этого инструмента все духовное содержание мира может воспроизводиться в игре.*

Как уже отмечалось ранее, неотъемлемой частью концепта также считается ценностная характеристика. По словам Н.Д. Арутюнова, «оценивается то, что нужно (физически и духовно) человеку и Человечеству. Оценка представляет Человека как цель, на которую обращен мир. Ее принцип – «Мир существует для человека, а не человек для мира» [7, с. 181]. Основой для концепта, таким образом, становится то явление действительности, которое является объектом оценки. В первую очередь человек «пропускает» объект через себя. То есть, в отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются [8].

В анализируемом фрагменте можно наблюдать как положительную эмоциональную окраску концепта игра, так и негативную. Например, ассоциативные ряды «игра – идеал духовной, культурной и интеллектуальной жизни человека», «игра – волшебство, магия» несут довольно ярко выраженную положительную эмоциональную окраску. В то же время ряд «игра – радость, праздность», «игра – массовость, популярность» может предстать как с положительной, так и с отрицательной стороны. Например, автор упоминает, что та наука, которая поддерживала и продвигала игру, переживала свой пик развития: «Kaum zwei, drei Jahrzehnte später scheint das Spiel unter den Musikstudenten an Beliebtheit eingeübt zu haben, dafür aber von den Mathematikern übernommen worden zu sein, und lange Zeit blieb das ein kennzeichnender Zug in der Geschichte des Spieles, daß es stets von derjenigen Wissenschaft bevorzugt und benutzt und weitergebildet wurde, welche jeweils eine besondere Blüte oder Renaissance erlebte.» [3] / *Два, три столетия спустя игра едва*

ли будет пользоваться популярностью у студентов-музыкантов, однако будет перенята математиками, и долгое время это оставалось отличительной чертой в истории игры, что она всегда предпочиталась, и использовалась, и совершенствовалась той наукой, которая переживала особый расцвет или возрождение. С другой стороны, погружение в наслаждение игрой ради забавы порицается: «<...> eine tiefe und wohlberechtigte Scheu vor dem Rückfall in die Sünde der Spielerei und des Feuilletons.» [3] / ... глубокий и здравый страх падения в грех баловства и фельетона.

Ряд «игра – подражание образцу» в сознании человека связан часто с относительно негативными эмоциями, а «игра – творчество» – с положительными. В анализируемом отрывке картина местами следует этой логике, а местами противоположна. Например, подражание первоначальному процессу, воссоздание его таким, каким он был, приравнивается к мастерству: «daß sie die Fähigkeit besaßen, Musiken früherer Epochen in der vollkommenen alten Reinheit auszuführen, eine Musik von 1600 oder 1650 genau so zu spielen und zu singen, als seien alle später hinzugekommenen Moden, Verfeinerungen, Virtuositäten noch unbekannt.» [3] / ...что они обладали способностью исполнять музыку предыдущих эпох в совершенной древней чистоте, петь и исполнять музыку 1600 или 1650 в точности, как если бы все добавленные позже моды, уточнения, виртуозность были еще неизвестны.

Нейтральную эмоциональную окраску в большинстве случаев приобретают ряды «игра – универсальный язык», «игра – наука», так как автор в лице «историка», описывая развивающиеся события, пытается привнести в текст большую степень объективности.

Ассоциативные ряды «игра – сосредоточенность, изолированность, отгороженность от мира», «игра – превосходство, избранность», «игра – занимательное упражнение памяти или тренировка способностей» иллюстрируют огромную значимость игры как для ее участников, так и для общества в целом: игра помогает развивать важные личностные качества, преодолевать трудности, обрести уверенность в собственных силах. Люди, преуспевшие в игре, приобретают авторитет и высокое положение и в обществе.

Четко негативные эмоции несет лишь ряд «игра – побег от реального мира в мир фиктивный», он связан в основном с войной, смертью, болью, голодом.

Анализируя образно-символический слой, можно отметить, что игра предстает как синтез музыки и математики, часто с дополнением компонентов других наук, например, живописи: «wie etwa in den Blütezeiten der Künste ein Maler mit den Farben

seiner Palette gespielt haben mag» [3] / *как в эпоху расцвета искусств художник, возможно, играл с цветами своей палитры или астрономии: «Es konnte ein Spiel zum Beispiel aus gehen von einer gegebenen astronomischen Konfiguration» [3] / Это игра могла исходить, например, от определенной астрономической конфигурации ...*

Распространение игры на различные научные дисциплины наблюдается и в следующем примере: «Es trieben die Astronomen, die Griechen, die Lateiner, die Scholastiker, die Musikstudenten ihre geistvollgeregelten Spiele.» [3] / *Астрономы, греки, латинисты, схоластики, студенты музыканты вели свои умственно регулируемые игры.*

Следует также отметить, что образно-символический компонент концепта выражен не только через отдельные лексические единицы и их сочетание, но и через сюжетное построение и идейное содержание анализируемого художественного текста. Рассматривая игру в бисер в качестве реального порядка в мире, автор ведет повествование от лица историка, предпринявшего попытку зафиксировать основные вехи Игры и составить жизнеописание значимой фигуры Игры – Магистра Игры Иозефа Кнехта (Magister Ludi Josef Knecht). На данном этапе исследования не представляется возможным проследить за сюжетом и идейным содержанием произведения, так как в статье анализируется лишь его фрагмент, а именно первая глава. Однако уже сейчас можно заметить, что граница между игрой и жизнью исчезает, и жизнь проводится в игре, где приоритетом является достижение наивысшего мастерства в Игре.

В результате можно сделать вывод, что в процессе анализа концептосферы художественного текста, выступающего как «особое средство речевых реализаций концепта» [9, с. 16] выявляется взаимосвязь всех компонентов концепта, как «сложных репрезентантов» [10, с. 328] его номинативного поля, с особенностями восприятия автором действительности и построения самого художественного произведения. Послойный анализ компонентов художественного концепта позволяет проследить как содержательную сторону произведения, так и определить особенности индивидуальной концептосферы автора. Можно отметить, что художественные концепты выступают с одной стороны в качестве индивидуально-авторских психических образований, а с другой стороны воспринимаются на культурном и общественном фоне.

Список литературы

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016. – 163 с.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kognitivnaja_lingvistika/Ocherki_po_kognitivnoj_lingvistike_2001.pdf (дата обращения: 01.11.2019).
3. Hesse Hermann. Das Glasperlenspiel. URL: http://img1.liveinternet.ru/images/attach/c/2//3823/3823564_hesse__das_glasperlenspiel.pdf (дата обращения: 7.10.2019).
4. Тарасова И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. – М.: Флинта, 2012. – 198 с.
5. Толковый словарь русского языка: В 4т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. URL: http://enc.biblioclub.ru/Termin/1161629_OBRAZ (дата обращения: 05.11.2019).
6. Алефиренко, Н.Ф. Спорные проблемы семантики: Монография. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – Москва.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
8. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. URL: <http://ec-dejavu.ru/c/Concept.html> (дата обращения: 30.10.2019).
9. Огнева Е.А., Кузьминых Ю.А. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации: монография. – М.: Эдитус, 2014. – 202 с.
10. Даниленко И.А. Репрезентанты невербального кода коммуникации в номинативном поле концепта // Международный журнал экспериментального образования.- 2016. - № 4-2. – С. 327-330.

УДК 81.25

Особенности адаптации имен собственных при переводе с русского на английский (на примере перевода имен персонажей мульт-сериала «Фиксики»)

Миронова Галина Владимировна

канд.филол.наук, доцент кафедры второго иностранного языка
НИУ БелГУ, РФ, г. Белгород
Mironova_g@bsu.edu.ru

Торопова Тамара Валентиновна

Старший преподаватель кафедры второго иностранного языка
НИУ БелГУ, РФ, г. Белгород

Proper names adaptation peculiarities in Russian-English translation

Mironova Galina Vladimirovna

Candidate of Science, assistant professor of Second language department
Belgorod State University, Russia, Belgorod

Toropova Tamara Valentinovna

Senior lecturer of Second language department
Belgorod State University, Russia, Belgorod

Аннотация. Данная публикация посвящена анализу основных приемов перевода имен собственных. Материалом для анализа послужили примеры имен персонажей, взятые из мультфильма «Фиксики» в англоязычной адаптации. Авторы выявляют в ходе анализа несколько наиболее используемых приемов перевода: транскрипцию и компенсацию. При этом обращается внимание на стремление переводчиков сохранить внутреннюю структуру (семантику) имен, без потери особенностей внешней структуры (фонетического оформления). Поскольку приоритетом остается учет целевой детской аудитории мультсериала перевод имен персонажей соответствует принципу доступности и доходчивости.

Ключевые слова: безэквивалентность, транскрипция, транслитерация, «говорящие имена», аллитерация, компенсация.

Abstract. This report deals with the problem of the university study of the basic translation techniques on the example of translation of cartoon characters. The material for the analysis were examples of character names taken from the cartoon "Fixies" in the English adaptation. The authors identify in the course of the analysis several of the most used methods of translation: transcription and compensation. Since the priority lies with the target children audience, translation of character names meets the principle of accessibility and clarity.

Key words: nonequivalence, transcription, transliteration, "descriptive names", alliteration, compensation.

Тема перевода имен собственных уже неоднократно подвергалась изучению и анализу, и практически все лингвисты придерживаются единого мнения, что при переводе имена собственные подвергаются транскрипции и транслитерации [1, с.212]. Исключением в этом ряду являются так называемые «говорящие» имена, особенно в творчестве, направленном на детскую аудиторию. Мы уже обращались ранее к этой теме и проанализировали варианты перевода имен персонажей из англоязычных мультфильмов, рассмотрели приемы перевода, к которым прибегают переводчики при адаптации фильма на русский язык [2, с.147, 3, с.140, 4, с.126]. И мы можем сделать вывод, что если произведение (будь то книга или детский фильм) предназначено для детской аудитории, то одним приемом транскрипции здесь обойтись невозможно. К такому выводу мы пришли, анализируя имена собственные в их переводе на русский язык. Мы поставили задачу подтвердить данное утверждение на переводе имен персонажей с русского языка на английский.

В данной публикации мы решили обратить наше внимание на перевод на английский язык российского популярного мульт-сериала «Фиксики» и адаптацию имен персонажей в английской версии. Изначально проект мультфильма был ориентирован на международную аудиторию, поэтому анимационная студия «Аэроплан» готовила англоязычный аналог, авторами текста которого стали Майкл и Мария Меннис (Michael and Maria Mennies).

Само название сериала передано на английском языке как «The Fixies», что является соединением двух английских слов «to fix» и «pixie». Глагол «to fix» имеет значение «ремонттировать, приводить в нормальное состояние, прикреплять», а существительное «pixie» обозначает сказочных существ эльфов или фей. По сюжету сериала главные персонажи на самом деле являются волшебными «феями», которые все чинят и приводят в порядок почти по мановению волшебной палочки, по ходу сюжета рассказывая юным зрителям о принципах работы бытовой техники. Фиксики похожи на крошечных человечков, которые в случае опасности (а также чтобы их не увидели простые люди) умеют превращаться в обычные крепежные детали – винтики и болтики. Любопытен тот факт, что в основу русского названия персонажей лег английский глагол to fix, то есть здесь мы обнаруживаем межъязыковую интерференцию. Мы приходим к заключению, что авторы-создатели мультфильма целенаправленно выбрали именно это название, чтобы подчеркнуть принадлежность героев другому миру, не смотря на тот факт, что в основу мульт-сериала легла детская книга Эдуарда Успенского «Гарантийные человечки». Очевидно, авторы приняли во внимание интересы и кругозор современного юного зрителя, для которого более

понятно слово «фиксировать» (имеющее общий корень с английским to fix), чем слово «гарантия». По задумке писателя, в домашней бытовой технике живут маленькие человечки, которые следят за техническим состоянием приборов и ремонтируют их в течение так называемого гарантийного периода. Персонажи книги носят имена по названию прибора, за которым они ухаживают – Холодилин в холодильнике, Пылесосин из пылесоса, Буре из часов, Шпулька из швейной машинки, в радио обитает Новость Дня, а в гараже всех зовут по отчеству: Карданыч, Рессорыч, Светофорыч и так далее. По сюжету книги на них нападает мышиное войско, во главе которого стоит король мышей Величайший Кусатель и его сын Великий Откусыватель.

В мультипликационной версии имена основных персонажей, фиксиков (взрослых и детей-школьников), меняются в соответствии с влиянием времени: многие стали более современными, емкими и смешными: Симка, Нолик, Игрек, Шпуля... В английской версии многие имена практически сохранены, то есть при переводе применен прием транскрипции: Nolik (Нолик), Simka (Симка), Papus (Папус – папа фиксиков-главных героев), Masiya (Мася – мама фиксиков-главных героев), Fire (Файер).

Есть персонажи, которые при переводе подверглись другим трансформациям, например: Игрек, Шпуля, Верта, Дедус.

Имя персонажа Верта имеет латинские корни, и в переводе имя означает «зеленый, изумрудный», и именно это значение заложено в имя персонажа – она носит зеленый комбинезон и вся светится изумрудными оттенками. В английском варианте Verda за основу взят корень английского слова «verdant» (русск. зеленый). Имя адаптировано под русский путем добавления окончания женского рода –а.

Очевидно, при переводе имени Игрек у переводчиков возникли трудности, поскольку на английском языке имя звучит просто, как буква У. Применять транскрипцию для передачи имени они посчитали неуместным в данном случае, и использовали прием компенсации, предложив вариант Digit. Слово «Digit» в русском языке имеет следующие значения «цифра, единица, математический символ», а «игрек» по сути дела и является математическим символом.

Прием компенсации применили и при переводе имени персонажа Шпули – Toola. Русское слово «шпуля, или шпулька» имеет значение «катушка в швейных машинах для наматывания нити». Именно в виде шпулек выглядят волосы персонажа, если рассмотреть его вблизи. Английский вариант «Toola» происходит от слова «tool», что в переводе означает «инструмент, орудие труда, механизм,

приспособление». Очевидно, переводчики не стали использовать английский эквивалент слова «шпуля» (англ. sheave), упростив его до «инструмента» (англ. tool), поскольку они приняли во внимание юную аудиторию, на которую будет нацелен фильм: все маленькие дети знают слово «инструмент», а слово «шпуля» может остаться непонятным. То есть переводчики придерживаются принципа доступности и доходчивости. Более того, переводчики подбирают имя, созвучное оригиналу в фонетическом плане.

В переводе имени Дедуса переводчик взял за основу значение имени, т.е. «дедушка» и предложил английскую версию Grandpa с сохранением флексии –us, которая имеется в мужских именах Дедуса и Папуса. В результате в английской версии фильма появляется персонаж под именем Grandpus. Таким образом в переводе сохраняется единообразие мужских имен взрослых, что мы можем наблюдать и в переводе имени ученого - Геня Евгеньевича Чудакова. В английской традиции имен не используют отчества, и, по сути, при переводе отчество может опускаться, однако в английской версии этот персонаж представлен именем Eugenius. В английском языке существует эквивалент мужского имени Eugen, а русское имя Евгений чаще переводят русифицированным вариантом Eugeny. В переводе мультфильма мы встречаем другой вариант – Eugenius, так в английской истории называли только Пап Римских. Очевидно, переводчик решил предложить нам игру слов и объединил в одном имени два слова «Eugen», как английский эквивалент, и «genius» в значении «гений». По сюжету мультфильма Гений Евгеньевич Чудаков является настоящим талантливым ученым, и даже получает премию «Гений года».

Центральным персонажем сериала выступает мальчик, которого по-домашнему все – родители, друзья и фиксика - называют ДимДимыч (полное имя Дмитрий Дмитриевич). Как уже отмечалось ранее, не в английской традиции использовать имя и отчество, тем более в сокращенной форме, как это принято в просторечии в России, например, одно из самых распространенных сокращений: Сан Саныч (Александр Александрович). Особый интерес вызвал перевод именно имени ДимДимыч, так как сохранить аллитерацию и подобрать адекватную замену в этом случае нам представляется сложным. Замечательный вариант перевода имени предложен переводчиками: TomThomas, который представляет собой соединение двух форм (краткой – Tom, и полной - Thomas) одного имени. При переводе сохранен принцип аллитерации – **TomThomas** (оба элемента имеют идентичный согласный звук в инициальной позиции), и английский вариант имени соответствует

английской традиции давать детям несколько имен, которые играют роль дополнительного отличительного признака.

Отрицательные персонажи книги Э. Успенского король мышей Величайший Кусатель и его сын Великий Откусыватель в мульт-сериале превратились в собаку породы чихуахуа по кличке Кусачка. Собака обладает достаточно скверным характером, что и заложено в значении имени: она чует присутствие фиксиков, видит их и постоянно пытается их атаковать. В английской версии собака предстает под именем Chewsocka. Очевидно, в основу английской клички положен близкий по значению к русскому варианту «кусать» глагол «chew», что переводится как «жевать, грызть». Английский вариант перевода интересен тем, что переводчики, с одной стороны, попытались сохранить семантическую составляющую имени, а, с другой стороны, фонетическое оформление слова максимально приближено русскому варианту. Можно сказать, что в словах «Кусачка» и «Chewsocka» проявляется взаимная перестановка слогов на почве метатезы (т.е. по принципу ассимиляции).

Как показал анализ рассмотренных примеров, при переводе имен персонажей предпочтение отдается далеко не транскрипции. Так как целевая аудитория мульт-сериала является детская, приоритетом остается доходчивость и понятность. Поэтому переводчики поставили себе задачу сохранить внутреннюю структуру (семантику) имен, при этом не потеряв особенностей внешней структуры (фонетического оформления).

Список литературы

1. Влахов С.И. Непере译имое в переводе [Текст] / С.И. Влахов, С.П. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 343с.
2. Миронова Г.В., Островская О.В., Торопова Т.В. Особенности передачи женских имен при переводе (на примере произведений Дж. Роулинг) [Текст] / Г. Миронова, О. Островская, Т. Торопова. // Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики: материалы II междунар. науч. конф., Белгород, 20-21 апр. 2016 г. / отв. ред. В.А. Виноградов. – Белгород, 2016. С. 147-150.
3. Миронова Г.В., Пархоменко Е.В. Особенности передачи имен собственных при переводе (на примере перевода персонажей мультфильма «Зверополис») [Текст] / Г. Миронова, Е. Пархоменко. // Лучшая научная статья 2017: сборник статей XIV Международного научно-практического конкурса. — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». — 2017. — с. 139-142.
4. Позднышева Г. К вопросу о переводе «говорящих» имен [Текст] / Г. Позднышева, Е. Пархоменко. // Актуальные вопросы теории и практики перевода : сборник научных трудов. Выпуск II. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2013. – С. 125-129.
5. Успенский Э. Н. Гарантийные человечки. М.: Детская литература, 1975. – 112с.

UDC 81`2

Advantages and disadvantages of using mobile devices at English classes

Nurgaliyeva Ardak Zhaksylykovna

Assistant Professor, Kazakh leading academy of architecture and civil engineering
Almaty, Kazakhstan

Terlikbayeva Aimira

Student of Department of Architecture, Kazakh leading Academy
of architecture and Civil engineering, Almaty, Kazakhstan

Преимущества и недостатки использования мобильных устройств на уроках английского языка

Нургалиева Ардак Жаксылыковна

ассистент профессора, Казахская головная архитектурно - строительная академия
Алматы, Казахстан

Терликбаева Аймира

студентка факультета архитектуры
Казахская головная архитектурно - строительная академия, Алматы, Казахстан

Abstract. The article examines advantages and disadvantages of using mobile devices at English classes. Mobile devices can help connect students around the world and expand their knowledge, especially in learning new languages, by practical application of their skills with a native speaker. Mobile phones allow students to work in groups and easily share information. The speed of modern mobile technologies is being grown every year and penetrates into all aspects of life, so this technology plays a vital role in the study of various aspects of knowledge. We can provide a richer learning environment with mobile phones for those who study languages. The authors conducted a survey among students of various age categories who successfully use mobile phones to learn English. Mobile phones have ever-increasing features that most students have extensive experience with, as this does not require special knowledge.

Keywords: educational tool, non-academic purposes, educational or reference apps, expand one's knowledge, native speaker, respond, academic performance, mobile devices, benefits and drawbacks, profitable

Аннотация. Статья рассматривает преимущества и недостатки использования мобильных телефонов в изучении английского языка. Мобильные устройства могут помочь соединить студентов по всему миру и расширить их знания, особенно в изучении новых языков, путем практического применения их навыков с носителем языка. Мобильные телефоны позволяют студентам работать в группах и легко обмениваться информацией. Скорость современных мобильных технологий растет с каждым годом и проникают во все аспекты жизни, так что эта технология играет жизненно важную роль в изучении различных аспектов знаний. Мы можем обеспечить более богатую среду обучения с помощью мобильных телефонов для тех, кто изучает языки. Авторы провели опрос среди студентов, различных возрастных категории,

которые успешно используют мобильные телефоны для изучения английского языка. Мобильные телефоны имеют постоянно возрастающие функции, что большинство студентов имеют большой опыт при использовании, так как для этого не требуются специальные знания.

Ключевые слова: образовательный инструмент, неакадемические цели, образовательные или справочные приложения, расширять знания, носитель языка, ответ, успеваемость, мобильные устройства, преимущества и недостатки, прибыльный

Introduction

Advancements in technology brought us vast of opportunities and they played crucial role in education development. Mobile phone is one of the widespread gadgets, which every student has. The purpose of this research is to discover the influence of mobile phones on students in different cases. Using mobile phones during the classes has both beneficial and negative consequences. Nowadays a lot of high schools are torn between a choice of banning or allowing mobile phones in the classroom. Some schools agree that mobile phones are useful and educational tool. At the same time, increase of using mobile phones leads to the decreasing of academic performance and it is usually used for non-academic purposes.

Context

According to Neilson's research today digital devices are utilized by students of all ages. In 2011 the ownership of mobile phones between 13-17 ages is 58% and this statistics is being grown with a staggering rate every year. Different studies discovered the impact of mobile devices on students.

So mobile phones could be an available and valid educational tool. Apple Company noted that 1.2 million free available apps that had been downloaded in 2015 and over 10 percent of them are educational or reference apps, about 150,000 apps are particularly geared toward students in a wide range of subjects. For example: 'Brainscape', 'Ready4 SAT', 'edx' and etc. Additionally, equipping your classroom with these apps enhance the new ways of learning materials, for example game-like apps. Moreover, smartphones can provide student with various suitable functions as calculator, camera, remainder and etc.

Sharing the experience. Internet access can help to connect students all over the world and expand their knowledge, especially in learning new languages by practicing their skill with native speaker. Mobile phones can allow students to work in groups and easily share the information. [1]

Performance of tasks. In research "Using Smartphones in the Classroom" Edward Graham explored that the access to mobile phone increases homework performance among the students. He has provided his students with apps and websites for homework and tasks.

As a result, task performance is increased and it allows parents to get more involved in students' academic life. [2]

Health and fatigue, sleeplessness. Punamaki studied and found that 'intensive mobile phone use lead to more health complaints and musculoskeletal symptoms in girls both directly and through deteriorated sleep, as well as increased daytime tiredness'. [5]

94777 questioned students in high school of Japan said that their feelings after using phone lead to short sleep duration, subjective poor sleep quality, excessive daytime sleepiness and insomnia symptoms.

Entertaining purposes. Many scholars (Gergen, 2002; Halpen, 2003; Franzini, 2002) approved that mobile phones disturb students during lessons. Students use gadgets for playing mobile games, social networking and etc. This process undermines the control over the students and effect on their level of academic performance.

Information content. In our society, sexual activities and violent acts are considerably being developed day by day. Through mobile phones everyone can access this information. 'Most youths of today are highly influenced and so much affected by what they watch on the social media sites, over the internet that one can easily see the consequences in their academic performance and life styles'. [6]

Method

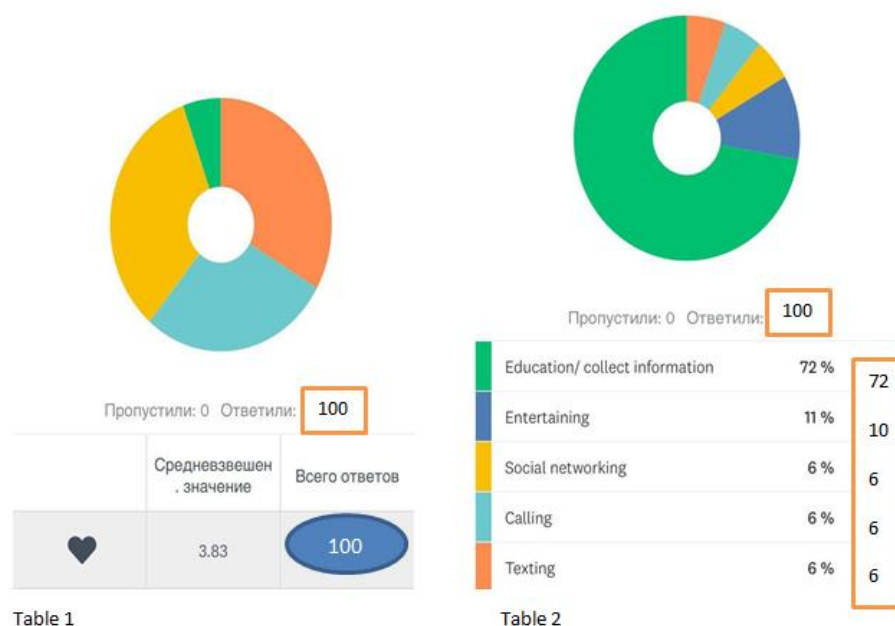
This research contains both primary and secondary research methods. Secondary research method was used to collect data around this topic in order to investigate research with different perspectives and understand the problem on global level. Used reliable sources which have the relevant content for my chosen topic such as educational, government approved websites or scientific articles/research materials have been done before. As a primary research I decided to take survey in order to collect information on the local and personal level. Out of approximately 700 students attending the high school, a total of 18 responded for this survey. The survey is semi structured, consists of eight close and open ended questions. For data analyses statistical analyze described below was used.

QUESTIONNAIRE	
1. How old are you? 0-13 14-18 18+	6. How do you think mobile phones effect on academic performance of students? positively negatively does not effect Others _____
2. How often do you use your phone during the classes? Never Often Sometimes Usually Always	7. Rate of usefulness of having mobile phones during the classes 1 2 3

3. Does using of mobile phone distract you from studying? Yes No	4 5
4. What purposes do you use your mobile phone at the academy for? Education/ collect information Entertaining Social networking Calling Texting Others _____	8. Should mobile phones be banned in classrooms? Yes No Others _____
5. Do you use your mobile phone when you are studying? Yes No Sometimes	9. What other thoughts do you have about students being able to use their phones during the school day? _____ _____ _____ _____ _____ _____

Results

100 people were responded in this survey. All of the respondents had mobile phones. Majority of participants was between 14-18 years old, 94% were representatives from secondary and high school and 6% were between 7-13 ages. More than half of the respondents (61%) use their phones during the classes only sometimes; other 22% often and 17% usually use their phones at classes. About one-quarter (28%) of respondents are distracted from studying due to mobile phones. Nearly half of the questioned students 44% use cell phone while studying, 22% do not use and 33% of students use phone sometimes. 33% responded students think that mobile phones positively effect on academic performance, another 33% answered opposite and other 33% thinks that it does not effect on the marks. The average number of usefulness of having mobile phones during the classes was rated between 3.83 out of 5 shown in the table 1 below. Students use their phones mainly for educational purposes, shown in the table 2 below.

Many students have recorded images, video, sound, take notes, use GPS technology and mapping software to record information essential to their work in class. Students have formed a study group for 5 – 10 students in the classroom where they could use text messaging services to discuss on a specific subject. Students have used their mobile phones to access electronic text books online. Some schools have digitized their libraries, which helps their students access these libraries via the internet. Some students could buy these e-text books online and read them from anywhere on their mobile phones.

Conclusion

In the conclusion it is necessary to say that mobile device usage significantly effects on academic performance among senior secondary school students, age difference was not an important factor in using mobile phones on academic performance among high school and secondary school students. From the survey, I found that students mostly use their mobile phones for educational purposes and this process can increase the academic performance of students, which means that mobile phones could be used as efficient educational tool, but some of the respondents reported that sometimes mobile devices could distract them from the study because of its entertaining function and access to a lot of useless information. Additionally, some students added that mobile phones could be used as a cheating source during the tests or exams. This fact validates arguments and assumptions mentioned above and they approve my perspective about benefits and drawbacks of students having mobile devices in the classroom. So here we can see that using of mobile phones during the classes can be really profitable in educational system, if student will use it straight for given purpose. In order to prevent disadvantages of this process school administration can limit access for some entertaining, social network or potentially dangerous web sites.

List of references

1. Franzini, C. Internet and Society: Social Theory in the Information Age. New York: Routledge, 2002.
2. Graham, Edward. "Using Smartphones in the Classroom." RSS. National Education Association, Web. 27 Nov. 2014.
3. Gergen, K.J. 'The challenge of absent presence', in Kats, J.E. and Aakhus, M.A. (Eds.): Perpetual Contact: Mobile Communication, Private Talk, Public Performance, Cambridge University Press, Cambridge, UK. 2002.
4. Halpern, D. F. "Thought and knowledge: An introduction to critical thinking". 4th ed. 2003.
5. Punamaki RL, Wallenius M, Nygård CH, Saarni L, Rimpelä A. "Use of information and communication technology (ICT) and perceived health in adolescence: the role of sleeping habits and waking-time tiredness. J Adolescence. 30:95–103. 2007.
6. Taylor, A. S. and Harper, R. Talking "activity": Young People and Mobile phone, CHI (2001) workshop: Mobile Communication, Understanding users, adoption and design, Seattle. 2003.

UDC 81`2

Technical terminology of energy sphere as translational problem

Rakhat Kh.A

MA of humanitarian sciences, Kazakhstan, Almaty, Ablai Khan KazUIRandWL
teacher at the Department of Speech Practice of Foreign Languages
rakhat_lana@mail.ru

Konyrbay Zh.A.

MA of pedagogical sciences, Kazakhstan, Almaty, Ablai Khan KazUIRandWL
teacher at the Department of Speech Practice of Foreign Languages
zhan.askarovna@mail.ru

Техническая терминология энергетической сферы как переводческая проблема

Рахат Хорлан Айбарқызы

магистр гуманитарных наук, Казахстан, Алматы, КазУМОиМЯ им. Абылай хана
преподаватель кафедры практики речи иностранных языков

Қоңырбай Жансая Асқарқызы

магистр педагогических наук, Казахстан, Алматы, КазУМОиМЯ им. Абылай хана
преподаватель кафедры практики речи иностранных языков

Abstract. The article deals with the terminology of energy sphere and its translation as a translational problem. Translation of term in the sphere of energy is one of the most difficult types of technical translation in terms of highly specialized terminology. The article discusses the issue of terminology as it is the main object of research of terminological sciences and it is fair to consider it as a separate area of knowledge. The notions as

terminological sciences, terminological systems, terminology which are usually used synonymously are considered as well. Most importantly, there were revealed properties and specific features of energy terms in the light of analysis of different definitions concerning the phenomenon of term as well as the peculiarities of translation of technical terms. As well as the subject upon peculiarities of translation of technical terms were shortly described.

Keywords: terminology, terminological system, energy terms, properties of energy terms, peculiarities of term translation

Аннотация. Данная статья посвящена терминологии энергетической сферы и ее переводу как переводческой проблеме. Перевод в сфере энергетики является одним из самых сложных видов технического перевода с точки зрения узкоспециальной терминологии. Эта статья рассматривает терминологию как объект терминоведения и как отдельную часть лексической категории. Понятия «терминоведение», «терминосистема» и «терминология», которые иногда рассматриваются как синонимы тоже были проанализированы. Благодаря анализу разных терминологических дефиниций были выявлены главные свойства энергетических терминов. А также вопросы касательно особенности перевода терминов были рассмотрены и проанализированы.

Ключевые слова: терминология, терминоведение, терминосистема, энергетические термины, свойства энергетических терминов, особенности их перевода

Rapid technological change affects all aspects of human activity. It is inconceivable to imagine the modern sphere of science without the exchange of information and innovative ideas between experts from different countries. Scientific and technical translation is becoming increasingly popular in all areas of activity and requires a decent level of translation competence. Translation of technical terminology in the sphere of energy is one of the most difficult types of technical translation in terms of highly specialized terminology. The theme of this work is very urgent, since rapid development of the energy industry entails a rapid increase in the number of terminological units of this sector. The problem of translation of energy terms is becoming more popular due to the fact that many domestic companies are eager to move to a more modern and efficient technical development of the west and with the upcoming EXPO exhibition. This paper is aimed at studying the definition of terminology as a separate lexical layer, definitions of term, its properties and features. Because in order to identify the most suitable methods of translation, it is important to understand the core of terminology at first hand.

1. Terminology as a separate lexical category. Definitions of terminology

Since term (and terminology in general) is the main object of research of terminological sciences, it is fair to consider it as a separate area of knowledge. In terminological studies terms are studied in terms of their typology, origin, form, content (meaning) and functioning, as well as their use, ordering and creation. Since the properties and behavior of a term are to a large extent caused by its terminology, some scientists

propose to consider terminology, which is a set of terms used in the specific field of knowledge as the main object of terminological studies. [1, p.9].

According to A.V. Superanskaya the term "terminology" has various definitions as: 1) a set of terms (concepts and names) of particular branch of knowledge; 2) the study on the formation, composition and functioning of terms in general; 3) general terminological study [2, p.14]. She notes that in the 70s the term "terminological sciences" which refers to the 2nd and 3rd definitions was introduced. As for the term "terminology", it is often used in the 1st meaning. Although all the above definitions of the word "terminology" still remain faithful relevant, "as the polysemy of the term" terminology" is a phenomenon marked in the international terminological practice" [2, p.17]. As for S.V. Grinyov-Grinevich, he clearly defines terminological science as the study of terminology and the terminology itself as a set of terms. Grinyov-Grinevich's definition of terminology is common for the works of different authors as M.Yu Volgin, V.M. Leychik, F.A. Tsitkin etc.

Terminology is closely and inextricably connected with science. The terminological "sector" of language is addressed to the purposeful reflection and expression of socially organized reality (science, technology, art, politics, law, etc.) [2, p.7]. A.V. Superanskaya calls terminology "a tool with the help of which scientific theories, laws, principles, regulations, terms and their totality are formed" [2, p.8]. Thus, the terminology is an integral part of science and technology. Terminological activity has both practical and theoretical directions. The main focus of practical terminological activity is the inventory of terms which is the collection and description of all terms that belong to a selected domain (subject area, knowledge of the field) or a fragment thereof. Several tasks are performed as a part of this process: to establish the boundaries of the selected area; to select sources and the terms from those sources; to carry out lexicographical processing of terms; to describe terms (to provide all known information about them) [1, p.14]. The object of this kind of work is the terminology and the result of this work is presented in the form terminological system which is "ordered set of terms with a fixed relationship between them, reflecting the relationship between the concepts of these terms" [1, p. 15]. The most comprehensive definition of the "terminological system" can be found in the work of T. Nekrasova. The terminological system is a complex and dynamically stable system and its main function is in full representation of the model of a particular area of knowledge or activity. In her works we also find another confirmation that the concept of "terminology" and "terminological system" is not synonymous, "... not every set of terms may be a terminological system; only a high level of terminological development leads to the creation of terminological systems" [3, p. 76].

2. The evolution of terminological systems

According to M.Yu. Volgina, all terminological systems are constantly evolving and updating. Some terms are replaced with more successful peers, others generally fall out of use, there are constantly emerging new terms - neologisms. Modern terminology has artificially generated a lexical layer, each unit of which has certain limitations for its use and the optimal conditions for its existence and development [4, p.171]. Scientific and technical terminology is the most dynamic part of the lexical-semantic system of language. Terms in it are always being created and developed (sometimes extending and sometimes narrowing). Thus, the field of scientific and technical terminology is updated and extended constantly in contrast to the common vocabulary, where most of the objects and phenomena have long been identified.

There is a question about autonomy of terminological lexicon, namely, whether it is an independent system or significant and integral part of a common language. A.V. Superanskaya in her works asserts that "the terminology is an autonomous part of lexicon" and rejects the concept of terminology as a part of the literary language [2, p. 18]. The author believes that terms of each branch of knowledge form their particular terminology and the value of each term is fully revealed only in the latter system. Thus, the terminology refers to the special vocabulary, it is a significant part of it and demands a particular approach for its study. T.V. Nekrasova, in contrast, believes that the combination of terms that are based on concepts and lexical-semantic relations is an essential part of the common language and inseparable from it. Terminology as a vast layer of lexical structure of language, is inextricably connected with units of the national language. Accordingly, the term studies should be carried out within the general theoretical and applied linguistics [3, p. 74]. Thus, we can truly recognize that the terminological system of the energy sphere is a very dynamic and ever-changing lexical layer as the sphere of energy described by this terminological system is also in constant transformation. As the term is the main element of the terminological system of the energy sphere it is necessary to give a definition to this concept.

3. Definitions of Term

There is no one clear definition for the term in the linguistic literature. In current research works the term is often presented as a word or phrase denoting the notion of a special sphere of knowledge or activity. The most elaborate and detailed definition of the term can be found in M.A. Terpak's works: "the term (including scientific and technical terms and terms of organizational and administrative documentation) is a unit of a specific natural or artificial language (word, phrase, abbreviation, symbol, the combination of words and letters, a combination of words and numbers, symbols) which as a result of spontaneous

development or particularly conscious collective agreement has specific terminological value; the term is a word that is necessarily correlated with a certain unit of corresponding logical-conceptual system in terms of its content" [5, p. 281].

Another more concise definition is given by Superanskaya: "the term is a special word (or phrase), adopted in the professional activity and used in special circumstances, it is the main conceptual element of language for special purposes" [2, p. 14]. According to F.M. Tsitkin the term is "the linguistic sign, representing the scientific concept of special, professional knowledge of the industry" [6, p.10]. From the abovementioned study of terminology it can be seen that the term might not always accurately express the special concept, it is not always straightforward or expresses only one idea, it is not always included in one terminological system, it is not always just one word; the term does not always reflect in its semantic structure the characteristic features of the object of nomination. Studies have also shown that the terms do not always have accurate semantic boundaries and express precisely delineated concepts. [6, p.9].

4. Properties and features of energy terms

The above given definitions of the term have referred to its basic properties or the requirements imposed on it. Majority of the scientific works do not delimit properties and requirements of terms, so it is better to study all of them as one. The founder of the Soviet terminological school D.S. Lotte presented following requirements to the scientific and technical terms: consistency; being independent of context; unambiguity or uniqueness (which is absolute and relative); accuracy; brevity (the latter two conditions often come into conflict with each other and with the creation of the term one of them is neglected) [6, pp.10-11]. E.V. Pavlova enlists another linguistic features of terms: adequacy, the uniqueness within a certain terminological system, accuracy, brevity, being semantically logical, the existence of definitions, lack of expression and stylistic neutrality, being independent of context (with permissible deviations), being systematic. Nekrasova T.V. adds to the above mentioned properties and characteristics of the term being nominative, aimed, stable and reproducible in speech. Also she divides the requirements for the term into three groups: semantic, formal and pragmatic (functional). Semantic features include semantic consistency (correspondence of a term to a concept); uniqueness (with the exception of categorical ambiguity); reflecting full meaning, having no synonyms. Pragmatic (functional) requirements include being introduced in a professional communication (being common and usable); internationality, being up to-date (replacement of outdated terms with modern equivalents); euphony (ease of pronunciation and the lack of associative dissonance) [3, p.75]. Based on the study of the material, it can be concluded that the basic properties of

energy terms are being systematic, being independent of context and uniqueness or unambiguity.

Beyond the terminological system, the term might lose its characteristic features. One of the most important properties of the term and terminology is being systematic; study of terminological units must take place within the system to which they belong [3, p.76]. The following important properties of the term to which are given a lot of attention is the unambiguity or independence from context. They are often mentioned together as they are closely connected. The question of whether the term has context independent or unambiguous feature still remains controversial. Although the term, on the one hand, characterized by correlation with well-defined concept and the desire for unambiguity as a result of which acquires a certain independence from the context, it does not mean that the terms absolutely do not depend on the context, since in context it reveals its significance. The reason for these different opinions is that scientists understand the context differently. As some have suggested context includes verbal environment, speech situation, the genre of statements etc. Others believe that the context is not necessary for term, since terminology does not deal with the context but with terminological field which replaces a context. Therefore, if you know the "terminological key" (terminological field), the context is not important. Terms can live out of context, if it is known to which terminology they belong. Through the membership to a particular terminology, the term gets the unambiguity and independence of context, as opposed to the ordinary words. Nevertheless, in order to properly understand the term, it should be considered in context, as only in the context the full content of the term can be revealed. You can illustrate this by the following examples: the phrase "*Demand (electric)*" acquires its meaning *Потребляемая мощность (электрическая)* only in the energy sphere; In general, this phrase has many meanings (like "требование", "запрос", "потребность", etc.) that are similar in meaning, but still delimited by specific areas of use. In addition to the properties of term that have been considered, it is worth noting that the term in its linguistic nature is an integral part of the lexical system of a literary language and also it differs from the other bits of words for its vast information saturation. Thus, the term is most accurate, concentrated and economical determination of a scientific or technical concepts [5, p.281]. As an example of it can serve such lexical item as *Terminal*, in many scientific fields having a value of "*конечный пункт, ввод*". In the energy sphere, the term acquires the meaning of "*вывод электротехнического устройства*". Another example: *Rectifier* a word can mean "*очиститель*" или "*детектор*", while in the energy sphere has definite meaning as "*выпрямитель*".

Thus, we can conclude that the basic properties of energy terms by the majority of scientists recognized as unambiguity or uniqueness, context independence, consistency, accuracy, informativeness. Terminology as a collection of terms used in the specific field of knowledge, it is a key aspect in the study of terminological studies. Terminology is an integral part of science and technology. The main focus of terminological activity is the collection and inventory of terms, which can then be combined into a terminological systems. Terminological system is an ordered set of terms with a fixed relationship between them, reflecting the relationship between these terms called concepts. Term system is constantly evolving and dynamic part of the language. There are various definitions of the term, some of which included its properties and the requirements for it. Most concisely, the term can be defined as a unit of language, indicating the concept of a special field of knowledge or activity.

5. Peculiarities of translation of energy terms

In the process of translation of scientific and technical texts particular attention should be paid to the terms, as they carry in themselves the main content, as well as structure and encode specific information. Therefore, in the process of translation of terms the question of the possibility of achieving the maximum equivalence is particularly relevant. [7, p.2]. E.N. Bazalina believes that the main specificity of translation of terms lies in that the most important condition for the achievement of equivalence is to maintain the accuracy of the content of a original language units, ensuring absolute identity of concepts expressed by the terms of the original language and its translation. Identifying differences in the system of concepts expressed by the terms of the original language and the target language is an important step towards the harmonization of interlingual terminological system which provides solution to the problem of term translation. Speaking about the semantic differences of the two languages, it is worth to mention that the translation of energy terms not only shares scientific information, but it is also a part of linguistic-cultural communication in which the translator acts as an intermediary in the exchange of cultural and scientific heritage of different peoples. Therefore, a deep understanding of the linguistic culture and social culture of the source language is a prerequisite for achieving effective translation results.

S.V. Grinyov-Grinevich distinguishes between two basic situations that arise in the process of translation of terms: 1) when there can be found equivalents of the original term that are fixed in dictionaries of target language; 2) when there are no such equivalents [1, p.75]. In terms of the difficulty of understanding and translation of terms he divides them into three groups: a) the terms denoting foreign realias that are identical to domestic ones;

b) the terms of foreign realias for which there are no corresponding domestic realias, but there are common terminological equivalents; c) the terms denoting foreign realias for which there are no domestic analogues and there is no generally accepted terminological equivalent [1, p.77]. V.M. Leychik distinguishes three general conditions of adequate translation of terms. Firstly, all separate terms of text should be adequately translated. Secondly, each term should be checked in terms of its terminological system both in the original language and the target language. And third, differences in terms due to the specifics of each language should be taken into account [8, p.40]. When we talk about the second condition, we must consider the comparison of the term with a particular system. If terminological system developed and well established in both languages, the translated term must be included in the target language terminological system. Here, it must be noted that for several reasons the second condition can not always be done. Mainly because the same sphere of knowledge can be described by different terminological system based on different meaning and concept. The third condition of adequate translation is the need to consider so called "world picture" that is different in each language. When translator is faced with this problem it is possible to use descriptive or structural explanations (comments) [8, p.43]. Thus, in agreement with V.M. Leychik, we can say that the above three conditions must be considered when selecting a particular translation for energy terms. Among the most common methods of translation of terms are calque, transliteration, functional replacement and their combinations.

Like any other type of translation, translation of the energy terms is always striving for the highest possible accuracy and completeness of the transfer of information contained in the original. Since any mistake can cause serious consequences and lead to a completely wrong understanding of the information.

List of references

1. S.V.Grinyov-Grinevich, Terminovedenie: ucheb.posobie/-M.:Akademia, 2008, pp.9, 14, 15, 75
2. A.V.Superanskaya, Obshaya terminologiya: Voprosy teorii, otv.red.T.L.Kandelaki.-3-e izd. Ster.-M.:Editorial URSS, 2004, pp. 7,8, 14, 17
3. T.V.Nekrasova, Terminologicheskie edinitsi kak sredstvo effektivnosti inoyazichnogo obsheniya v professionnoy sphere, Vestnik Severnogo arkticheskogo federalnogo universiteta. Seria:gumanitarnie i socailnie nauki.-2008, pp. 74-76
4. M.Yu.Volgina, Perevod terminov kak klyuchevyh edinits specialnogo teksta/ Perspektivi nauki i obrazovania.- 2013, p.171
5. M.A.Terpak, Issledovanie terminologii nauchno-technicheskogo stylya, kak odnogo iz vidov informativnogo perevoda/Nauka i kultura Rosii.-2011, p. 281
6. F.A.Tsitkin, Terminologiya i perevod (k osnovam sopostavitelnogo terminovedeniya).- L'vov: Visha shkola, 1988, pp.10-11

7. E.V.Pavlova, Specifika peredachi terminov razlichnikh tipov pri perevode s angliyskogo yazyka na russkiy/ E.V.Pavlova, T.G.Lapteva//Interekspo.Geo-Sibir,- 2014,-No.2 pp.2-3
8. V.M. Leychik, Lingvisticheskie problemy terminologii I nauchno-technicheskii perevod. M.:Vsesoyuzniy tsentr perevodov, 1990, p.40-43

УДК 81'1 659.123.1

Феномен социофонемы в переводах В.А.Жуковского и его влияние на восприятие русской и английской поэзии романтизма

Сабиева Елена Викторовна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Русский язык и литература»
Северо-Казахстанский государственный университет им.М.Козыбаева
РК, г.Петропавловск
sabieva1969@mail.ru

Мисяченко Ольга Евгеньевна

магистрант специальности «Русский язык и литература»
Северо-Казахстанский государственный университет им.М.Козыбаева
РК, г.Петропавловск
misyachenko96@mail.ru

The phenomenon of sociophoneme in V.A. Zhukovsky's translations and its influence on perception of the Russian and English romantic poetry

Sabiyeva Yelena Viktorovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian language and literature, North Kazakhstan State University named after M.Kozybayev
Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk

Missyachenko Olga Yevgenyevna

postgraduate student of the specialty "The Russian language and literature"
North Kazakhstan State University named after M.Kozybayev
Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk

Аннотация. В данной статье рассматривается феномен социофонемы в романтической поэзии через переводческое творчество русских поэтов эпохи романтизма на примере великого русского поэта и переводчика В.А. Жуковского. Для литературоведов является актуальным вопрос о влиянии социофонемы на восприятие читателем того или иного произведения. Так, в переводческом творчестве выдающегося поэта и переводчика Василия Жуковского социофонема – особое явление, благодаря которому можно сделать детальный анализ как самих переводов, где отражается мировосприятие поэта, так и посылов оригинальных произведений. Авторы данной статьи подчеркивают, что социофонема является своеобразным литературным феноменом, позволяющим выявить особенности восприятия не только произведения, но и целой поэзии отдельной эпохи. В.А. Жуковский в своих переводах

не просто сумел передать основные идеи английских поэтов-романтиков, но и воплотить свои, в которых заключена целая философия русского романтизма. Философию английской и русской романтической поэзии, по мнению авторов статьи, можно проследить через социофонемы, которыми богато творчество В.А. Жуковского.

Ключевые слова: социофонема, поэзия эпохи романтизма, влияние социофонемы, восприятие поэзии романтизма, философия романтизма.

Abstract. The article says about the phenomenon of sociophoneme in the romantic poetry through the Russian poets' translation works using the example of the great Russian poet V. A. Zhukovsky. For literary scholars, the issue of the influence of the sociophoneme on the reader's perception of a work is an urgent issue. So, in the talented poet V.A. Zhukovsky's translation work the sociophoneme is a special phenomenon. Thanks to the phenomenon it is possible to make a detailed analysis of both the translations themselves which reflect the poet's worldview and the main ideas of the original poems. The authors of the following article emphasize that the sociophoneme is a kind of literary phenomenon which allows us to identify the peculiarities of perception not only of a work, but of the whole poetry of a particular period. In his translations, V.A. Zhukovsky not only managed to reveal the main thoughts of the English romantic poets but also to bring his own ideas based on the whole philosophy of the Russian romanticism. In the authors' opinion, the philosophy of the English and Russian romantic poetry can be traced through sociophonemes, which we can mostly observe in V.A. Zhukovsky's works.

Key words: sociophoneme, romantic poetry, influence of sociophoneme, the perception of the poetry of romanticism, romantic philosophy.

Сам термин «социофонема» появился в русской филологии относительно недавно. Наиболее подробно термин описан в книге Ю.В.Казарина «Проблемы фоносемантики лингвистического текста», где социофонема рассматривается и анализируется как «лингвистический фонетический знак, который производится и воспринимается Говорящим и Слушающим не только и не столько интеллектуально, логически и информативно, сколько эстетически, эмоционально, оценочно, психологически» [1, с.128]. Известный ученый, лингвист Бодуэн де Куртенэ также говорил о ментальном и психологическом восприятии фонем.

В.А. Жуковский является не только талантливым поэтом и писателем своего времени, но также выдающимся переводчиком. Владел в совершенстве искусством перевода. В.А.Жуковский избирал для переводов только те произведения, которые были ему близки идейно и эстетически.

Благодаря выдающемуся творчеству В.А.Жуковского, мы можем проследить и глубоко проанализировать основные черты поэзии английского и русского романтизма. Также необходимо уделить внимание и своеобразному особому мировоззрению поэта и переводчика. Совершенно точно можно сказать о том, что-то или иное звучание, та или иная социофонема способна вызвать у читателя особое эмоциональное, психологическое, ментальное восприятие лирических строк.

Согласимся с мнением известного российского литературоведа Бориса Прокопьевича Гончарова о том, от отдельных компонентов звуковой системы стихотворения зависит целостный анализ стихотворной речи, обращающийся не только к отдельным аспектам строения стиха, но выявляющий его эмоциональную и содержательную функцию.

Переводческое творчество русских лириков богато социофонемами. Каждая лирическая строчка из них раскрывает ту или иную грань русской и зарубежной романтической поэзии. Например, для переводов Василия Андреевича Жуковского характерна искусная фонетическая организация слога, повторение тех или иных звуков, их виртуозное сочетание. Так, в переводе «Доники» Роберта Саути прослеживаются частые повторы фонемы /л/: «И ласточка, летя над ним, боялась», «Любовь в груди невесты пламенела». Звук л придает строкам напевности, мелодичности, музыкальности. В строках чувствуется глубокая меланхолия, столь характерная для поэзии эпохи романтизма. В строках как будто нависла таинственная угроза, так что читатель невольно начинает ожидать что-то страшное и необратимое: «И ласточка, летя над ним, боялась...» А частые повторы благозвучного л словно оттягивает роковой конец. Муки, которые испытывают герои произведения и представляют целую философию романтической эпохи. Бесконечные терзания, томление, восприятие судьбы и жизни как игры, финал которой неизвестен, тоже составляют романтическое мировоззрение. Мы можем отметить, что и жизни героев неопределенны и трагичны.

Заметим, что русским человеком звук л интуитивно воспринимается как нечто теплое, ласковое. Это подтверждается семантикой следующих слов: любовь, лелеять, ласка, лето, тепло и многие другие. Благодаря частым повторам данной социофонемы, чувства и эмоции героев раскрываются не сразу, а постепенно. Подтверждением этому служат также глаголы, употребленные в несовершенном виде: таяла, палил, пламенела.

Что касается самого оригинала произведения, примечательно то, что Роберт Саути использует для описания внешности, эмоций и настроения Доники долготу гласных звуков. Например, в словах *cheek*, *meekbloom*, *moan* долгота гласных звуков наилучшим образом передает и своеобразную тонкую атмосферу поэтических строк, и нежелание поэта свершения злого рока.

Таким образом, Василий Андреевич Жуковский сумел в наибольшей степени отобразить настроение поэта, придав строкам новые эффекты и новое звучание.

Особое место в литературе, в частности в литературе романтизма, занимает отношение к природе. Ее описание не только через художественные средства, но и через яркое использование той или иной социофонемы, очень точно передает настроение и ментальность эпохи романтизма. Через созерцание природы идет глубокое осмысление жизни и места человека в этом мире.

Так, в переводе В.А. Жуковского произведения «Варвик» описание природы богато и философично:

*Там пламенел берегов на тихом склоне
Закат сквозь редкий лес...
Цветут леса, вися блещут воды,
И радость на лугах [2].*

Все тот же повтор л: «на склоне, лес, блещут, пламенел, лугах» позволяют читателю прочувствовать философию не только самого поэта или переводчика, но и народа в целом. Здесь данный повтор выступает словно индикатор чувств человека к природе.

Повторы звука л можно заметить и в переводе В.А.Жуковского произведения «Сельское кладбище» известного английского поэта - романтика Томаса Грея: «Усталый селянин медлительной стопой идет...», «Но музы от него лица не отвратили, И меланхолии печать была на нем». Философия сельских жителей представлена неторопливостью, степенностью. Строки пылают любовью к природе, к родной земле:

*Там в полдень он сидел под дремлющею ивой,
Поднявшей из земли косматый корень свой;
Там часто, в горести беспечной, молчаливой,
Лежал, задумавшись, над светлою рекой... [3, с.163]*

Читатель в данном произведении отмечает, что частые повторы фонемы /л/ также заставляют чувствовать присутствие светлого, теплого чувства не только к природе, но и к тем, кто уже никогда ею не насладится, кто никогда не сможет больше наблюдать красоту полей, размышлять, сидя под «дремлющею ивой»: Их сердце милый глас в могиле нашей слышит», «Еще огнем любви для них воспламенен». Те, кто погребен на сельском кладбище- это люди с особой философией, которая наполняет лирические строки и заставляет читателя задуматься о смысле бытия, о ходе времени. Такие размышления очень часто можно встретить в произведениях романтизма. Главное для умершего – любовь и память его близких и односельчан, чтобы помнили о том, как он придавался раздумьям на берегу реки, сидел под

дремлющею ивой, спешил на холм «предупредить зарю». В звуке л русский человек чувствует возвышенное чистое чувство к богу, несмотря на жизненные тревоги и невзгоды:

*Здесь пепел юноши безвременно сокрыли,
Что слава, счастье, не знал он в мире сем...
Здесь все оставил он, что в нем греховно было,
С надеждою, что жив его спаситель-бог» [3, с 164].*

Мы понимаем, что селянин прожил сложную жизнь, но не смог оставить веру в бога. К лирическим строкам Томаса Грея, в которых представлены раздумья простых сельских жителей, их любовь к родной земле и односельчанам, были добавлены русское глубокое осмысление бытия и ненарушимое почитание бога. Эта философия прослеживается и в «Варвике», в переводе которого появляются такие понятия, как грех и наказание.

Так, мы можем четко отследить противопоставление героя положительного герою-злодею, которому вовсе нет дела до красоты пейзажей: Один Варвик был чужд красам природы. Отчуждение отрицательного героя- это своеобразное наказание за его грехи. Отчуждение природы от героя-антипода и героя от природы передается через другую социофонеми, которую можно противопоставить ранее рассматриваемой социофонеме. Читатель может проследить в переводе частый повтор фонемы /р/. Данная фонема режет слух, заставляет вздрагивать и ожидать опасностей, особенно если стоит в сочетании с фонемами /г/ и / з/, а также с шипящими звуками. Несложно прочувствовать подобное в таких словах русского языка, как: гром, грохот, громила, греметь, груз, угроза, гроза. Особенно ярко это можно проследить в строках:

*Он наступил; со страхом провожает
Варвик ночную тень:
Дрожи! (ему глас совести вещает)
Эдвинов смертный день! [4]*

О неблагозвучности некоторых фонем говорят работы Казарина Ю.В., Шанского Н.М. и других авторов. Говоря о социофонеме /р/, ее часто характеризуют ее как фонему «холодного звучания». Это в полной степени подходит содержанию лирических строк из произведения «Варвик», где речь идет об отчуждении человека духовного.

Также холодность можно прочувствовать и в переводе элегии «Сельское кладбище»:

*На всех ярится смерть — царя, любимца славы,
Всех ищет грозная... и некогда найдет [3, с. 211].*

Особенно ярко мы можем проследить романтико-философские размышления о бренности мира и о неспособности преобразить этот мир тех, кто покоится на этом сельском кладбище в словах: смерть, ярится, грозная, мертвыми, надгробия, гремит, гробами. Здесь социофонема /р/ ощущается, воспринимается читателем в полной мере, заставляя прочувствовать до конца основную идею, заложенную в поэтических строках.

Говоря о данной социофонеме, необходимо взять во внимание строки из перевода элегии «Доника»:

*Случалось, что, бурю разима,
Дрожала твердая скала...
И каждый раз — в то время, как могилой
Кто в замке угрожаем был, —
Пророчески, гармонией унылой
Из бездны голос исходил [3, с. 163].*

В каждом звучании этой фонемы: «бурю, разима, дрожала, твердая, раз, угрожаем, пророчески» прослеживается трагичность судеб героев, особенно в сочетании с шипящими звуками. Но фонемы /ш/, /щ/, /ж/ сами по себе могут вызвать сильные эмоциональные волнения, так как таят в себе страх и опасности, душевные мучения. Так, в произведении «Варвик» Варвик- отрицательный персонаж. За его злодеяние немедленно следует наказание: Варвику нет покоя на этой земле, он скитается в поисках этого самого покоя, но совесть терзает его:

*Страшилищем ужасным совесть бродит
Везде за ним вослед [3, с.211].*

Его мучения, терзания его души передаются через повтор шипящих звуков: страшилищем, ужасным.

В переводе лирического произведения Роберта Саути «Доника» смятение души героев также можно проследить по повтору шипящих звуков: «и в них ужасный шепот был», «дрожала твердая скала».

Сам Роберт Саути, чтобы передать мистическую, берущую за душу атмосферу, которая так характерна для поэзии романтизма, использует частые повторы фонемы /s/:

*Sudden the unfathom'd lake sent forth
Strange music from beneath,
And slowly o'er the waters sail'd
The solemn sounds of Death [5, с. 64].*

Слова: sudden, strange, slowly, solemn несут в себе дополнительную семантическую нагрузку, которая лишний раз подтверждает состояние души героев. Душа Доники больше не принадлежит ей: «А мрачный бес, в нее вселенный адом, ужасно взвыл и улетел». Мрачная картина в переводе баллады, передаваемая филигранными повторами и сочетаниями звуков, вводит в сознание читателя фольклорную фантастику западноевропейских романтических поэтов.

Благодаря искусным, богатым фонетическими особенностями, переводам В.А. Жуковского можно не только провести детальный анализ темы, идеи произведений-оригиналов, не только прочувствовать настроение героев и царящую вокруг них особую атмосферу таинственности, погруженности в созерцание окружающего и внутреннего мира, но и разглядеть глубочайшую философию романтизма.

Так, благодаря музыкальности социофонемы /л/ мы можем наблюдать постепенное раскрытие чувств и эмоций героев, степенность, созерцание красоты природы, благодаря чему герои могут предаться размышлениям о жизни. Частые повторы звука /р/ заставляют читателя вздрагивать в ожидании чего-то ужасного: свершение греха, отчуждение героя от природы, от нравственности и последующее за этим наказание в виде бесконечных душевных мучений и терзаний, которым нет ни конца, ни края. А повторы шипящих звуков только усиливают мрачное настроение, нависшую над героями угрозу, щемящую, сжимающую душу атмосферу. В.А. Жуковский умело передал через фонетические особенности своих переводов основные идеи эпохи романтизма, но и постарался не утратить личностные переживания поэтов, их мироощущение. Как утверждал Н.В.Гоголь, «личность каждого поэта удержана» [6, с.193].

Так, В.А. Жуковский не только сохранил, но и преумножил богатство философии английских поэтов-романтиков, благодаря чему его творчество сыграло большую роль в истории русской литературы.

Список литературы

1. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста — М.: Флинта, 2007.—522 с.
2. Английская поэзия в переводах В.А. Жуковского —М.: Радуга, 2000.—354 с.
3. Рябова А.А. Творчество Саути в русских переводах XIX – начала XX века — М.: Флинта, 2012. — 157с.
4. Егоров О. Г. Дневники русских писателей XIX века: Исследование — М.: Флинта, 2017. — 288 с.

УДК 81.374

Особенности репрезентации концептов «мир» и «война» в русском, английском, эсперанто, корейском и японском языках

Сушенюк Маргарита Олеговна

аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
РФ, г. Белгород
ilmafae96@gmail.com

Specialities of representation of concepts «peace» and «war» on russian, english, esperanto, korean and japanese languages

Sushenok Margarita Olegovna

postgraduated student of the Department of Romano-Germanic philology and international communication, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена изучению концептов «мир» и «война» на материале разнотипных языков. Анализ концептов проводится с позиции семантики языка. Концепт рассматривается как лингвосемантическая единица или категория мышления разных народов мира, формирующаяся в процессе речевой деятельности естественным или искусственным путём. Определено преобладание омонимов ядерным лексемам концепта «мир» и превалирование синонимов ядерным лексемам концепта «война».

Ключевые слова: концепт, понятие, языковое сознание, синонимы, омонимы.

Abstract. The proposed article is devoted to the study of the concepts of "peace" and "war" on the material of different structural languages. Analysis of concepts is carried out from the position of the semantics of the language. The concept is considered as a linguosemantic unit or category of thinking of different peoples of the world, which is formed in the process of speech activity in a natural or artificial way. The predominance of homonyms for the nuclear tokens of the concept of the world and the predominance of synonyms for the nuclear tokens of the concept of the war were determined.

Keywords: concept, linguistic consciousness, synonyms, homonyms.

Введение

Исследование принципов концептуализации мира является одним из актуальных направлений современного языкознания. В.И. Карасик под концептом понимает «структуру духовной ценности и выделяет в ней помимо образной, понятийную и ценностную составляющие» [3, с. 39]. Понятийная составляющая, по мнению учёного, обозначает «совокупность существенных признаков объекта или ситуации и итог и познания» [там же]. С.Г. Воркачев выделяет в составе лингвоконцепта помимо образной, ценностной и понятийной, также значимостную составляющую «определяемую местом, которое занимает имя концепта в языковой системе» [1, с. 7].

Наше исследование основано на определении концепта по З.Д. Поповой и И.А. Стернину: «концепт – дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [8, с. 24].

В настоящее время, исследование концептов включает в себя следующие пункты:

- 1) построение номинативного поля концепта;
- 2) анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта;
- 3) когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств – выявление когнитивных признаков, формирующих исследуемый концепт как ментальную единицу;
- 4) верификация полученного когнитивного описания у носителей языка [8, с. 160].

Данная статья посвящена рассмотрению концептов «мир» и «война», репрезентированных в словарях как лексикографических форматах, под которыми понимается «форма представления лексикографических данных, отражающих определённый тематикой словаря фрагмент общечеловеческого знания» [8, с. 70]. Для нашего исследования актуальны слова А.В. Полонского о том, что «особую роль в аккумуляции, упорядочении и структурировании опыта аналитического опознавания объекта, в осмыслении существующих концепций и теорий, отборе и раскрытии содержания наиболее значимых и употребительных понятий и терминов, в которых фиксируется характер и направление исследовательской мысли научного сообщества, играют словари» [10, с. 206], интерпретация которых зависит от «культурного опыта конкретного человека» [2, с. 37].

Материалом для исследования послужили данные пяти языков: русского, английского, корейского, японского и искусственного языка эсперанто.

Цель нашего исследования выявить специфику репрезентации концептов «мир» и «война» в пяти языках.

Термин «концепт» начал активно использоваться в отечественном языкознании с 70-х годов XX века.

В нашем исследовании рассмотрим особенности концептов «мир» и «война», репрезентируемых в пяти вышеперечисленных языках.

Во-первых, рассмотрим концепты «мир» и «война», репрезентируемые в русском языке, который построен на основе кириллицы.

Во-вторых, рассмотрим концепты «мир» и «война», репрезентируемые в английском языке, который создан на основе латыни и в настоящее время является международным языком.

В-третьих, рассмотрим концепты «мир» и «война», репрезентируемые на языке эсперанто, который искусственно создан в конце XIX века. Эсперанто является единственным международным искусственно созданным языком, который используется в настоящее время. Он создан из естественных европейских языков.

Подчеркнём, взятые нами естественные европейские языки, такие как русский и английский, напрямую связаны с эсперанто [4, с. 187-189, 191].

В-четвёртых, рассмотрим концепты «мир» и «война», репрезентируемые в корейском языке, который, при сравнении языков иероглифической системы, проще в написании. Однако, китайский и японский хотя и отличаются написанием от корейского, в них писать линии следует в строго определенной последовательности [5, 6, 7].

В-пятых, рассмотрим концепты «мир» и «война», репрезентируемые в японском языке, который строится на основе иероглифической системы и имеет различные письменные диалекты, а именно: хирагана, катакана и кандзи (иероглифы). Хирагана и катакана – система «кана» – это упрощенные системы слогов, также имеются различия между ними: хирагана пишется более закругленными знаками, в то время как катакана более угловатыми. Хирагана используется в случае, когда слово пишется не на кандзи, либо когда читающий не знает какого-либо иероглифа. Катакана используется, чтобы правильно записать слогами иностранное слово, а также для передачи таким образом звуков [6, 7].

Итак, рассмотрим репрезентацию концепта «мир» в русском языке, где ядро «мир» обозначает «отсутствие вражды, войны, ссоры» [10, с. 198]. У данного слова существует также омоним, который обозначает «совокупность всех форм и материи в земном и космическом пространстве» [10, с. 198]. Наряду с омонимом в русском языке существуют синонимы такие как: согласие, единство, мирный договор, т.е. всё, что направлено на поддержание равновесия между людьми.

Следовательно, в русском языке выявлено достаточное количество лексических средств выразительности речи.

В английском языке концепт «мир» репрезентируется лексемой «peace» [pi:s/пи:с] и понимается как «a situation in which there is no war between countries or groups» [13, с. 1099] – ситуация, в которой нет войны между странами или группами (перевод наш – С.М.). Омонимы и синонимы у данного слова в английском языке отсутствуют, в отличие от русского языка. Возможно из-за того, что для англоговорящих слово будет единственным, мир – это мир, в нём нет места войне.

Далее, рассмотрим концепт «мир», репрезентируемый на языке эсперанто. В эсперанто есть определение «отсутствие войны, ссор», а слова без войны [расо/пацо] (перевод К.Б.) и согласие [konkordo/конкордо] (перевод К.Б.) будут являться синонимами. Также данного слова есть омонимы mondo [мондо/мироздание, земной шар] [9]. Исходя из данного определения лексемы, можно определенно сказать, что с лексемой из русского словаря будут схожи, так как в обоих словарях у концепта есть омоним и синоним. Однако со словарём английского языка будут различия, например, потому, что в словаре английского языка к концепту «мир» отсутствуют омонимы и синонимы.

Итак, рассмотрим концепт «мир», репрезентируемый в корейском языке. В корейском языке существует несколько вариантов его написания:

1) 평화 [п्योंхва] (мир) (перевод С.М.) (это слово указывает на мир, где царит спокойствие и нет войны) [11];

2) «태평» [тепхьянг] (мир/тишина) (перевод С.М.) (в данном случае, это слово подходит для выражения мира, без войны и ссор) [11].

Представленные нами слова из корейского языка не являются омонимами, однако, они являются синонимами [11].

Далее, рассмотрим концепт «мир», репрезентируемый в японском языке. В японском на разных письменных диалектах концепт «мир» по-разному звучит и пишется: на катакане «ピース» [pi:su/пи:су] (мир) (перевод С.М.), в хирагане пишется как «安らぎ» [yasuragi/ясураги] (мир) (перевод С.М.). На кандзи данное слово пишется 世界[sekai/секай] (мир) (перевод С.М.), но он будет являться омонимом [12]. Отсутствуют синонимы

Отразим выявленные в пяти языках различия репрезентации ядра концепта «мир» в таблице 1.

Таблица 1. Репрезентация ядра концепта «мир»

Язык	Синоним	Омоним
Русский	+	+
Английский	-	-
Эсперанто	-	+
Корейский	+	-
Японский	-	+

Далее, мы сравним репрезентацию концепта «война» в пяти вышеперечисленных языках.

Итак, рассмотрим концепт «война», репрезентируемый в русском языке, где «война» — «вооружённая борьба между племенами, народами, государствами, направленная на истребление или искоренение» [10, с. 53]. В словаре русского языка у данного слова отсутствуют омонимы. Однако у слова «война», есть синонимы такие как: беспорядок, хаос, бедствие, конфликт [10, с. 53].

В английском языке ядро концепта «война» репрезентируется как «war» [wɔ:/wɔ:] (война) (перевод С.М.). В английском языке «war» — «fighting between two or more countries that involve the use of armed forces and usually continues for a long time» (борьба между двумя или более странами, которые используют оружие и обычно продолжается в течение долгого времени) (перевод С.М.). В данном словаре отсутствуют омонимы, однако слово содержит синонимы такие как: «warfare», «conflict», «hot war» [13, с. 1677]. При сравнении ядер концептов в русском и английском языках, можно заметить сходства, в обоих языках отсутствуют омонимы к слову «война», но присутствуют синонимы.

Далее, рассмотрим концепт «война», репрезентируемый в языке эсперанто. В словаре эсперанто концепт «война» пишется «milito» [милито] (война) [9]. При сравнении репрезентации концепта «война» в естественных европейских языках и языке эсперанто, можно заметить некоторую разницу: в нём отсутствуют синонимы и омонимы ядру концепта.

Итак, рассмотрим концепт «война», репрезентируемый в корейском языке, где слово «война» пишется как «난리» [нанри] и используется не только в политическом значении, но также переводится как «шум»: шумная обстановка из-за чего-либо; либо же связано с климатическими бедствиями и переводится как «бедствия»: беспорядок, образовавшийся в результате наводнения, землетрясения, засухи и т.п. [11]. В связи с этим, можно сказать, что слово имеет омоним, однако в словаре отсутствуют синонимы [11]. При сравнении определений, взятых нами в предыдущих трёх языках, можно сказать, что европейские языки: естественные и искусственно

созданный, отличаются от восточного: в русском, английском и эсперанто отсутствуют омонимы лексеме «война», тогда как они присутствуют в корейском; также в корейском, как и в эсперанто отсутствуют синонимы лексеме «война», которые есть в русском и английском языках.

Итак, рассмотрим концепт «война», репрезентируемый в японском языке, в котором он пишется на кандзи (иероглифами) так "戦争" [sensou/сенсои] (война) (перевод С.М.). В хирагане это слово пишется так せんそう [sensō/сенсо] (война) (перевод С.М.), но в катакане оно отличается написанием и пишется так いくさ [ikusa/икуса] (война/битва) (перевод С.М.) [12]. В японском отсутствуют омонимы и синонимы лексеме «война», как в эсперанто.

Отразим выявленные в пяти языках различия репрезентации ядра концепта «мир» в таблице 2.

Таблица 2. Репрезентация ядра концепта «война»

Язык	Синоним	Омоним
Русский	+	-
Английский	+	-
Эсперанто	-	-
Корейский	-	+
Японский	-	-

Вывод

Таким образом, исследуя репрезентации концептов «мир» и «война» в разноструктурных языках: русский, английский, эсперанто, корейский и японский, мы выявили в целом равное количество синонимов в концепте «мир» и омонимов в концепте «война». В частности, в русском языке преобладают синонимы в концептах «мир» и «война» и существует омоним ядерной лексеме концепта «мир»; в английском языке также выявлены синонимы ядерным лексемам концептов «мир» и «война»; в языке эсперанто установлены омонимы ядерной лексеме концепта «война»; в корейском языке выявлены синонимы ядерной лексеме концепта «мир» и омонимы – ядерной лексеме концепта «война»; в японском языке установлен омоним ядерной лексеме концепта «мир». Несмотря на некоторые различия языки эсперанто и японский схожи. Однако это требует дальнейшего исследования.

Список литературы

1. Воркачѳв С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. 192 с.
2. Даниленко И.А. Этапы формирования текстового мира (на примере произведения Ф.С. Фитцджеральда «Tender is the night») // Лингвистические горизонты : сб материалов V Международной научно-практической конференции, 2017. – С. 35-39.
3. Дрезен Э.К. За всеобщим языком. Три века исканий. — М., Едиториал УРСС, 2016, 272 с.
4. Иероглифика в корейском языке [<http://cheonilguk.ru/Koreyskiy-yazyk-hangeul/Ieroglifika-v-koreyskom-yazyke-sanghyeong-munja>] (Дата обращения: 05.09.2019)
5. Истоки хираганы и катаканы [<http://www.seiko-centre.ru/article/istoki-hiraganyi-i-katakany.html>] (Дата обращения: 05.09.2019);
6. Карасик В.И. Языковая личность: аспект лингвистики и лингводидактики: сб. науч. тр. — Волгоград, перемена, 1999, 143 с.
7. Кузнецов С.Н. Основные понятия и термины интерлингвистики. — М., 1982. — 380 с.
8. Огнева Е.А. Esperanto как коммуникативный формат (на лексикографическом материале français-esperanto) // Лексикография и коммуникация – 2019. Сб. материалов V Международной научной конференции (г. Белгород, 18-19 апреля 2019 г.). – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2019. – С. 70-75.
9. Полное руководство по японскому языку: Кандзи [<https://alex7kom.me/guide-to-japanese/writing/kanji/>] (Дата обращения: 05.09.2019);
10. Полонский А.В. Лингвистика медиа: современная парадигма научного знания (рецензия на словарь-справочник: медиалингвистика в терминах и понятиях / под ред. Л.Р. Дускаевой. – М.: Флинта: Наука, 2018.) // Медиа Альманах. – 2019. – № 1. – С. 206-211.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. — Воронеж, Истоки, 2007, 250 с.

Список лексикографических источников

12. Большой веб-словарь Бориса Кондратьева [<http://eoru.ru/sercxo/>] (Дата обращения: 05.09.2019);
13. Словарь корейского языка — [<https://krdict.korean.go.kr/m/rus/help?nation=rus>] (Дата обращения: 05.09.2019);
14. Словарь японского языка [<https://yakuru.net/>] (Дата обращения: 05.09.2019);
15. Толковый словарь русского языка. Издательский дом «ДИАЛОГ», Москва, 1999. 250 с.
16. Macmillan. English dictionary for advanced learners. Malaysia, Macmillan Education, 2011, 1854 p.

УДК 811

Начало исследований языка и культуры

Хасанов Тимур Джамshedович

аспирант, ассистент кафедры второго иностранного языка
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
РФ, г. Белгород
khatim@mail.ru

The beginning of language's and culture's researches

Khasanov Timur Djamshedovich

postgraduate student of Second Foreign Language Department
Belgorod State National Research University, Russia, Belgorod

Аннотация. В данной статье рассматривается проблема взаимоотношения, взаимосвязи и взаимовлияния таких понятий, как «язык» и «культура» с лингвокультурологической точки зрения. В тексте статьи затронута история возникновения, развития и становления лингвокультурологии, как самостоятельной научной дисциплины и даётся характеристика современному этапу её развития. В тексте статьи приводятся определения, предложенные различными учёными – представителями различных лингвистических школ – понятий «язык» и «культура», которые являются ключевыми и основополагающими для лингвокультурологии. В заключении автор предпринимает попытку обосновать актуальность исследований в данном лингвистическом направлении, их важность, ценность и перспективы.

Ключевые слова: язык, культура, лингвокультурология, взаимоотношение, взаимовлияние.

Abstract. The article deals with the relationship of such concepts such as "language" and "culture" from a linguoculturological point of view. The text of the article includes the history of the formation and the development of linguoculturology as an independent scientific discipline and its modern period of development. In the article there are different definitions proposed by various scientists – representatives of different linguistic schools – of the concepts such as "language" and "culture," which are key and fundamental in linguoculturology. In conclusion, the author attempts to justify the relevance of research in this linguistic direction, its importance, value and perspective.

Keywords: language, culture, linguoculturology, relationship, mutual influence.

Язык и культура являются объектами исследований гуманитарных наук несколько десятилетий. Но, в каждой научной дисциплине они получают свое подробное определение. Однако, непосредственная взаимосвязь между языком и культурой долгое время оставалась вне поля зрения научных исследований. Следует отметить, что попытки описать и научно обосновать отношения между языком и культурой предпринимались и ранее. Тем не менее, становление лингвокультурологии, как самостоятельной научной дисциплины, объектом

изучения которой стало бы взаимоотношение языка и культуры, началось в конце XX века [1]. Отношения языка и культуры важны не только с теоретической, но и с практической точки зрения. Одним из выводов монографии Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова «Язык и культура» является постулат о том, что «недопонимания и конфликты между людьми, владеющими одним и тем же языком, случаются во многом из-за расхождения культур» [2]. Интерес к развитию данного научного направления связан с одной стороны с глобализацией, которая привела к расширению межкультурных контактов, с другой стороны с демографическими процессами – миграцией и иммиграцией, в результате чего многие общества становятся гетерогенными в культурном плане [3].

Язык, как явление социальное, рождается в обществе и существует только в обществе, которое пользуется языком, как основным инструментом общения. С помощью языка члены общества коммуницируют, выражают чувства и эмоции, делятся оценками и мнениями. Культура, в самом широком смысле – это все то, что было создано человеческими умом и руками. Культура, также, как и язык, будучи интегральной, неотъемлемой частью общества, не может существовать без общества.

Понятия «язык» и «культура» имеют различные трактовки, в зависимости от ракурса изучения. Рассмотрим некоторые из определений, разработанных учеными.

Язык представляет собой сложную, иерархически выстроенную знаковую систему, что отмечено в следующей дефиниции, взятой из словаря С.И. Ожегова: язык – «исторически сложившаяся система знаковых, словарных и грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе» [4].

В словаре лингвистических терминов Ахмановой находим следующее определение: язык – «одна из самобытных семиологических систем, являющаяся основным и важнейшим средством общения членов данного человеческого коллектива, для которых эта система оказывается также средством развития мышления, передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций и т.п.» [5].

В формулировке, предложенной Арутюновой, также отмечена знаковая природа языка как явления: язык – «стихийно возникшая в человеческом обществе и развивающаяся система дискретных (членораздельных) звуковых знаков, служащая для целей коммуникации и способная выразить всю совокупность знаний и представлений человека о мире» [6, с. 410].

Проанализировав множество примеров дефиниций, помимо процитированных в нашей работе, хочется отметить, что в большинстве из них, помимо знаковости языка, отмечены такие характеристики, как историчность и способность служить инструментом общения и выражения мыслей.

Понятие «культура» также имеет многолетнюю историю научного изучения, предлагаются разнообразные авторские определения.

Философский словарь содержит достаточно широкое определение понятия «культура»: «В переносном смысле культура – уход, улучшение, облагораживание телесно-душевно-духовных склонностей и способностей человека... В широком смысле культура есть совокупность проявлений жизни, достижений и творчества народа или группы народов. Культура, рассматриваемая с точки зрения содержания, распадается на различные области, сферы: нравы и обычаи, язык и письменность, характер одежды, поселений, работы, постановка воспитания, экономика, характер армии, общественно-политическое устройство, судопроизводство, наука, техника, искусство, религия, все формы проявления объективного духа данного народа» [7].

Академический словарь русского языка предлагает семь значений слова «культура», из которых, с точки зрения лингвокультурологии, интерес представляют первые четыре (последние три – специальные сельскохозяйственные и т. п. термины):

1. Совокупность достижения человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни.
2. Уровень, степень развития какой-либо отрасли хозяйственной или умственной деятельности
3. Наличие условий жизни, соответствующих потребностям просвещенного человека.
4. Просвещенность, образованность, начитанность [8].

В монографии В.А. Рыжова «Культура как система. Опыт информационного анализа находим следующее определение: «культура – это постоянное, каждый раз повторяющееся поведение членов общества, которое они получили в наследство от предыдущих поколений этого общества» [9].

Язык и культура, являясь семиотическими системами разного плана, обладают различными способностями к самоорганизации и саморегулированию. Язык, будучи сложной иерархически выдержанной знаковой системой, имеет несравненно больший инструментарий к саморазвитию и самовоспроизведению, нежели культура. Кроме того, язык, как средство коммуникации, как инструмент общения, доступен

практически всем социальным слоям общества, в то время как культура носит не присущую для языка характеристику – элитарность.

Проблема соотношения языка и культуры находит своё отражение в некоторых классических лингвистических работах. Так, к примеру, Вильгельм фон Гумбольдт отмечал глубинную связь духовной жизни народа, его культуры и языка. В одной из своих работ он отмечает, что «язык народа есть его дух, и его дух есть его язык – трудно себе представить что-либо более тождественное» [10, с. 38]. Развивая и исследуя свой тезис о взаимовлиянии языка и культуры далее, немецкий философ и лингвист отмечал: «Язык всем тончайшими фибрами своей своих корней связан с народным духом. Язык и духовные силы функционируют совместно и в равной степени составляют нераздельную деятельность разума» [там же].

Научные изыскания Вильгельма фон Гумбольдта и его идеи оказали огромное влияние на многих лингвистов. Так, например, немецкий учёный К. Фосслер, используя работы Гумбольдта как фундамент собственных оригинальных открытий, подверг анализу взаимосвязь языка с такими культурологическими явлениями, как искусство, религия, наука. В его работах продемонстрирована и обоснована связь языка народа с собственно историей этого народа, с историей его культуры [11].

На современном этапе развития лингвокультурологии соотношение языка и культуры понимается следующим образом: язык является частью культуры народа. «Исследователи культуры далеко не всегда принимают во внимание такой важный ее компонент, как язык. Нередко считается, что язык – лишь оболочка, в которую заключаются те или иные мысли, идеи, а для культуролога, язык – вспомогательное средство для познания культуры... Но первостепенным компонентом культуры каждого народа является языковая культура [12]. Как отмечает в своей статье С.В. Иванова, на сегодняшний день «лингвокультурология представляет собой интенсивно развивающееся направление, объединяющее широкий круг исследований» [13].

Постепенно наука пришла к многоаспектному пониманию понятий «язык» и «культура» и их взаимоотношению. Считается, что оба понятия отражают сознание социума, в котором они взаимодействуют. И язык, и культура находятся в зависимости от социума, подчиняются нормативам, установленным социумом. Общество находится в состоянии непрерывного развития, соответственно оно перманентно изменяется. Язык и культура развиваются и изменяются вместе с обществом.

На данный момент лингвокультурология остается одним из приоритетных научных направлений в языкознании. Интерес к этой научной дисциплине подтверждается количеством статей и монографий, издаваемых и публикуемых в последнее время (Л.И. Богданова 2015, Т.Г. Пшенкина 2013, И.В. Зыкова 2017, С.В. Иванова 2016, В.И. Карасик 2015, 2016, В.П. Рыжов 2017 и др.). Ценность данного научного направления состоит, на наш взгляд, в огромном, до конца не исследованном и, соответственно, неиспользованном потенциале: изучение не только другого языка, но и другой культуры открывает возможности для разрешения и урегулирования реальных, насущных проблем между разными культурами и народами.

Список литературы

1. Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: Константы и варианты. – М.: Гнозис, 2017. – 752 с.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. – М.: «Индрик», 2005. – 1040 с.
3. Ларина Т.В., Озюменко В. И. Этническая идентичность и ее проявление в языке и коммуникации // CUADERNOS DE RUSISTICA ESPANOLA. – 2016. – № 12. – С. 57 – 68.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: 1972. – С. 122.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: 1966.
6. Арутюнова Н.Д., Степанов Г.В. Русский язык. – М.: 1979. – 410 с.
7. Философский энциклопедический словарь. – М.: Litres, 2004.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: СЛОВО/SLOVO, 2000. – 264 с.
9. Рыжов В.П., Рыжов Ю.А. Культура как система. Опыт информационного анализа – М.: Litres, 2017. – 282 с.
10. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. – М.: Наука, 1984. – 400 с.
11. Фосслер К. Эстетический идеализм: избранные работы по языкознанию. – М.: ЛКИ, 2007. – 144 с.
12. Алпатов В. М. Япония: язык и культура. – М.: Litres, 2017.
13. Иванова С.В. Лингвокультурология: изучая лингвокультурный универсум // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2016. №2.

СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'37

Анализ механизмов номинации в единицах концептуального поля «Осмотр места преступления» (на материале русского и английского языков)

Шашкова Валентина Николаевна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры иностранных и русского языков
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
Россия, г. Орёл
valentina.shash@mail.ru

Analysis of nomination mechanisms in the units of the conceptual field "Crime Scene Examination" (as exemplified in Russian and English)

Shashkova Valentina Nikolaevna

Cand. Sci. (Philology), associate professor, assistant professor of the Chair of foreign and Russian languages, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Russia, Orel

Аннотация. Статья посвящена выявлению механизмов номинации, актуализированных в номинативных единицах концептуального поля «Осмотр места преступления» в английском и русском языках. Среди наиболее частотных механизмов номинации в обоих языках были выявлены уточнение сигнификативного значения, метонимический перенос, расширение значения, сужение значения, а также грамматические трансформации, представленные разной частеречной принадлежностью слов в рамках комплексных номинативных единиц.

Ключевые слова: механизмы номинации, лексико-семантические трансформации, уточнение сигнификативного значения, метонимический перенос, расширение значения, сужение значения, грамматические трансформации.

Abstract. The article is devoted to eliciting nomination mechanisms which are actualized in the nominative units representing the conceptual field "Crime Scene Examination". Among the most frequent nomination mechanisms in both languages we pointed out specification of significative meaning, metonymic transfer, widening of meaning, narrowing of meaning as well as grammar transformations manifesting themselves in different part of speech representation of interlingual analogues in complex nominative units.

Key words: nomination mechanisms, lexico-semantic transformations; specification of significative meaning, metonymic transfer, widening of meaning, narrowing of meaning, grammar transformations.

В исследовании мы подходим к вопросу о классификации номинативных единиц, используемых для описания референтной области «Осмотр места преступления» с позиции нескольких подходов.

Первым принципом, который положен в основу исследования, является принцип категоризации лексики, относящейся к определённой референтной области. Основу этого принципа фактически составляет когнитивный подход. Именно поэтому в качестве основного термина в исследовании был избран термин когнитивной лингвистики, а именно: «концептуальное поле». Мы исходим из того, что концептуальное поле отражает обобщённые представления о той или иной референтной области, включая типовые модели поведения актантов в этой области. Материализуется концептуальное поле при помощи языковой категории семантического поля, которая понимается как совокупность значений, соотносимых с определённой областью действительности, и языковых средств их выражения. В этом смысле концептуальное поле «Осмотр места преступления» может быть единым, если нет предписанных уголовно-процессуальным законодательством отличий в реализации осмотра места преступления. Применительно к русскому языку оно будет реализовываться одноимённым семантическим полем, применительно к английскому языку – семантическим полем “Crime Scene Examination”.

Таким образом, мы осуществляем категоризацию лексических единиц, опираясь на модели знаний (статические и динамические), которые заложены в нашем сознании опытом. Среди многочисленных моделей репрезентации знаний, признанных в когнитивной лингвистике, к которым относятся фреймы, сценарии, схемы, ситуационные модели, в качестве основной модели мы выделили пропозицию. Сам термин многозначен. Он используется как при изучении функциональной семантики предложения, так и при представлении когнитивных моделей. Самым важным выводом нашего исследования, который будет является его фундаментальным постулатом, является положение о том, что пропозиция понимается нами в соответствии с концепцией Дж. Андерсона [7], то есть как некоторая модель отражения действительности, которая может быть представлена в виде субъектно-предикатной языковой структуры.

Далее внутри поля и микрополей, выделенных с опорой на когнитивные модели знаний, мы опираемся на функционально-ролевой принцип классификации номинативных средств. Согласно функционально-ролевому принципу классификация лексических единиц, формирующих семантическое поле,

осуществляется с опорой на функциональные роли актантов в исследуемой сфере общения. Функционально-ролевой принцип, заложенный исследованиями Ч. Филлмора [3], [4], референциально-ролевой грамматикой Р.Ван Валина и У.Фоли [1], а также фреймовой семантикой [2] основан на категоризации лексических единиц, формирующих семантическое поле, с опорой на функциональные роли актантов в определённой сфере общения. Соответственно, «в самом общем виде такой подход может быть представлен посредством серии вопросов: Кто? Что делает? Каков объект действия? / На что направлено действие? Каковы характеристики объекта? Каковы обстоятельства совершаемого действия? Каков результат действия? Каковы характеристики результата? / Какова оценка результата?» [5, с. 168-169; 6, с. 193-194]. Конечно, общая схема может варьироваться в зависимости от сферы общения и референтной области.

Третьим принципом при представлении концептуальной организации семантического поля является ономастический, который связан с определением механизмов номинации и изучением тех трансформаций, которые имеют место в межъязыковых аналогах.

Основой для сопоставительного анализа послужили языковые единицы, предопределённые логикой оперативно-следственных действий в процессе проведения предварительного следствия. Мы посчитали возможным обратиться, с одной стороны, к межъязыковым преобразованиям при номинации отдельных аспектов деятельности сотрудников органов внутренних дел (далее – *ОВД*) на этапе осмотра места преступления в рамках предварительного расследования, а с другой стороны, к референциальным свойствам номинативных единиц в разных языках, а также к механизмам номинации, которые проявляют себя в русском и английском языках.

В ходе работы мы создали межъязыковой глоссарий, включающий межъязыковые синонимы и функционально-семантические аналоги, используемые при описании референтной области «Осмотр места преступления». Мы выделили следующие микрокластеры номинативных единиц в исследуемом поле: участники осмотра места преступления; основные действия сотрудников ОВД на месте преступления; технические средства, используемые при осмотре места преступления; сохранение места преступления; обыск на месте преступления; регистрация места преступления; сбор доказательств на месте преступления; сохранение и упаковка доказательств; маркировка и документирование доказательств; транспортировка доказательств; отчёт о результатах.

Проведённый далее анализ включал в себя выявление интегральных и дифференциальных признаков номинации аспектов деятельности сотрудника ОВД на этапе осмотра места преступления.

Интегральные признаки, обнаруженные в обоих языках, включают в себя следующие параметры:

1) строгое обозначение области, отдельных аспектов, содержания и характера действия процессуального права: *сохранить целостность доказательств – to maintain the chain of custody; to ensure the integrity of evidence* (терминологическая синонимия); *осветитель «Квадрат» – “Square” illuminator; лупа – a magnifying glass; дактилоскопические порошки – fingerprints powders; колонковая кисть – columnar brush; фотogramметрия – photogrammetry; лазерogramметрия – lasergrammetry;*

2) точное и однозначное выражение юридических понятий (часто с использованием латинских заимствований, а также терминологически закреплённых единиц, обычно используемых в нормативных правовых актах и имеющих аналоги в профессиональной речи сотрудника): *вещественные доказательства – forensic exhibits* (ср.: *material evidence, physical evidence*), *правовая база – legal framework;*

3) функциональная направленность номинации, проявляющаяся в соотношении ментальных концептов, хранящихся в нашем сознании, с языковой системой и выборе адекватных средств описания исследуемой области действительности (осмотра места преступления) в соответствии с прагматическими функциями участников коммуникативного взаимодействия: *выезжать на место происшествия – to go out to a crime scene; оцепить место преступления ограждающей лентой – to secure the crime scene with the crime-scene tape; осматривать место происшествия – to examine; to search; to observe; to inspect; to survey a crime scene; провести общий осмотр места происшествия – to conduct general observation of the crime scene; маркировать улики, следы преступления – to tag the evidence; to tag the traces; сфотографировать улики, следы преступления – to take pictures of the evidence / the traces; to photograph the evidence; собирать вещественные доказательства – to collect physical evidence; to retrieve physical evidence; to recover physical evidence* и др.;

4) семантическое разнообразие, проявляющееся в широте тематического покрытия референтной области (в случае нашего исследования речь идёт о широком «тематическом репертуаре», предопределённом различными обстоятельствами преступления, который мы иллюстрируем номинативными единицами из разных микрополей: *уникальный идентификатор дела – the unique case identifier; план извлечения доказательств – evidence recovery plan; скоропортящийся материал – the perishable material; рукописные заметки – hand written notes; голосовые заметки – voice recorded notes; уменьшить вероятность перекрёстного загрязнения – to reduce the possibility of cross contamination; изготовить гипсовые слепки – to make plaster casts; взять мазок каплей крови – to swab blood stains;*

сотрудники оперативных подразделений – *operational staff; operative group*; трасолог – эксперт, занимающийся следами – *an expert witness in traceology*;

5) использование устойчивых и повторяющихся синтаксических структур в пределах комплексных номинативов: личность свидетеля – *the identity of the witness*; подпись автора – *the signature of the author*; условия перевозки – *transportation arrangements*; уникальный идентификационный знак – *a unique identifying mark*;

6) типизированность моделей словообразования с доминированием аффиксального способа: обоснован^{ие} – *justification*; сохранен^{ие} – *preservation*; наблюд^{ение} – *observation*; загрязнен^{ие} – *contamination*;

7) константность использования, обусловленная высоким уровнем канонизации и формальности взаимодействия в сфере проведения предварительного следствия, которая в свою очередь обуславливает стремление к автоматизму в использовании;

8) перформативность, проявляющаяся в предписании конкретных действий в конкретной ситуации на этапе предварительного расследования: оценить место преступления ограждающей лентой – *to secure the crime scene with the crime-scene tape*; маркировать улики – *to tag the evidence*; сфотографировать улики – *to take pictures of the evidence*; собрать вещественные доказательства – *to retrieve the evidence*; упаковывать улики – *to bag the evidence*.

Сопоставительный анализ средств и механизмов номинации при рассмотрении референтной зоны «Осмотр места преступления» в русском и английском языках позволил нам сделать следующие выводы о механизмах номинации и тех трансформациях, которые находят отражение при передаче аналогичных концептов средствами русского и английского языков.

К примерам типовых **лексико-семантических трансформаций** можно отнести семантическую трансформацию **уточнения сигнификативного значения номинативной единицы** посредством введения дополнительной лексической единицы, формирующей комплексный номинатив. Так, например, в следующих примерах номинации акцентируется внимание адресата на внешних атрибутах или существенных признаках объекта номинации: *рукописные заметки* – *hand written notes*; *голосовые заметки* – *voice recorded notes*; *неподвижная фотография* – *still photography*; *неинвазивные методы* – *noninvasive techniques*. В случае уточнения сигнификативного значения посредством добавления дескриптивной лексической единицы часто имеет место усложнение синтаксической структуры фразы за счёт включения однородных компонентов, объединённых сочинительной связью: *краткое и точное описание материала* – *a concise and accurate description of the material*.

Одним из механизмов номинации, выявленных на материале комплексных номинативных единиц, формирующих поле «Осмотр места преступления», является **метонимический перенос**. Примерами выступают такие единицы, как *транспортировка доказательств* – *transportation of evidence*; *извлечение физических доказательств* – *the recovery of forensic exhibits*. В этом случае речь идёт о переносе наименования с процесса на результат.

Ещё одной разновидностью лексико-семантических трансформаций, выявленной в ходе анализа, является **сужение значения или расширение значения**. Так, одним из эквивалентов для русской единицы «лабораторная экспертиза» в английском языке выступает номинатив «*laboratory examination*». Вариант русского языка представляет собой пример сужения значения, в то время как английский аналог – это пример расширения значения.

Разновидностью **грамматических трансформаций**, выявленных на материале номинативных единиц, описывающих деятельность сотрудников ОВД по осмотру места происшествия, можно отметить **разную частеречную принадлежность лексических компонентов сложной номинативной единицы** в разных языках. Наиболее очевидно эта тенденция представлена в лексико-семантической группе, содержащей наименования актантов в исследуемой рефрентной области. Например, в русском языке термин «*следственно-оперативная группа*» представлен подчинительным словосочетанием имени существительного с производным прилагательным «*следственно-оперативная*» на основании согласования. Внутри комплексного прилагательного тип связи, связующий компоненты, – это примыкание наречия к прилагательному. Английский язык богат несколькими терминами для обозначения взаимодействующих представителей органов следствия и дознания, наиболее частотными среди которых являются следующие: «*crime scene investigator*», «*exhibits officer*» и «*forensic scientist*». С точки зрения синтаксиса речь идёт не о согласовании, а о двух случаях примыкания: *crime scene* в первом случае, а далее – о присоединении этой семантически спаянной номинативной единицы к доминантному с точки зрения семантики компоненту – *investigator*. Грамматически зависимость компонентов не выражается, поэтому мы констатируем во всех этих примерах примыкание. Морфологическую трансформацию можно наблюдать при сопоставлении номинативных единиц «*криминалист*» и «*exhibits officer*», где в функционально-семантическом аналоге на английском языке первый компонент представлен существительным во множественном числе.

Ещё одной специфичной для английского языка морфологической чертой, нашедшей отражение в исследуемом материале, является актуализация форм герундия, что характерно при номинации процессуальных действий. С одной стороны, обладая свойствами существительного, герундий сохраняет глагольную семантику, что абсолютно соответствует наименованию действий. Для наименования процессуальных действий в юридическом дискурсе, типично оформляемом средствами официального стиля, и, следовательно, требующем преобладания именных форм, именно деятельностный компонент семантики выступает на первый план. Поэтому оптимальным способом сочетания формы и семантики являются предусмотренный системой английского языка герундий: *упаковка и опечатка предметов – packaging and sealing items; запечатывание контейнеров – sealing containers*.

Как показывают результаты анализа, на уровне лексико-семантических разновидностей транспозиции значения в русском и английском языках действуют идентичные тенденции и механизмы номинации. Отличия появляются на уровне грамматических, а точнее говоря, на уровне морфологических и синтактико-семантических трансформаций.

Список литературы

1. Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. – Москва, 1982. – С. 376–410.
2. Демьянков В.З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. Москва : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С.189-191.
3. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике – Вып. X. – Москва : Прогресс, 1981. – С. 369-495.
4. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. – Москва : Прогресс, 1988. – С. 52-93.
5. Шашкова В.Н., Баянжаргал Н. Сопоставительный анализ номинативных средств, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского, английского и монгольского языков) // Международный научно-практический журнал «Филологический аспект». – Нижний Новгород, 2018. – №1 (33).– С. 161-172.

6. Шашкова В.Н. Анализ средств и механизмов номинации, используемых при описании референтной области «Деятельность сотрудника ОВД» (на материале русского и английского языков) // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации: сборник материалов III Международной научно-практической конференции (26-27 марта 2018 г.) / под ред. О.Ю. Ивановой. – Орёл : ФГБОУ ВО «ОГУ имени И.С. Тургенева», 2018. – С. 192-199.
7. Anderson J.R. A theory for the recognition of items from short memorized lists // Psychological Review – 1976. Vol. 86. P. 417-438.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.93.004.43

Гипертекст – новая языковая реальность

Волынкина Светлана Вадимовна

канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры латинского и иностранных языков
Красноярский государственный медицинский университет
имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, РФ, Красноярск
volinkina-zapad@mail.ru

Новожилова Надежда Викторовна

студентка лечебного факультета, Красноярский государственный медицинский
университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, РФ, Красноярск
novozhilovanadka@gmail.com

Соломенников Владислав Андреевич

студент лечебного факультета, Красноярский государственный медицинский
университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого, РФ, Красноярск
wladsolom@mail.ru

Hypertext – new language reality

Volynkina Svetlana Vadimovna

Cand. Sci. (Philology.), Associate Professor, Associate Professor of the Department
of Latin and Foreign Languages, Krasnoyarsk State Medical University
named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky, Russia, Krasnoyarsk

Novozhilova Nadezhda Viktorovna

student of general medicine department Krasnoyarsk State Medical University
named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky, Russia, Krasnoyarsk

Solomennikov Vladislav Andreevich

student of general medicine department Krasnoyarsk State Medical University
named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky, Russia, Krasnoyarsk

Аннотация. Статья посвящена изучению нового типа организации текстового пространства, представленного непоследовательным характером изложения информации и содержащего внутренние узлы перехода от одного текста к другому (гиперссылки). Объектом настоящего исследования стал гипертекст как явление информационной и социальной среды; целью – изучение и описание нелинейного способа организации информации. Актуальность работы определяется массовым характером распространения гипертекстовых форм в связи с появлением новейших технических устройств-коммуникаторов и возможностями универсального канала общения – интернета. В статье даётся характеристика коррелирующих понятий текста и гипертекста, предпринимается попытка выявить и описать признаки каждого из них. Авторами произведён подробный сопоставительный анализ названных явлений в виде дихотомии характеризующих признаков, обозначены плюсы и минусы гипертекста. Практическая часть исследования представлена анкетированием, результаты которого показывают отношение респондентов – жителей города Красноярска – к такому новому явлению, как гипертекст.

Ключевые слова: текст, гипертекст, социолингвистика, интернет-лингвистика, виртуальная коммуникация, структурализм, нелинейная организация текста.

Abstract. The article studies new type of text space arrangement featuring inconsequent presentation of information but containing internal nodes serving as links that allow going from one text to another (hyperlinks). The subject of this study is hypertext as an element of information and social medium; the objective is to study nonlinear information arrangement. The relevance of the study is defined by the large-scale spread of hypertext forms stemming from availability of cutting-edge communication devices and opportunities provided by universal communication channel the Internet. The article defines correlating phenomena of text and hypertext and presents an attempt to separate and describe their distinctive features. Authors of the study performed a comprehensive comparative analysis of the above mentioned phenomena in the form of dichotomy of salient features, and revealed benefits and drawbacks of the hyper text. Method applied to obtain practical findings of the study was questionnaire survey that revealed attitude of respondents (citizens of Krasnoyarsk city) towards such new phenomenon as hypertext.

Keywords: text, hypertext, sociological linguistics, internet-linguistics, visual communication, structuralism, nonlinear text arrangement.

В условиях современной реальности, характеризующейся появлением интернета как нового канала коммуникации, множества новых технических устройств, позволяющих в любое время и практически из любой точки планеты осуществить дистанционное общение, в кратчайшие сроки найти необходимую информацию и так же быстро её обработать и переслать установленному адресату, привычная текстовая среда и информационное поле в целом становятся кардинально иными – трансформируются под современные технические условия жизненного пространства человека. Восприятие реальности, изначально линейное, последовательное и логически стройное, становится под воздействием виртуальной среды хаотичным, мозаичным, напоминающим опасный лабиринт информационных

ссылки и гиперссылки. Таким образом, в жизнь современного человека стремительно врывается новый тип текста – гипертекст, и поиск путей наиболее эффективного его использования (умение ориентироваться в гипертекстовой среде) становится важной задачей науки. В связи с этим представляется необходимым изучить данное явление, понять механизм работы гипертекста, проанализировать его особенности и возможности.

Объектом данного исследования стал гипертекст как компонент информационной и социальной среды.

Цель работы: изучить гипертекст как современный способ организации информации и существования человека.

Названная цель предопределила решение следующих исследовательских **задач**:

1. Определить содержание понятий «текст» и «гипертекст»;
2. На основе выявленных признаков провести сравнительный анализ;
3. Выявить достоинства и недостатки гипертекста;
4. Провести анкетирование разновозрастных групп респондентов на предмет восприятия гипертекстовой информации.

Итак, обратимся к решению первой задачи и сформулируем содержание понятий «текст» и «гипертекст». Традиционно в языкознании под **текстом** (от лат. *textus* «ткань, сплетение, соединение») понимается «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [5, с. 507].

В отличие от текста, гипертекст представляет собой более сложно организованную форму текста. Для того чтобы более полно и точно описать данный феномен, необходимо обратиться к истории его становления и развития, которые, как известно, связаны с эпохой постмодернизма.

Впервые концепцию гипертекста выдвинул Ванневар Буш в 1945 г. в статье «As we may think» [6]. Учёный был инженером и разработчиком аналоговых компьютеров. В названном эссе он представил прообраз гипертекстового устройства Мемех. Буш определял собственное изобретение следующим образом: «Мемех – устройство для хранения книг, записей и в общем информации для расширения и дополнения возможностей памяти человека» [6]. Однако в данной концепции на момент её оформления не было как чёткого понимания нового, необычного явления, так и слова, его называющего.

Непосредственно термин «гипертекст» был введен социологом и философом Тедом Нельсоном в 1965 году. Под гипертекстом автор подразумевал «непоследовательную запись – текст, который разветвляется и позволяет читателю выбирать...» [7].

Практически параллельно с Т. Нельсоном термин «гипертекст» употребляет другой автор в пределах иной концепции для описания совершенно отличной реальности. Представитель французского структурализма, исследователь в области теории литературы Ж. Женетт издает в 1982 г. работу «Палимпсесты: литература второго уровня», посвященную исследованию транстекстуальных отношений. В названном труде автор определяет гипертекст как «любой текст, произведенный от предшествующего текста путем прямой трансформации (трансформации просто) или не прямой трансформации (имитации)» [цит. по: 6].

Схожим образом – как «нелинейное письмо» – гипертекст определяется исследователем новой языковой реальности Ж. Дерридой [2].

Прообразом современного гипертекста считается также идея «диалога», представленная в монографии М.М. Бахтина, посвящённой изучению эстетики словесного творчества [1]. Последователем теории М.М. Бахтина является современный исследователь Ю. Кристева, которая называет гипертекст «диалогом между текстами» [3, с. 427-457].

Формулировкой, наиболее полно раскрывающей концепцию гипертекста, является, на наш взгляд, дефиниция, предложенная М.М. Субботиным в статье «Новая форма письменной коммуникации»: «Гипертекст – соединение смысловой структуры, структуры внутренних связей некоего содержания, и технической среды, технических средств, дающих возможность человеку осваивать структуру смысловых связей, осуществлять переходы между взаимосвязанными элементами» [4]. Данное определение положено в основу нижеследующих рассуждений.

Одной из важнейших задач данного исследования было описание признаков текста и гипертекста. Результат проведённой работы представлен в таблице, где дихотомически противопоставлены типичные черты каждого из анализируемых понятий:

Текст	Гипертекст
1. Линейность – развитие дискурса в физическом времени и в физическом пространстве печатной страницы. Линейность структурирует события и определяет последовательность действий, что выражается в четкой взаимосвязи композиционных частей каждой страницы текста.	1. Нелинейность – отсутствие последовательной связи между страницами гипертекста, в связи с чем страницы приобретают автономность, благодаря которой они могут быть прочтены в любой последовательности на усмотрение читателя.
2. Иерархичность – наличие четкой структуры текста. Текст может раскладываться на подтексты (грамматический и фонологический уровни и т.д.), каждый из которых рассматривается как организованный в большей степени самостоятельно.	2. Неиерархичность тесно связана с нелинейностью – возможность входа читателя на любую страницу издания, в связи с чем изменяется принцип подчинения между главным текстом и примечаниями.
3. Завершённость – наличие у текста финала в виде чётко оформленного вывода. Текст не является бесконечным.	3. Условная завершённость – способность текста принимать бесконечный или циклический характер благодаря переходам по ссылкам / гиперссылкам.
4. Информативность, направленная на глубину понимания. Каждое новое слово текста сильнее погружает читателя в суть описываемых процессов. Изучение информации на более глубоком уровне.	4. Информативность, направленная на всеохватность, универсальность описываемых тем и вопросов.
5. Последовательность, логическая стройность расположения высказываний, находящихся в тексте, – порядок, связность и непротиворечивость представленных текстовых сегментов (линейная модель).	5. Одновременность – отсутствие линейной организации текста; предоставление читателю возможности самостоятельного выбора (разветвленная схема).
6. Смысловая целостность (цельность): обеспечивается единством темы текста и основной мысли.	6. Фрагментарность: тема и содержание текста могут меняться при переходе с одной ссылки на другую, при этом основное направление информации преимущественно сохраняется.
7. Монологический характер изложения информации.	7. Диалогический характер представления текста.
8. Отсутствие выбора: читатель выступает в качестве объекта ментальных действий автора (автор ведет читателя по собственному тексту, определяя направление для восприятия информации).	8. Возможность выбора / имитация игрового поля: читатель представляет собой субъект действия, способный руководить процессом освоения информации (выбирая ту или иную сюжетную линию, меняя стратегию и ход «игры» с текстом).

9. Центростремительность: смысловая линия текста по мере продвижения сюжета стремится к более обобщённому виду (от частного к общему)	9. Центробежность: имея изначально свернутую структуру обобщенной информации, посредством ссылок, происходит раскрытие деталей текста (от общего к частному)
Предопределенность: по мере продвижения через текст читатель приходит к более единой и четкой позиции, идея уточняется. Это связано с тем, что автор целенаправленно подводит читателя к единому смыслу, конкретному выводу.	Непредсказуемость: выражается в бесконечном продвижении сквозь гипертекст, в отсутствии единой и четкой позиции автора — с каждым оборотом возможно появление новых смыслов (произведения постмодернистов).

Гипертекст позволяет связывать текст, аудиоматериалы, фотографии, чертежи, карты, движущиеся картинки (гиф-изображения) и другие формы информации в **осмысленное целое**, доступ к которому может осуществляться при помощи системы индексации, ориентированной на конкретные идеи, а не на конкретные слова в тексте.

Всемирная сеть Интернет представляет собой бесконечный гипертекст, буквально пронизанный пересылочными связями, позволяющими осуществлять мгновенные акты взаимодействия сквозь пространство независимо от времени и расстояния. Таким образом, понятие «гипертекст» напрямую связано с межтекстовыми переходами – гиперссылками.

Плюсы и минусы гипертекста

Плюсы	Минусы
Гипертекст способен синтезировать традиционные способы коммуникации, выводя мысль автора и читателя на качественно новый уровень. Главным отличием от традиционных рамок становится отношение обеих сторон к гипертексту не как к конечному результату деятельности (созданию или интерпретации), а как к процессу.	Гипертекст не подходит в качестве такого типа изложения, в котором нужен результат – четкий, ясный и быстрый вывод.
Гипертекст предоставляет читателю выбор дальнейшего поиска информации.	Не каждый человек способен сделать выбор. Следовательно, гипертекст не подходит людям, нуждающимся в наставнике, руководителе, каким и является автор текста.

Представляет собой игровое поле, чем и интересен любознательному читателю.	На практике гипертексты зачастую оказываются перегруженными многочисленными маршрутами, и читатель стоит перед серьезной угрозой затеряться в сети, а автор – остаться непонятым. Как следствие – потеря времени для читателя и отсутствие обратной связи для автора.
Позволяет осуществлять быстрый поиск информации в разных направлениях, изучать разные точки зрения на одни и те же вопросы.	Гипертекст мешает сосредоточиться на единой идее. По причине отсутствия единого центра происходит семантическое расщепление: нет детального и глубокого изучения объекта в единстве (поверхностное восприятие информации).
Выступает посредником в установлении новых социальных связей.	Вновь образованные контакты характеризуются отсутствием близости, формальностью, поверхностностью.

Таким образом, гипертекст обладает своими достоинствами и недостатками, но в целом является эффективной формой изложения информации в современном мире. Эффективность гипертекста в большей степени зависит от **умения** человека пользоваться такой формой организации информации.

Практическая часть

Практическая часть нашего исследования состоит в анкетировании двух целевых групп:

- респонденты в возрасте до 35 лет (младшая группа)
- респонденты в возрасте от 35 лет (старшая группа)

Анкетирование проводилось с использованием офисного инструмента Google Forms, позволяющего создавать онлайн-формы и опросы. Каждой группе респондентов был предложен ряд вопросов с вариантами ответов и открытого типа. Количество анкет было ограничено заданным авторами опроса значением – по 50 единиц от каждой целевой группы.

Таким образом, общее количество собранных анкет составляет 100 единиц.

Итак, в ходе анкетирования респонденты отвечали на следующие вопросы:

1. Знакомы ли вы с понятием гипертекст? (да, нет)
2. Гипертекст – это система текстов, имеющих перекрестные ссылки. Примеры: энциклопедии, книги с внутренними ссылками, компьютерные сети, веб-сайты, в которых можно переходить с одной страницы на другую и выполнять поиск по ключевым словам.

Часто ли вы встречаетесь с гипертекстами в своей жизни? (часто, редко, иногда)

3. Комфортно ли вам работать с гипертекстами? (да, нет)

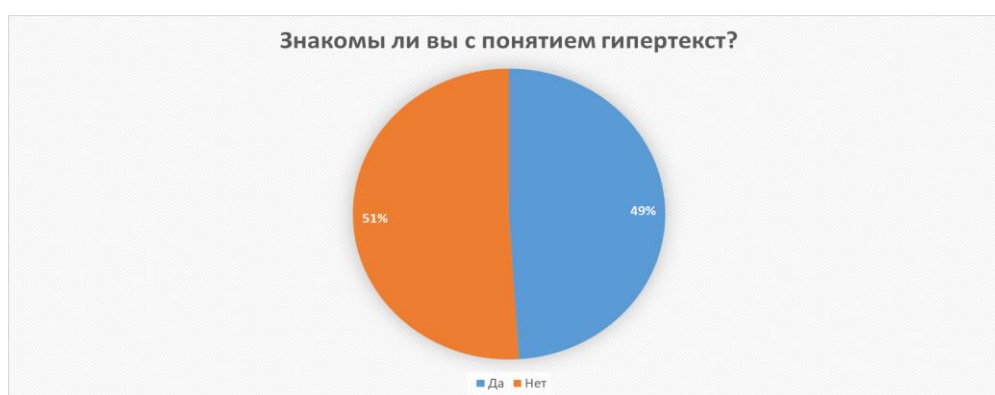
4. Какие плюсы и минусы есть у гипертекста, по вашему мнению? (развернутый ответ)

5. Считаете ли вы гипертекст эффективной формой организации информации? (да, нет)

6. Как вы считаете, сможет ли в дальнейшем гипертекст вытеснить текст? (да, нет)

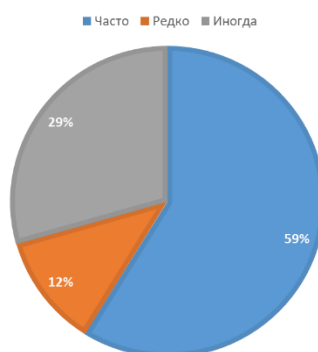
7. На ваш взгляд, в какой сфере использование гипертекста является более эффективным: в сфере точных наук или гуманитарных? Почему?

Результаты опроса первой группы:

Около половины респондентов имеют представление о том, что такое гипертекст. Это неудивительно, так как современная молодежь, интересующаяся наукой, хорошо осведомлена о подобного рода новшествах. С другой стороны, более половины опрошенных сказали, что данный термин им незнаком, однако после толкования выразили утверждение, что само явление понятно и в различных сферах с ним сталкивались.

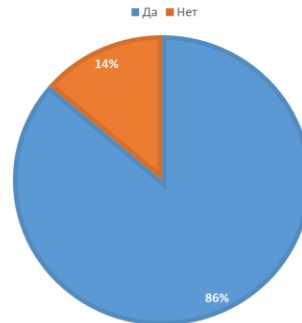
ЧАСТО ЛИ ВЫ ВСТРЕЧАЕТЕСЬ С ГИПЕРТЕКСТАМИ В СВОЕЙ ЖИЗНИ?

Большинство опрошенных людей часто взаимодействуют с гипертекстами в повседневной жизни. Связано это с тем, что гипертекст входит во множество новых

сфер жизни, заполняя собой практически всё коммуникативное пространство человека (об этом было сказано выше). Данный факт обуславливает частоту встречаемости.

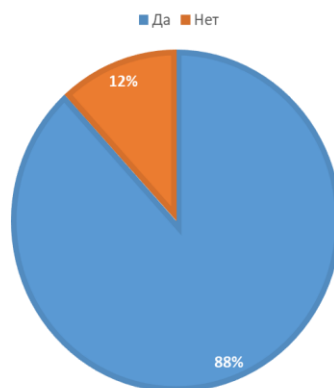
КОМФОРТНО ЛИ ВАМ РАБОТАТЬ С ГИПЕРТЕКСТАМИ?

Представленная диаграмма констатирует тот факт, что большинству молодых людей удобно работать с гипертекстами, которые имеют преимущества, необходимые для динамично развивающегося общества и современного уровня электроники и техники.

Отвечая на вопрос о плюсах и минусах, респонденты объясняют комфортность работы с гипертекстами прежде всего простотой и скоростью поиска информации. Среди минусов респонденты первой группы выделяют поверхностность подачи информации, а также отсутствие какой-либо структуры в организации текста.

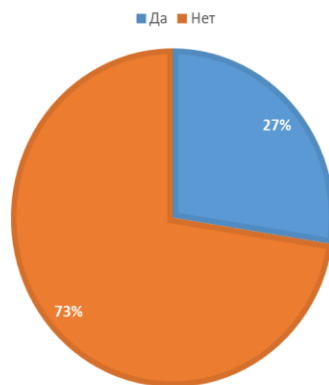
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ГИПЕРТЕКСТ ЭФФЕКТИВНОЙ ФОРМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ?

Большинство опрошенных назвали гипертекст эффективной формой организации информации. Вероятно, связано это с большим количеством преимуществ и колоссальной частотой встречаемости гипертекстов.

Статистика ответов на следующий вопрос дала неожиданные результаты:

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ В ДАЛЬНЕЙШЕМ ГИПЕРТЕКСТ ВЫТЕСНИТЬ ТЕКСТ?

Оказалось, что несмотря на удобство работы с гипертекстами, большинство опрошенных считают, что в будущем гипертекст не сможет вытеснить текст. В качестве причины данного мнения респонденты называют важность текста при изучении материала: гипертекст, как вторичная форма, не может быть изучена и освоена без первоисточника, то есть текста.

ГДЕ ПРИМЕНЕНИЕ ГИПЕРТЕКСТА БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНО: В ТОЧНЫХ НАУКАХ ИЛИ ГУМАНИТАРНЫХ? ПОЧЕМУ?

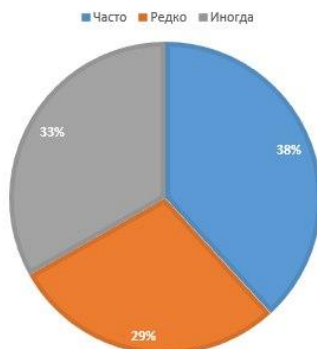
Преобладание в ответе на данный вопрос гуманитарной сферы обусловлено ассоциацией в сознании респондентов понятий «текст» и «гипертекст» с языком и гуманитарными науками, что доказывает отсутствие достаточных знаний о гипертексте у большинства опрошенных.

Результаты опроса второй группы:

В отличие от первой группы опрошенных, где результаты распределились в две равные группы, представители старшего поколения, очевидно, реже сталкиваются с понятием гипертекста. Связано это с тем, что данная группа, получившая базовое и профессиональное образование во время становления компьютеризации и формирования канала Интернет, сегодня живёт полученными тогда знаниями и редко обращается к современным научным разработкам, данное понятие в исследованиях последних десятилетий не изучает, не фиксирует связи с собственной жизнью.

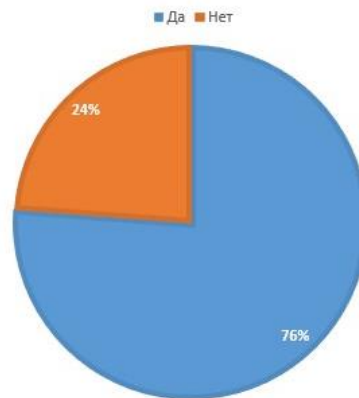
ЧАСТО ЛИ ВЫ ВСТРЕЧАЕТЕСЬ С ГИПЕРТЕКСТАМИ В СВОЕЙ ЖИЗНИ?

Подтверждением предыдущего вывода оказались результаты, полученные на второй вопрос. Закономерно вторая группа, не знающая ничего о гипертексте, продемонстрировала отсутствие в собственной жизни проявлений гипертекста. Причин может быть несколько. Во-первых, деятельность части опрошенных на сегодняшний день может быть менее активной, следовательно, количество областей работы сокращается и информации (как и источников информации) необходимо меньше. Во-вторых, респонденты второй группы прежде всего состоявшие личности, имеющие образование и узкую специальность. Значит, они не испытывают потребности в использовании гипертекстов как источника информации. В-третьих, как было сказано выше, гипертекст для респондентов данной группы представляет

собой явление новое и находится в стадии освоения.

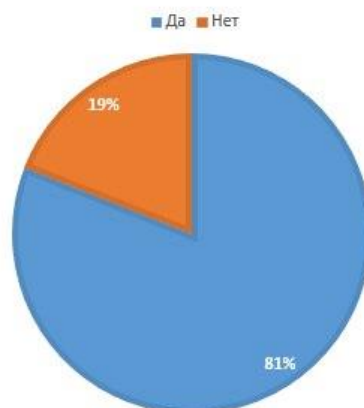
КОМФОРТНО ЛИ ВАМ РАБОТАТЬ С ГИПЕРТЕКСТАМИ?

Результаты показали, что большинству респондентов второй группы комфортно работать с гипертекстами. Отметим, что таким же был результат опроса первой группы. Причиной такого совпадения может быть тот факт, что опрос проводился через интернет, следовательно, отвечали те представители старшей группы, которые являются активными пользователями данной сети, освоившими гипертекст. Кроме того, часть представителей второй группы испытывает (или испытывала) необходимость в использовании гипертекстов в профессиональной жизни (различного рода мануалы, словари, справочники), что, возможно, также стало причиной такого соотношения ответов.

Отвечая на вопрос о плюсах и минусах, респонденты второй группы объясняют комфортность работы с гипертекстами скоростью поиска информации. Среди минусов респонденты выделяют деструктивность гипертекста, сложность подачи информации, а также неполноту данных.

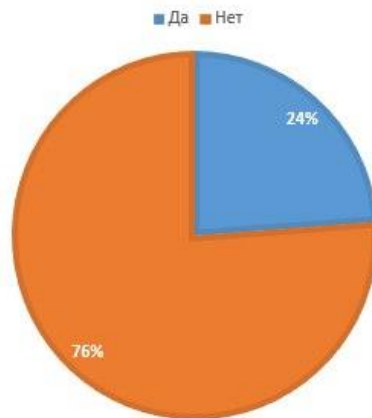
СЧИТАЕТЕ ЛИ ВЫ ГИПЕРТЕКСТ ЭФФЕКТИВНОЙ ФОРМОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНФОРМАЦИИ?

Большинство опрошенных считают, что гипертекст является эффективной формой организации информации. Такой результат является логичным следствием уже сделанных выводов. Кроме того, данную позицию объясняют сами респонденты:

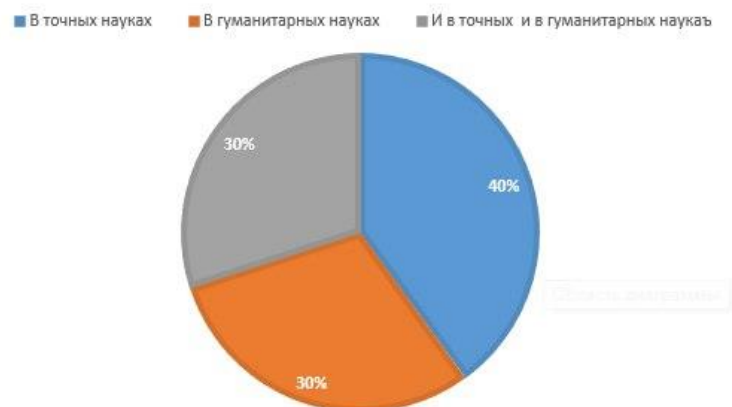
гипертекст позволяет в краткие сроки найти необходимый в данную минуту информационный сегмент, не тратя при этом время на изучение материала целиком.

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, СМОЖЕТ ЛИ В ДАЛЬНЕЙШЕМ ГИПЕРТЕКСТ ВЫТЕСНИТЬ ТЕКСТ?

Как и в первой группе, респонденты второй группы считают, что гипертекст не сможет вытеснить текст. С одной стороны, как было сказано выше, текст – исходная точка для гипертекста, значит, текст не будет вытеснен и останется базой. С другой стороны, работа с гипертекстом очень сложна и требует постоянного совершенствования навыков. Следовательно, рано или поздно каждый активный пользователь гипертекста вернется к тексту, поскольку он является более простой формой подачи информации.

ГДЕ ПРИМЕНЕНИЕ ГИПЕРТЕКСТА БОЛЕЕ ЭФФЕКТИВНО: В ТОЧНЫХ НАУКАХ ИЛИ ГУМАНИТАРНЫХ? ПОЧЕМУ?

Большинство респондентов второй группы считают, что в точных науках гипертекст более эффективен. Вероятно, дело в значении гипертекста: в точных науках достаточно изучить основу и постоянно на нее ссылаться (даже в объяснениях каких-либо задач приемлемо писать «Согласно теореме... пользуясь формулой 34...»), и именно эта форма в большей степени знакома старшему поколению. В гуманитарных науках важны нюансы, детали, подробности, которых нет в гипертексте. Также это связано со способами изучения каких-либо дисциплин:

краткие содержания текстов, тесты, энциклопедические сборники «по всем предметам» получили распространение совсем недавно. До этого были тексты, и приходилось работать с ними. И если в точных науках гипертекст был уже выражен, то в гуманитарной сфере проявлений было гораздо меньше.

Таким образом, **результаты опроса** показали, что обеим группам опрошенных комфортно работать с гипертекстами. Данная работа квалифицируется ими как эффективная и не требующая больших затрат времени и сил. Однако большинство респондентов проявили единодушие в том, что гипертекст никогда не сможет вытеснить текст. При этом мы учитываем тот факт, что большая часть респондентов старшей группы является активными пользователями сети Internet, и при бумажном анкетировании результаты опроса были бы другими.

Однако есть и существенные отличия в анкетировании двух групп: если респонденты первой группы довольно часто встречаются с гипертекстом в своей жизни, то респонденты второй гораздо реже сталкиваются с данным явлением. Также расхождение выразилось в том, какой сфере в большей мере свойственен гипертекст: представители первой группы указали на преобладание гипертекста в гуманитарной сфере, а представители второй группы соотнесли гипертекст со сферой точных исследований.

Итак, подведём итоги проведённому нами исследованию.

В современном мире гипертекст представляет «новую старую реальность»: известный с древнейших времён, сегодня он получил небывалое распространение, которое с высокой скоростью охватывает всё новые и новые сферы коммуникации.

В каждом из вновь освоенных коммуникативных пространств гипертекст приобретает свои специфические черты. Несмотря на эту специфичность, у гипертекста в любой сфере выделяются следующие типичные качества: нелинейность; неиерархичность; условная завершённость; направленность информации не на глубокое изучение предмета, а на всеохватность тем и вопросов (преобладание количества информации над её качеством); фрагментарность; имитация игры с читателем; непредсказуемость.

Результаты анкетирования двух возрастных групп показали, что гипертекст в большей степени изучен респондентами до 35-ти лет. Им он представляется удобным в работе и комфортным в аспекте реализации информативной и развлекательной функции. Исследовательским открытием стал ответ на последний вопрос анкеты – респонденты обеих групп проявили солидарность, выразив убеждённость в том, что гипертекст никогда не сможет вытеснить текст.

Принимая во внимание ответы анкетированных, тем не менее, отметим, что коммуникация сегодня представляет собой производство смысловой избыточности. Гипертекст обеспечивает функционирование этой избыточности в пространстве множественного, фрагментарного дискурса, который постоянно разрастается и осваивает новые форматы. В связи с чем в качестве основной следует отметить тенденцию к дальнейшему распространению и укоренению гипертекстового формата во всех сферах жизни человека.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1979.
2. Деррида Ж. О грамматики. М.: А.А. Marginem, 2000.
3. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427-457.
4. Субботин М.М. Гипертекст: Новая форма письменной коммуникации // Итоги науки и техники. 1994. Т. 18.
5. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 507.
6. Bush V. As we may think // Atlantic Monthly. Vol. 176. № 1/ 1945. P. 101-108. Режим доступа: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/1945/07/as-we-may-think/303881> (Дата обращения: 21.04.2019).
7. Landow G.P. Hypertexte: The Convergence of Contemporary Critical Theory & Technology. Режим доступа: <http://www.stg.brown.edu/projects/hypertext/landow/ht/contents.html> (Дата обращения: 18.06.2019).

УДК 81`33

**Моделирование ситуаций в прошлом грамматическими средствами
русского, немецкого и английского языков: сопоставительный анализ**

Епифанова Валентина Валерьевна

канд. филол. наук, старший преподаватель
кафедры сопоставительного изучения языков
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
РФ, г. Москва
valentina4@yandex.ru

**Modeling of the situations in the past with the grammatical means of Russian,
German and English languages: comparative analysis**

Epifanova Valentina Valerevna

Cand. Sci. (Philology), Senior Lecturer
of Department of Comparative Language Studies
Lomonosov Moscow State University, Russia, Moscow

Аннотация. В статье проводится сопоставительный анализ грамматических средств русского, немецкого и английского языков, служащих для выражения сожаления о событии в прошлом при наличии/ отсутствии возможности его изменить, добавлении одного/ нескольких сопутствующих обстоятельств, а также для выражения иных вариантов развития события в прошлом. Цель подобного сопоставительного анализа заключается в выявлении универсальности и специфичности соответствующих грамматических значений в трёх языках, в демонстрации наиболее употребительных лексико-грамматических конструкций в рамках значения «Моделирование ситуаций в прошлом» для изучающих русский, немецкий и английский языки как неродные и в возможности использования полученных выводов для более качественной разработки фрагментов активной грамматики русского языка.

Ключевые слова: активная грамматика, грамматическое значение, грамматическая форма, продуктивные речевые действия.

Abstract. The article deals with the comparative analysis of the grammatical means of Russian, German and English languages which serve to express the ideas of regret about past events including possibility/ impossibility to change them, adding one/ several circumstances and to express other options for the events in the past. The purpose of such a comparative analysis is to establish the equivalence and non-equivalence of the corresponding grammatical meanings in three languages, to demonstrate the most common lexical and grammatical constructions within the meaning "Modeling of the situations in the past" for the learners of Russian, German and English as foreign languages and the possibility of using the results to improve the development of active grammar fragments of the Russian language.

Keywords: active grammar, grammatical meaning, grammatical form, productive speech actions.

**Выполнено при поддержке гранта РФФИ №17-04-00053
«Перспектив грамматик русского языка для активных речевых
действий»**

Выражение желания повлиять на прошедшие события, сожаление о невозможности их изменить, моделирование ситуаций в прошлом как семантические категории, очевидно, типичны для всех языков мира в силу универсальности человеческой природы. В данной статье поднимается вопрос о возможности выражения подобных значений грамматическими средствами русского, немецкого и английского языков с целью выявления их эквивалентности или специфичности и установления тех оттенков значений, которые могут быть включены в фрагмент активной грамматики русского языка. Под активной грамматикой при этом понимается грамматика намерений говорящего/ пишущего для обеспечения продуктивных речевых действий с целью наиболее точного выражения заложенной в говорении/ письме идеи.

С позиции рецептивного подхода в задачи современного лингвиста в образовательной среде, по справедливому замечанию И.Г.Милославского, входит предложение тех единиц и таких процедур, «которые позволяли бы понять, т.е. соотнести с реальной действительностью, то, что прочитано и услышано» [1, с. 374]. С позиции продуктивного подхода ключевым моментом является выработка способов соответствия «замыслу производителя речи», то есть эффективное создание активных речевых действий. В связи с этим в задачи данной статьи, помимо проведения сопоставительного анализа соответствующих грамматических значений в трёх языках, входит демонстрация арсенала активных средств (грамматический или лексический), который может использовать человек, изучающий русский, немецкий и английский языки как неродные, для наиболее точной передачи комбинации значений в рамках макрозначения «Моделирование ситуаций в прошлом».

На современном этапе исследователи все чаще выявляют «функциональную эквивалентность граммем разного типа» в сопоставляемых языках, выстраивают принципы «универсальной грамматики» на основе процессов грамматической категоризации, применяя методы универсального логического исследования в языке, а также изучают, как формирование грамматических смыслов соотносится с перцепцией человека и его когницией [2]. В связи с этим третьей задачей проводимого исследования является подтверждение/ опровержение универсальности способов грамматического выражения анализируемых значений в

русском, немецком и английском языках в рамках разрабатываемой на современном этапе универсальной грамматики.

1 значение «Моделирование события в прошлом через изменение одного/ нескольких обстоятельств»

Рассмотрим вариант моделирования события в прошлом посредством изменения одного/ нескольких сопутствующих обстоятельств. В русском языке для решения подобной задачи могут быть использованы следующие грамматические формы: 1) в придаточной и главной частях условного предложения используется сослагательное наклонение глагола-сказуемого: *Если бы он пришёл раньше, он бы застал её дома. Если бы он знал об эпидемии, то не поехал бы в эту страну. Если бы вы меня предупредили, я бы заказал вам номер в гостинице;* 2) в придаточной части предложения употребляется повелительное наклонение глагола-сказуемого в форме обращения «ты», в главной части – форма сослагательного наклонения глагола-сказуемого: *Приди он раньше, то застал бы её дома. Будь он внимательнее, то не пропустил бы нужный поворот. Поверни он направо, и аварии не случилось бы;* 3) в придаточной части предложения используется деепричастие прошедшего времени, в главной части – форма сослагательного наклонения глагола-сказуемого: *Не опоздав на тот автобус, он бы приехал вовремя. Оказавшись в её районе раньше, он бы застал её дома* [примеры из 3]. Стоит отметить, что во всех перечисленных случаях в русском языке грамматические средства не указывают на наличие или отсутствие реальной возможности изменить ситуацию в описываемый момент времени («Мы не знаем, мог ли он прийти раньше в тот момент времени или нет, мог ли он узнать об эпидемии из некоторых источников или нет» и т.д.).

В немецком языке для выражения предполагаемого изменения хода события в прошлом через добавление сопутствующих условий в обеих частях предложения используется грамматическая форма Konjunktiv Plusquamperfekt, образуемая посредством формы Konjunktiv II вспомогательного глагола + Partizip II: *Wenn er von den Folgen gewusst hätte, hätte er das nicht getan* (Если бы он знал о последствиях, то не сделал бы этого); *Wenn ich tüchtiger gearbeitet hätte, so hätte ich die gestrige Arbeit besser geschrieben* (Если бы я усерднее работал, то написал бы вчерашнюю работу лучше) [примеры из 4], при этом в придаточной части предложения возможно опущение союза условия «wenn» (если бы): *Hätte er besser aufgepasst, wäre das nicht passiert.* (Если бы он был внимательнее, этого бы не произошло);

Hättest du mich gestern **angerufen**, **wäre** ich zu dir **gekommen**. (Если бы ты мне вчера позвонил, я бы к тебе зашел).

В английском языке для моделирования ситуации в прошлом посредством изменения некоторых обстоятельств используются условные предложения третьего типа (Conditional sentences III), представляющие собой конструкцию *If + Past Perfect* в придаточной части предложения и *would+ Perfect Infinitive* в главной: *If I **had bought** a ticket, I **would have visited** the gallery of art yesterday.* (Если бы я купил билет, то посетил бы вчера картинную галерею); *If I **had been** at home last night, I **would have read** a book* (Если бы я был дома прошлым вечером, я бы почитал книгу); *If I **hadn't forgotten** my car keys, I **wouldn't have had to go** on foot.* (Если бы я не забыл ключи от машины, мне бы не пришлось идти пешком) [примеры из 5].

Таким образом, во всех трех сопоставляемых языках имеются фиксированные грамматические средства для обслуживания комбинации значений «желание изменить событие в прошлом» + «добавление определенного условия для его изменения» при некотором количественном превалировании вариантов грамматических конструкций русского языка.

2 значение «Сожаление о случившемся событии в прошлом»

В русском языке сожаление о случившемся событии, иными словами, желание отменить уже состоявшееся событие в прошлом возможно с помощью лексических единиц «жаль», «зря», а также с помощью конструкций «лучше бы ... не...», «не надо было + инфинитив в форме несовершенного вида», при этом конструкция «лучше бы ... не...» может грамматически наполняться как глаголом-сказуемым несовершенного вида в форме прошедшего времени: *Лучше бы я не ел столько!*, так и глаголом-сказуемым несовершенного вида в форме инфинитива при постановке подлежащего в форму дательного падежа: *Лучше бы мне не есть столько!*

Для выражения сожаления о том, что случилось в прошлом, в английском языке используются грамматические конструкции *I wish + подлежащее + глагол в форме Past Perfect* с отрицательной частицей или *If only + подлежащее + глагол в форме Past Perfect* с отрицательной частицей: *I wish/ If only I **hadn't argued** with my mother yesterday* (аналоги в русском языке «Жаль, что я поссорился с матерью вчера/ Зря я поссорился с матерью вчера/ Лучше бы я не ссорился с матерью вчера/ Не надо было ссориться с матерью вчера»).

В немецком языке для выражения идеи сожаления о случившемся событии в прошлом используется Konjunktiv Plusquamperfekt, который типичен и для первого рассматриваемого в статье значения «Моделирование события в прошлом при

изменении одного/ нескольких условий»: **Hätte ich doch nicht so viel gegessen!** Не надо было столько есть! **Wäre ich nur nicht so spät gekommen!** Если бы я только не пришел так поздно!

В рамках данного значения стоит обратить особое внимание на аспект наличия/ отсутствия реальной возможности изменить ситуацию в описываемый момент времени. Подобное значение может быть выражено в английском языке с помощью добавления модального глагола *could* в соответствующей конструкции: *I wish + I could + Perfect Infinitive: I wish I could have saved them* (букв. Я хотел бы мочь их спасти в значении «Жаль, что я не мог их спасти (потому что не было возможности это сделать); *I wish I could have been with you* (в значении «Жаль, что я не мог быть с тобой» (потому что не было возможности). Стоит обратить внимание на различия двух конструкций *I wish I had been with you* и *I wish I could have been with you* (букв. Я хотел бы быть с тобой), первая из которых не указывает на наличие или отсутствие возможности в прошлом находиться рядом, в то время как вторая указывает на отсутствие такой возможности в описываемый момент времени, что вызывает особое сожаление у говорящего.

Специфичным грамматическим средством немецкого языка является выражение предположения о том, что происходило в прошлом, на основании наблюдений в настоящем. С этой целью используется конструкция *Futur II: Er wird nach Hause gekommen sein, ich sehe das Licht* (Он, вероятно, пришел домой, я вижу свет); *Es riecht in der Küche nach Vanille und Mandeln. Die Mutter wird wohl etwas gebackt haben* (На кухне пахнет ванилью и миндалем. Наверное, мама что-то пекла). Предположение о ситуации в прошлом (как процессе и как результате) типично и для английского языка с помощью модальных глаголов *must, may, might/ could* с разной степенью уверенности предположения + *Perfect Infinitive*: – *I can't find my phone anywhere.* – *You may have left it at work* (– Я нигде не могу найти свой телефон. – Наверное, ты его оставил на работе); – *Why wasn't Amy at the meeting yesterday?* – *She might not have known about it/ She may not have been feeling well* (– Почему Эми не было вчера на собрании? – Может быть, она не знала о нем/ Вероятно, она плохо себя чувствовала) [примеры из 5]. В русском языке подобные грамматические средства отсутствуют.

3 значение «Сожаление о не случившемся событии в прошлом»

Для моделирования ситуации, которая желательна для говорящего, но по субъективным/ объективным причинам не произошла в прошлом, в русском языке возможно использование лексической единицы «жаль» с отрицательной частицей

«не» перед глаголом-сказуемым: **Жаль, что я не пошла** вчера в кино или конструкция «**надо было**» + инфинитив совершенного или несовершенного вида: **Надо было** поест перед дорогой. **Надо было** больше читать в детстве.

В английском языке для выражения аналогичного значения используется конструкция *I wish* + глагол в форме *Past Perfect* без отрицательной частицы: ***I wish I had stayed at the party longer*** (букв. Я хотел бы остаться на вечеринке дольше в значении «**Жаль, что я не** остался на вечеринке дольше»); ***I wish I had gone to the cinema yesterday*** (букв. Я хотела бы пойти вчера в кино в значении «**Жаль, что я не** пошла в кино вчера»), ***I wish I had changed my mind*** в значении «**Жаль, что я не** передумал»; ***I wish I had been there*** в значении «**Жаль, что меня там не** было».

В немецком языке для этого вновь используется Konjunktiv Plusquamperfekt: ***Ihr hättet gewusst*** (Если бы они знали в значении «**Жаль, что они не** знали»).

4 значение «Событие, близкое к осуществлению в прошлом»

Действие, которое могло совершиться в прошлом, но по субъективным/объективным причинам не свершилось, выражается в русском языке с помощью конструкции «**чуть было ... не...**» или лексических единиц «почти», «практически»: Он **чуть было не** упал. Он **почти/практически** опоздал на поезд; в немецком языке – с помощью грамматической формы Konjunktiv Plusquamperfekt и лексической единицы *beinahe* («почти»): ***Beinahe wäre das Heu nass geworden.*** (Сено **чуть было не** намокло); в английском языке для подобной коммуникативной задачи используются исключительно лексические единицы *almost, nearly*: ***He almost/ nearly fell down*** (Он **чуть было не** упал).

Таким образом, в рамках макрозначения «Моделирование ситуаций в прошлом» совпадающими значениями в трёх сопоставляемых языках являются следующие: 1) моделирование события в прошлом через изменение одного/нескольких обстоятельств, 2) сожаление о случившемся событии в прошлом без указания на наличие/отсутствие возможности его изменить в описываемый момент времени, 3) сожаление о не случившемся событии в прошлом. Специфическими значениями, выраженными грамматическими средствами немецкого языка, являются предположение о происходившем в прошлом событии на основе наблюдений в настоящем времени: ***Es riecht in der Küche nach Vanille und Mandeln. Die Mutter wird wohl etwas gebackt haben*** (На кухне пахнет ванилью и миндалем. Наверное, мама что-то пекла), а также выражение события, близкого к осуществлению в прошлом: ***Beinahe wäre das Heu nass geworden*** (Сено **чуть было не** намокло). Безэквивалентными значениями, типичными для грамматики

английского языка, являются предположение о произошедшем в прошлом событии безотносительно к наблюдениям в настоящем времени: – *I can't find my phone anywhere.* – *You **may have left** it at work* (– Я нигде не могу найти свой телефон. – Наверное, ты его оставил на работе), а также сожаление о случившемся с указанием отсутствия возможности его изменить в описываемый момент времени: ***I wish I could have been** with you.* Я хотел бы быть с тобой (но не было возможности). Среди особенностей грамматических средств русского языка стоит отметить разнообразие форм для выражения изменения одного/ нескольких обстоятельств при моделировании развития события в прошлом (сослагательное наклонение глагола-сказуемого, деепричастие прошедшего времени, форма императива в форме «ты» в придаточной части условных предложений). Полученные результаты позволяют проследить особенности функционирования грамматических средств трех языков для выражения макрозначения «Моделирование ситуаций в прошлом» с выявлением их универсальности и специфичности.

Список литературы

1. Милославский И.Г. О принципиальных различиях между русскими грамматиками для рецепции и продукции// Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Том 22. №2. С. 373-388.
2. Грамматические категории германских языков в антропоцентрической перспективе: коллективная монография / Отв. ред. Д.Б. Никуличева. Ред колл.: Н.С. Бабенко, В.А. Нуриев, В.И. Карпов и др. – М., Изд-во «Канцлер» 2017. – 286 с.
3. Бабалова Л.Л., Кокорина С.И. Практикум по русской грамматике. Часть 2. Синтаксис простого и сложного предложения. – М.: Русский язык. Курсы, 2011. – 352 с.
4. Мышковая И.Б. Времена немецкого глагола. – СПб., 2007. – 96 с.
5. Murphy R. English grammar in use. Cambridge ELT, 5th edition, 2019. p.394.

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ, АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ

УДК 81'1: 659.123.1

Рекламный текст как отражение казахской культуры

Мисяченко Светлана Викторовна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Русский язык и литература»
Северо-Казахстанский государственный университет им.М.Козыбаева
РК, г.Петропавловск
svet_mis74@mail.ru

Сабиева Елена Викторовна

канд. филол. наук, доцент кафедры «Русский язык и литература»
Северо-Казахстанский государственный университет им.М.Козыбаева
РК, г.Петропавловск
sabieva1969@mail.ru

Advertising text as a reflection of Kazakh culture

Missyachenko Svetlana Viktorovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian language and literature, North Kazakhstan State University named after M.Kozybayev Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk

Sabiyeva Yelena Viktorovna

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian language and literature, North Kazakhstan State University named after M.Kozybayev Republic of Kazakhstan, Petropavlovsk

Аннотация. В статье рассматривается вопрос отражения казахской культуры в современной телевизионной рекламе. Авторы данной статьи подчеркивают, что реклама является своеобразным текстом, включающим особенности казахской картины мира. На примерах телевизионной рекламы выделены культурные ценности казахского народа. Анализ рекламных текстов с точки зрения современной парадигмы лингвистических исследований подводят авторов к мысли, что семейные ценности и другие ценности народа нашли отражение во многих казахстанских рекламах. Авторы статьи подчеркивают, что сложившиеся традиции, нашедшие отражение в рекламе, уходят в глубь веков и в то же время имеют ценность в современной жизни. Авторы статьи указывают, что язык является способом хранения традиции и культуры народа. Примечательным является подробный анализ рекламных текстов, подчеркивающих самобытность, уникальность казахского народа.

Ключевые слова: реклама, казахстанская реклама, рекламный текст, культура, культура народов, культурные ценности, традиции.

Abstract. The article says about the reflection of the Kazakh culture in contemporary television advertising. The authors of the article emphasize that the advertising in Kazakhstan is a particular text which includes the features of the Kazakh worldview. So, in advertising texts the cultural values of the Kazakh people are highlighted. According to the

contemporary paradigm of linguistic research the analysis of advertising leads the authors to the idea that family values and other values are reflected in many Kazakhstan advertisements. The article's authors emphasize that the established traditions which are reflected in advertising texts go back centuries and at the same time have value in our modern life. The authors indicate that language is a way of preserving the culture and different customs and traditions. It is necessary to pay attention to the detailed analysis of advertising texts that emphasize the identity and uniqueness of the Kazakh people.

Key words: advertising, Kazakhstan advertising, advertising text, culture, peoples' culture, cultural values, traditions.

Начало XX в. ознаменовано изучением языка как системы знаков. Во второй половине XX в. появляются новые направления в сфере лингвистических учений: функциональная лингвистика, психолингвистика, нейролингвистика, социоллингвистика, когнитивистика, языковая прагматика.

Актуальность темы определяется тем, что языковой анализ рекламных текстов осуществляется в антропоцентрическом аспекте, являющемся одним из главных направлений в современном языкознании.

С появлением новых сфер применения языка в конце XX в – н. XXI в. круг проблем языкового применения расширился, в частности возникает пристальный интерес к изучению языковых процессов, связанных с развитием и становлением рекламной деятельности. Развитие и совершенствование рекламной технологии приводит к обогащению языка современной рекламы, к выявлению новых функций языка. Пристальное внимание к функционированию языковых единиц в тексте рекламы обусловлено экстралингвистическими факторами: социальными, психологическими, прагматическими.

Реклама как лингвистический объект изучения представляет своеобразный текст, анализ которого проводится с позиций современной парадигмы исследования, в том числе антропоцентрической, а также национально-культурной. В рекламном тексте отражены особенности использования языковых средств, служащих для достижения поставленной цели: привлечь внимание к рекламируемой марке, услугам, а также демонстрирующих национальный колорит народа. Создатели рекламы с особым вниманием и знанием психологии людей используют знаковые отражения культурных особенностей того или иного народа, в частности казахского народа, имеющего свои традиции, свою историю, свою культуру.

Учитывая потребности и желания потенциального потребителя, ценности того или иного народа, авторы рекламы активно используют различные вербальные и невербальные способы воздействия.

Язык рекламы выступает как средство аккумуляции знаний традиций разных народов. На связь культуры и языка обратили внимание еще в древности. Так, Пифагор считал, что для «познания нравов какого ни есть народа нужно изучать его язык» [1, с.37]. Что значит знать язык? Знать язык - прежде всего знать культурные ценности народа, его менталитет. Знать язык – мыслить на этом языке.

Изучение этого вопроса имеет длительную традицию, в процессе которой были даны многочисленные и часто противоречивые определения культуры.

В рамках данной статьи мы придерживаемся точки зрения А.Т. Хроленко. Изучая основы лингвокультурологии, ученый дает определение культуры через перечисление ее основных признаков:

- «1) Общепринятый образ мышления.
- 2) Наследственная память коллектива.
- 3) Социально устойчивая совокупность практических навыков и идей, характеризующих образ жизни.
- 4) Ценностный отбор, осуществляемый обществом.
- 5) Идеальные представления о мире людей и природы.
- 6) След, оставленный окружением в сознании личности.
- 7) Система прецедентов и правил.
- 8) Система, стоящая между человеком и миром.
- 9) Закрепленная методика организации окружающего человека пространства в разумно духовное пространство и др.» [2, с.36].

С этой точки зрения, реклама рассматривается не только как «механизм экономического регулирования, но и как одна из общественных систем, обеспечивающая общество определенной картиной мира, ценностными ориентациями, связанная с традициями данной культуры и ее истории» [3, с.36].

Реклама представляет собой своеобразный жанр, вобравший в себя особенности менталитета, в частности казахского народа.

Примечательной, на наш взгляд, является реклама чая «Жемчужина Нила», лозунгом которой является фраза-призыв: «Будь крепкий, как этот чай!»

Интерес к этой рекламе вызван тем, что в ней представлен колорит казахского народа: пиала, украшенная известным казахским орнаментом, является национальной посудой (в виде круга, что символизирует вечное перемещение кочевого народа с места на место) казахского народа, из которой пьют крепкий, приятный на вкус, насыщенный ароматным вкусом чай, оттого чаепитие становится

целым ритуалом. За чашкой чая собирается большая казахская семья, за чашкой чая ведутся беседы, за чашкой чая поднимается настроение, за чашкой чая устанавливаются дружественные отношения.

Орнаменты наглядно демонстрируют особенности кочевого образа жизни, мировосприятие и мироощущение казахского народа. Орнаменты на одежде, на посуде, на жилище отражают жизненные воззрения мудрецов. Многие орнаменты возникли из представлений казахов о природе, о животном мире. И в этих орнаментах не могла не найти своего отражения бескрайняя казахская степь, которая веками воспевалась великими акынами и жырау, среди которых Асан Кайгы (Хасан Сабитулы), Бухар Калкаманулы, Котеш, Шал (Тилеуке Кулекеулы) и другие.

Казах-кочевник не боится степи: это его стихия, ему она понятна, знакома с самого рождения. Степь – его дом, а кочевой образ жизни научил казаха-кочевника выживать, осваивать просторы степи, познавать мир. Степь ассоциируется с родиной, с историей, временем, историческими событиями, которые на века остались в народной памяти. Все это нашло отражение и в современной рекламе.

Так, в рекламе чая «Жемчужина Нила» представлен видеоряд, символизирующий быт и уклад казахского народа. Авторы рекламы передают дух и обычаи казахского народа. Народ сохранил давние традиции и передает из поколения в поколение. В современной жизни казахов прослеживаются некоторые традиции предков, которые свято хранятся потомками. Чай позиционируется как национальный казахский напиток: чай пьют крепкий, с лучшим молоком, заваренный по древним традициям, оттого он такой вкусный: терпкий, утоляющий жажду, поднимающий настроение.

Через рекламный текст мы можем проследить и характер казахов. Так, в рассматриваемой рекламе качество и крепость вкуса чая сравнивается с твердым, непоколебимым характером казаха-кочевника.

Девизом выступает фраза: «Будь *крепким*, как этот чай». Выбор слова *крепкий* не случаен.

В «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой *крепкий* выступает в следующих значениях:

- «1. Прочный, такой, что трудно разбить, сломать, порвать. Крепкий забор. Крепкий замок. Крепкая ткань.
2. Сильный физически, здоровый. Крепкий организм.
3. Твердый, стойкий. Крепкая дисциплина.

4. Очень сильный, значительный по степени проявления. Крепкий мороз. Крепкий сон. Крепко полюбить.

5. Мало разбавленный, насыщенный. Крепкий раствор. Крепкий чай» [4, с.305].

В «Большом толковом словаре современного русского языка» Д.Н. Ушакова мы найдем слово *крепкий* в значениях: «1. Твердый, прочный. *Крепкое дерево. Крепкая веревка. // Вполне исправный, неизношенный* (разг.). *Совсем крепкий пиджак.* 2. Выносливый, здоровый, сильный. *Крепкий организм. Крепкий мальчик. Крепкие нервы.* 3. Неизменный, постоянный, глубокий. *Крепкая вера. // Стойкий, сильный. Крепкий человек. // Надежный, верный. Мое слово крепко.* 4. Очень большой, сильный (разг.). *Крепкий ветер. Крепкий мороз.* 5. Насыщенный, сгущенный. *Крепкий чай...*» [5, с.382].

В рекламе прослеживается одновременная реализация двух значений имени прилагательного *крепкий*. С одной стороны, дается характеристика чаю: крепкий, насыщенный ярким вкусом, от самой природы, натуральный, ароматный; с другой стороны, подчеркиваются характер и отменное здоровье человека: сильный, крепкий, здоровый, решительный...

Решительность и сила духа казахского народа складывались веками. Еще в битве с джунгарами проявилась эта главная черта казахов. А пережитые казахами «Годы Великого бедствия» укрепили силу казахского народа. Именно в это время произошло осознание важности единения народа. И в 1730 году казахами, благодаря их сплоченности, силе духа, была одержана самая крупная победа над джунгарами.

При этом «генетическими чертами казахского народа, — пишет Н.Назарбаев, — является открытость и доброта души, готовность обогреть, поделиться тем, что имеет, с нуждающимися. Ни к кому и никогда он не испытывал и не проявлял чувства неприязни или превосходства, никогда не служил источником межнациональных конфликтов».

Центральным образом рекламы чая «Пиала» является образ центральной белой юрты (и снова возникает символ круга — символ колеса как символ вечного движения).

В «Большом толковом словаре современного русского языка» Д.Н.Ушакова слово юрта трактуется как «Переносное жилище, кибитка у некоторых кочевых народов (обычно конусообразной формы)» [5, с.1233].

В «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой слово *юрта* выступает в более подробном значении: «У некоторых кочевых народов Азии и

Южной Сибири: переносное, конусообразной формы жилище, крытое кошмами, звериными шкурами» [4, с.915].

С точки зрения культуры, менталитета, для казахского народа юрта - это не просто жилище. Юрта символизирует семейные ценности, теплый домашний очаг, гостеприимство и теплоту отношений, открытость души казахского народа. А белый цвет является символом мира, тепла, благополучия и чистых светлых помыслов; непорочности, справедливости; высокого социального статуса («аксуйек» – белая кость, знамя казахского хана Сыгая (Шигая) было белым...).

Белая юрта всегда стоит в центре, именно в этой юрте по праздникам принимают почетных гостей...

Большой притягательной силой обладают такие понятия, как дом, семья, очаг. Чаепитие становится целой традицией, ритуалом в стране с сильными родовыми ценностями. Именно за чаепитием собирается вся семья, родственники, близкие люди. Чаепитие стало частью повседневной культуры и повседневного общения.

Одним из культурных концептов, отражающих ценностные ориентиры казахского народа и всего современного казахстанского общества, является *шанырак*.

Для человека, не познавшего культуру казахского народа, слово *шанырак* означает «верхний купол юрты, дымовое отверстие, род кошемной форточки». В то время как для казахов это слово – символ домашнего очага... В слове *шанырак* может актуализироваться сема «дом» – семейный очаг: «Одно из достоинств уклада, образа жизни казахского народа – в стремлении не пошатнуть *шанырак*, сохранить тепло семейного очага, в уважении к старшим и поддержке молодых» (газета «Северный Казахстан»). Это слово может употребляться и в значении «самое главное»: «Шанырак – сердце герба» [6, с.38].

«От шанырака во все стороны, в виде лучей, расходятся опоры. Через шанырак в юрту попадал свет, через него кочевник наблюдал за небом, звездами, осознавал себя частицей вселенной» [7, с.56].

Шанырак изображается и на государственной символике Казахстана.

Под общим шаныраком за щедрым дастарханом собираются родные и близкие люди, и даже случайному прохожему окажут уважение и внимание.

В рекламе чая «Дастархан» сосредоточено внимание на главном обычае казахов – обычае гостеприимства:

«Прекрасный чай «Дастархан» – это символ Казахстанского гостеприимства и радушия.

Высококачественный индийский чай «Дастархан».

Сорт этого чая характеризуется как символ гостеприимства и радушия Казахстана. Казахское гостеприимство, широта души давно известны за пределами страны. Одним из самых главных наших обычаев, передаваемых от поколения к поколению – это гостеприимство. Не зря от предков казахов остались слова: «гостя разговорами не кормят». Оттого в крови казахского народа встречать гостя, ступившего на порог всем лучшим, что есть в доме: лучшим мясом, лучшим молоком, лучшим чаем. Мелиоративно окрашенные прилагательные *высококачественный, прекрасный чай* усиливают положительные эмоции. Подобранные оценочные прилагательные говорят, с одной стороны, о высшей степени качества этой продукции, с другой стороны, подчеркивается соответствие этого сорта чая высокому уровню гостеприимства.

Согласно древним традициям, любого путника полагалось дружелюбно встретить, пригласить в юрту, угостить, не расспрашивая его ни о чем, и только после еды можно было поинтересоваться, кто он и откуда.

Казахская народная мудрость учит: «Не напоив путника, не спрашивай о деле», «Когда гость приходит, мясо варят, нет мяса – лицо хозяина горит со стыда». Тем не менее, отмечалось также, что «бедность стола искупается щедростью души». Взаимопомощь, взаимоподдержка, гостеприимство являются характерной чертой казахского народа, поскольку «гость на пороге – счастье в доме». Гостеприимство впитывалось с детства с молоком матери: «Гостю говорят «приходи», но не говорят «уйди». Существует немало пословиц и поговорок, раскрывающих суть и значимость традиции гостеприимства: казахи верят, что вместе с гостем в дом приходит счастье, поэтому стараются гостя посадить на самое почетное место, щедро угостить его лучшим, что есть, показать уважительное и душевное отношение к любому, кто войдет в дом.

Қонақкелсе, құткелер (Гость придет – счастье в дом войдет).

Қонақтысөзбентойғызаалмасың (Гостя словами не накормить).

Асыңатойғызбасаң да, ақниетінетойғыз (Бедность стола искупается щедростью души).

Құттықонаққа – тәттітамақ (Почетному гостю – почетное угощение) и др.

«Гость — подарок Бога».

«Гостеприимство – священный долг. Хозяин должен был умереть, защищая своего гостя, даже чужого ему человека. Под защиту брались влюбленные,

покинувшие свои края из-за преследования родителей и родственников. Как видим, традиция гостеприимства имеет особую социальную значимость» [8, 62].

«С домом, домашним очагом связан и актуальный в наше время концепт «дастархан» - это «обеденная скатерть», «стол», но чаще употребляется в переносных значениях как «застолье», «обильное угощение», «гостеприимный дом», характеризующих уровень гостеприимства хозяев дома, как «достаток», «изобилие» в доме» [9, с.234-235].

В рекламных роликах обязательна демонстрация юрты, шанырака, скатерти в национальных орнаментах, обильного дастархана, народных гуляний, пронизанных сохранившимися традициями.

Тема главных ценностей казахского народа нашла отражение во многих казахстанских рекламах.

Например, в ролике рекламы чая «Наурыз» мы видим богатый дастархан, символизирующий щедрость казахского народа, его гостеприимство; а также в видеоряде показан праздник Наурыз, который отмечают и молодые люди, и почтенные старцы. Не случайно также само название чая «Наурыз»: с одной стороны, авторы использовали прием повтора с целью быстрого запоминания хорошего сорта чая; с другой стороны, это название несет в себе целый пласт культуры народа. Именно поэтому этот праздник еще носит название «Улыстынулы куні», что в переводе на русский язык означает «Великий день народа». Наурыз для народа – новый день, обещающий приход на землю добра, мира, тепла, света. Верили, что, когда Наурыз входит в дом, все неудачи, страдания, болезни, беды и переживания должны обойти любой дом стороной.

Как мы можем заметить, язык является не только средством коммуникации, но и способом хранения традиций и культуры народа. «Язык носит кумулятивный характер, он сохраняет сведения о культуре народа прежних лет на протяжении длительного времени. Язык – это история народа. Интерес к языку как источнику сведений о культуре и истории отдельных народов наблюдается на протяжении возникновения и развития всего научного языкознания» [10, с. 275]. «Именно язык является основным средством общения в процессе деятельности, а также хранилищем исторического опыта данного народа, его сознания. Именно язык обеспечивает наследственность образа жизни этноса, его самобытность и стабильность на протяжении многих поколений. Без языка нет этноса, а без этноса нет языка. [10, с. 288].

На материале текстов телевизионной рекламы мы рассмотрели особенности культуры казахского народа и пришли к выводу, что в современной телевизионной рекламе представлена национальная символика казахского народа, отражены его традиции и культурные ценности, которые создавались в процессе исторического развития культуры. Все самое ценное для народа и для каждого человека стало достоянием на века и нашло отражение в языке.

Список литературы

1. Табакова З.П., Бочкова Л.А., Мисяченко С.В., Оспанова И.В. Этнопоэтика как средство воспитания толерантности в поликультурном обществе. – Петропавловск: СКГУ им. М. Козыбаева, 2015. – 115с.
2. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. – М.: 2005.
3. Костина А.В. Основы рекламы. – М.: КНОРУС, 2006. – 352.
4. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ООО «ИТИ» ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944с.
5. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. – М.: «Альта-Принт», 2007. – 1239с.
6. Табакова З.П. Этнопоэтика. Петропавловск, 2008.
7. Журавлева Е.А. Взаимодействие языков в процессе формирования евразийской ментальности // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. Астана, 2011г. – с.53-58
8. Егенисова А.К., Ерубаета А.Р. Психологические особенности национального менталитета казахского народа // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – № 4-2. – С. 371-376
9. Журавлева Е.А. Национально-специфическое и универсальное в концептосфере русского языка Казахстана // Текст в системе обучения русскому языку и литературе. Астана, 2010г. – с.230-239
10. Карлинский А.Е. Методология и парадигмы современной лингвистики. – Алматы, 2009. – 352с.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

УДК 82-6

Художественный концепт «чай» в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина

Бурдина Светлана Викторовна

д. филол. н, профессор кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный исследовательский университет
РФ, г. Пермь
swburdina@post.cz

Бурдин Иван Валерьевич

аспирант кафедры русской литературы
Пермский государственный национальный исследовательский университет
РФ, г. Пермь
burdin@post.cz

Artistic concept «tea» in «Letters of a Russian Traveler» by N.M. Karamzin

Burdina Svetlana Viktorovna

PhD, professor of Russian literature department
Perm State University, Russia, Perm

Buridin Ivan Valerievich

post-graduate student of Russian literature department
Perm State University, Russia, Perm

Аннотация. В статье выполнен анализ художественного концепта «чай» в произведении Н.М. Карамзина «Письма русского путешественника». Выявляются ключевые репрезентации данного концепта в известном тексте писателя-сентименталиста. Устанавливается связь произведения с традицией русского литературного чаепития. Исследуется роль «Писем русского путешественника» в формировании художественного концепта «чай» в русской литературе.

Ключевые слова: концепт, литературное чаепитие, традиция, репрезентация, русская литература

Abstract. There is research of artistic concept «tea» in «Letters of a Russian traveler» by N.M. Karamzin in the article. We have learned about representations of this concept in the text. The article includes a research about role of «Letters of a Russian traveler» in appearance of artistic concept «tea» in Russian literature, the place of text in traditions of tea drinking in Russian literature.

Key words: concept, tea drinking, tradition, representation, Russian literature

Сложный, разносторонний и многогранный концепт «чай» в концептосфере русского языка сформировался под влиянием концепта художественного: «Самовар превратился в образ жизни. Без него невозможно представить пьесу Островского или

Чехова чаепитие сформировало особый русский быт – долгие разговоры о смысле жизни, дача, соловьи. Странное действие чая, не правда ли? В Англии пристрастие к нему позволило создать вселенскую империю, а в России – долгие разговоры о смысле жизни» [2, с. 7].

Исследования термина «художественный концепт» свидетельствуют о том, что это явление, в котором соединяются лингвокультурные и авторские репрезентации концепта: «Новые авторские смыслы делают концепт художественным, при этом в тексте концепт продолжает включать в себя как общеязыковые, так и личные авторские смыслы, а также те, которые может вложить читатель» [1, с. 98]. Однако исследователи концепта «чай» в русском языке приходят к выводу, что активное взаимодействие художественной и лингвокультурной концептосфер шло в данном случае и в обратном направлении, то есть художественная культура, в том числе литературные произведения, влияли на формирование данного концепта наряду с культурой бытовой. «Аккумулируя знания из различных научных и предметных областей (истории, философии, эстетики, медицины, культуры повседневности, кулинарии, психологии, агротехники, художественного творчества и т.д.), концепт “чай” представляет национальную культуру и ментальность в концентрированном виде и имеет высокую ценностную маркированность» [4, с. 437].

В этой связи для исследования представляет ценность история развития концепта «чай» в русской литературе. Впервые чай появился в сатире Антиоха Кантемира «На зависть и гордость дворян злонаправных», где он упоминается единожды. А одним из первых текстов, отразивших чайную культуру в литературе России, являются «Письма русского путешественника» Н.М. Карамзина (1791). В настоящей статье делается попытка реконструкции художественного концепта «чай» в этом произведении.

В предисловии к «Письмам русского путешественника» автор сравнивает все произведение с литературным чаепитием, при этом чай здесь выступает связующим звеном в диалоге культур: «Много неважного, мелочи – соглашаюсь; но если в Ричардсоновых, Фильдинговых романах без скуки читаем мы, например, что Грандисон всякий день пил два раза чай с любезною мисс Бирон; что Том Джонес спал ровно семь часов в таком-то сельском трактире, то для чего же и путешественнику не простить некоторых бездельных подробностей?» [1, с. 27] Следует отметить, что здесь речь идет не только о бытовой культуре, частью которой принято считать чай. В «Письмах русского путешественника» мы видим прямую отсылку к английской литературе. В этих строках показано, как художественный концепт «чай», уже

сформировавшийся в английской культуре, приходит в литературу России, а, следовательно, и в концептосферу русского языка. Чтобы понять, какие репрезентации содержит концепт «чай» в зарубежной литературе, не обязательно обращаться к первоисточнику, на который ссылается автор, так как ключевые репрезентации отражены уже в самой отсылке. В данном примере чай выступает как атрибут общения («с любезною мисс Бирон»), элемент повседневности («всякий день»), как деталь, значимость которой трудно определить («без скуки читаем», но при этом «бездельных подробностей»).

В предисловии автор приглашает читателя взглянуть на европейские страны глазами русского путешественника. Неслучайно Е.Н. Купреянова так оценивала «Письма русского путешественника»: «Это своего рода “окно”, прорубленное Карамзиным для русского читателя в культурно-историческую жизнь западноевропейских стран» [3, с. 68]. Данные цитаты указывают на значимость данного текста в диалоге культур. А место, которое в этом произведении занимает чай, – на значимость чая в этом диалоге. Приведенные высказывания позволяют утвердиться в мысли, что одним из окон, через которые в Россию пришла чайная культура и традиции литературного чаепития, отражающие концепт «чай», является исследуемое произведение Н.М. Карамзина, в котором чай упоминается более 60 раз.

Следующее упоминание чая возникает уже в самом начале пути повествователя – на пути в Ригу: «Мы взяли за руки и побежали бегом в большой каменный дом, где в зале первого, этажа нашел я многочисленную семью, сидящую вокруг стола; хозяйка разливала чай и кофе. Меня приняли так ласково, потчевали так сердечно, что я забыл все свое горе. Хозяин, пожилой человек, у которого добродушие на лице написано, с видом искреннего участия расспрашивал меня о моем путешествии» [1, с. 31]. В этом отрывке чай выступает как элемент общения (хозяин расспрашивает о путешествии, молодой человек дает советы по дальнейшему пути). Также здесь добавляются новые репрезентации, чай отождествляется с комфортом и уютом: сцене предшествует описание тягот дороги на перекладных, чаепитие в уютном доме отчетливо контрастирует с этим описанием.

В нескольких последующих ситуациях, где упоминается чай, мы видим героя в корчмах с иностранцами, где вкупе с чаем подают кофе, пришедший в Россию с Запада, что усиливает репрезентацию «чай как диалог культур». «Лишь только расположились мы в корчме, где теперь ночуем, услышали лошадиный топот, и через полминуты вошел человек в темном фраке, в пребольшей шляпе и с длинным хлыстом; подошел к столу, взглянул на нас, – на француженку, занятую вечерним

туалетом; на италиянца, рассматривавшего мою дорожную ландкарту, и на меня, пившего чай, – скинул шляпу, пожелал нам доброго вечера и, оборотясь к хозяйке, которая лишь только показала лоб из другой горницы, сказал: "Здравствуй, Лиза! Как поживаешь?"...» [1, с. 40].

Далее мы встречаем репрезентацию концепта «чай», ставшую классической для русской литературы: «Лишь только я в своей комнате расположился пить чай, пожаловал ко мне г. Блум с бумажкою в руках» [1, с. 90]. Чай становится атрибутом общения и решения вопросов. «В одном трактире со мною живет молодой доктор медицины, который вчера пришел ко мне пить чай и просидел у меня весь вечер. По его мнению, все зло в мире происходит оттого, что люди не берегут своего желудка» [там же]. Автор отмечает, что времяпрепровождение за чаем может быть дополнено табаком: «В полдень обедают, а ввечеру прогуливаются или в приятельских беседах курят табак, пьют чай и кофе – купцы говорят о торговых, ученые об ученых делах, и таким образом проводят время. Честные швейцары курили табак и пили чай, а Лафатер рассказывал им о свидании своем с Неккером» [1, с.111].

Описывая свою жизнь в Женеве, автор особое внимание уделяет чаю: «За десять рублей в месяц я нанял себе большую, светлую, изрядно прибранную комнату в доме, завел свой чай и кофе; а обедаю в пансионе, платя за то рубли четыре в неделю. Вы не можете вообразить себе, как приятен мне теперь новый образ жизни и маленькое заведенное мною хозяйство!» [1, с. 207]. Чай здесь выступает не просто как атрибут собственного дома, фактически автор приравнивает чай и кофе к домохозяйству. То есть именно владение неким запасом чая и кофе, а не каких-то иных продуктов, делает обладателя, с точки зрения автора «Писем», держателем хозяйства.

Несмотря на то что чай подается в произведении Н.М. Карамзина как часть культуры европейской, он все же чаще всего выступает как элемент диалога культур, привычный как русскому путешественнику, так и коренному жителю Европы. В описании пребывания героя-повествователя в Великобритании (глава «Лондон») чаепитие приобретает национальный колорит: «В Кантербури, главном городе Кентской провинции, пили мы чай, в первый раз по-английски, то есть крепкий и густой, почти без сливок, и с маслом, намазанным на ломтики белого хлеба» [1, с. 411]. Концепт «чай» здесь дополняется репрезентацией «чай по-английски».

Исследуемое произведение является хронологически *одним из первых* текстов, описывающих чаепитие в русской литературе (первым является сатира Кантемира Антиоха «На зависть и гордость дворян злонравных»). Ключевой репрезентацией

данного концепта в произведении Н.М. Карамзина «Записки русского путешественника» является *«чай как элемент диалога культур»*. Первое упоминание чая в произведении привлекает интертекстуальное поле концепта «чай» из литературы Великобритании, где данный художественный концепт является устойчивой единицей концептосферы. Таким образом, репрезентации чая, существующие в английской литературе, автор переносит в литературу России, ссылаясь не столько на конкретный источник, сколько хорошо знакомые русскому читателю того времени функции чая в зарубежной литературе: *«чай как элемент общения»*, *«чай как часть повседневной трапезы»*, *«деталь литературного текста»*. В дальнейшем автор развивает данные репрезентации, добавляя к ним новые: *«решение проблем за чаем»*, *«чай как основа уюта и домашнего хозяйства»*, *«чай как часть национальной культуры»* (в данном случае английской). Все сказанное позволяет сделать вывод, что репрезентации концепта «чай» в данном произведении могли служить основой как для формирования данного лингвокультурного концепта в концептосфере современного русского языка, так и для формирования художественного концепта «чай» в русской литературе последующего периода.

Список литературы

1. Аввакумова Н.В., Бурдин И.В. Понятие «концепт» в литературоведении // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т.12. №7. Тамбов, 2019. С. 97–100.
2. Вайль П., Генис А. Русская кухня в изгнании. М.: Независимая газета, 2002. 103 с.
3. Куприянова Е.Н., Назаврова Л.Н. Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману // История русского романа. В 2 т. Т.1. М.: Изд-во академии наук СССР, 1962. С. 66–100.
4. Цзоу С. Национально-культурная специфика концепта «чай» и ее учет в обучении русскому как иностранному китайских студентов // Известия РГПУ им. Герцена. №1. СПб: РГПУ им. Герцена, 2007. С. 437–441.

Список источников

1. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. М.: Сов. Россия, 1983. 512 с.

УДК 821.161.1

**Реализация автобиографического потенциала в повести
О. Волконской «Пермская рябинка»**

Бурдина Светлана Викторовна

д. филол. н., зав. кафедрой русской литературы Пермский государственный
национальный исследовательский университет РФ, Пермь
swburdina@rambler.ru

Мельничукова Светлана Владимировна

аспирант кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный
исследовательский университет, РФ, Пермь
melnicukova@psu.ru

**Realization of autobiography potential in story
of O. Volkonskaya "Perm tansy"**

Burdina Svetlana Viktorovna

Head of Russian Literature Department Perm State University
Russia, Perm

Melnicukova Svetlana Vladimirovna

post-graduate student of Russian literature department
Perm State University, Russia, Perm

Аннотация. В статье анализируются особенности прозы малоисследованной русской писательницы О.А. Волконской. Рассматривается художественное своеобразие самого известного произведения самобытного автора – повести «Пермская рябинка». На материале повести выявляется специфика репрезентации автобиографического и мемуарного, объективного и субъективного, национального и универсального начал в творчестве О. Волконской. Показывается, как происходит осмысление человеком индивидуально-личностного жизненного пути в контексте переживаемого им исторического времени, судьбы целого поколения.

Ключевые слова: О.А.Волконская; автобиографическое начало; повесть, проза; писатели-эмигранты

Abstract. In the article we analyze prose of little-known Russian author O.A. Volkonskaya learning about artistic originality of the most famous work of this author called "Perm tansy". Looking to the material of story we have find specifics of representation of autobiography, memoirs, objective and subjective, national and universal principals in works by O. Volkonskaya. We have studied how a person thinks about individual way of life in the context of historical époque and the destiny of generation.

Key words: O. Volkonskaya, biography principals, story, prose, writers-emigrants

Уникальность творчества О. Волконской обусловлена как необычностью личной судьбы писательницы, так и ее блестящим литературным даром. Как отмечает современный исследователь, «социальный статус Волконской можно определить

двумя характеристиками – “представительница эмиграции” и “репатриантка”» [2, с. 216]. Центральная тема повести «Пермская рябинка» – тема возвращения на родину – основная в творчестве Волконской. И не только, конечно, в творчестве. В первую очередь – в жизни и судьбе. Вынудив Волконскую покинуть родину, судьба впоследствии вернула ее обратно; именно этим фактом во многом оказались продиктованы особенности ее миропонимания, восприятия действительности, в полной мере отразившиеся в индивидуально-авторском стиле, специфике творчества, автобиографичности повествования. Увезенная за границу четырехлетним ребенком в 1920 году, О. Волконская жила в Турции, Франции, Аргентине и, незадолго до возвращения в Россию, – в Чехословакии. Осуществить мечту и вернуться на Родину ей удалось только в 1960 году. Повесть «Пермская рябинка», эта вторая, вышедшая в 1966 году в Советском Союзе книга писательницы (первая – «Фиалки и волки»), особенно значима и для понимания той роли, которое играет автобиографическое начало в художественном тексте О. Волконской.

Кто бы из критиков ни обращался к этому произведению, обязательным для всех было стремление провести параллель между жизнью и представлением о мире О. Волконской и главного героя повести «Пермская рябинка» – аристократом-эмигрантом Александром Григорьевичем Хованским. И это несмотря на активные протесты самой О. Волконской. На несовпадение героя и автора указывает писательница, в частности, в предисловии к книге: «...повесть не автобиографическая. В мыслях, чувствах, поведении ее героя не следует искать аналогий с судьбой автора» [1, с. 2].

И тем не менее повесть «Пермская рябинка» имеет ярко выраженный автобиографический характер. Своеобразие автобиографического начала в произведении точно определила Н.Б. Лапаева. «Запечатленные автором душевные переживания героя есть проекция её собственного внутреннего мира», – пишет исследователь [2, с. 217]. Автобиографический характер повести очевиден хотя бы уже потому, что главный герой, как и автор, – эмигрант, а основной мотив произведения, который так или иначе постоянно присутствует в тексте, – это мотив эмиграции.

Тема миграции, эмиграции и репатриации, которая стала основной в повести, глубоко и разносторонне исследована историками, культурологами, социологами и, конечно, литературоведами. В литературе о писателях, покинувших свою страну, встречаемся с терминами *эмигрант* и *эмиграция*. По словарю В.И. Даля, «эмиграция – выселение, высел, переселение, выход на чужбину, в новое отчество» [1, с. 730]. По

словарю С.И. Ожегова, «эмиграция - вынужденное или добровольное переселение из своего отечества в другую страну по политическим, экономическим или другим причинам» [3, с. 2274]. Вспомним и значение термина «репатриация»: «репатриация – возвращение на родину военнопленных, гражданских пленных, беженцев, переселенцев» [3, с. 1684–1685].

Автор «Пермской рябинки» стремилась уйти от проявления параллелей между своей судьбой и судьбой главного героя, тщательно маскировала автобиографичность произведения. Вероятно, именно по этой причине главным героем повести стал мужчина нетворческой профессии: Хованский, как узнает читатель, – бухгалтер. Безусловной заслугой О. Волконской является тот факт, что, создавая портрет типичного эмигранта, автор выходит на глубокое обобщение. Мужчина среднего возраста (46 лет), Хованский Александр Григорьевич, в раннем детстве был увезен из революционно настроенной России. Он эмигрант. Большую часть своей жизни он провел вдали от родины, в Уругвае, и теперь возвращается в Советский Союз, на Урал, в город Пермь. Как и автор произведения. Мысли, переживания, волнение, удивление Хованского не оставляют читателя равнодушным. Не может не вызвать интерес и то, какую видится Хованскому Россия.

В повести «Пермская рябинка» описан один день из жизни в России князя Хованского. Этот день, наполненный разнообразными встречами, новыми впечатлениями, показан как поворотный в жизни эмигранта, возвратившегося на родину и находящего свой новый «дом» в уральском городе. Проживший долгое время вне России, Хованский был буквально сражен тем миром, в котором он оказался. «За спиной остались теплынь, зелень, апрельские сочные луга и деревья в цвету. Здесь, сделав шаг, я вступил в замерзшую лужу, и мне почудилось, что весь воздух льдисто колется и хрустит» [Волконская 1966: 3].

О. Волконская подробно описывает чувства своего героя: удивление, восхищение, разочарование, фиксирует все его впечатления, и здесь мы сталкиваемся с тем, что Т.Ю. Черкашина называет «авторской самоцензурой, которая выражается в выборочной подаче мемуарного либо автобиографического материала» [4, с. 188]. Оказавшись новым членом семьи Рыбаковых, где он временно поселился, Хованский удивлен тем, насколько гостеприимна, щедра и заботлива хозяйка дома Софья Андреевна. Человек, с которым герой был знаком лишь несколько часов, пригласил в гости: «Он позвал меня не из вежливости, не из любопытства. Он будет доволен, если я в самом деле приду. И, наверное, завтра же, как обещал, поговорит с начальством о работе для меня. Первое впечатление не обмануло меня: мы с Димой друзья до сих

пор» [1, с. 130]. Хованский ощущает поверхностный характер своих познаний в области русского быта, и подтверждение этому находит буквально на каждом шагу: «В Латинской Америке завтрак – это чашка кофе с молоком и одна-две слоеные булочки с поэтическим названием «медиалюна». Здесь передо мной дымился жареный картофель, теснился пирог с капустой, романтичные уральские шаньги и традиционный чай, поданный в стакане с невиданным мною приспособлением, именуемым подстаканником» [1, с. 47–48]. Отношение людей удивляет героя, отогревает замороженную душу; эта возникающая внутренняя теплота подчеркивается в повести и через контраст с холодной уральской погодой.

Перед Хованским постепенно открывается новая Россия. Во многом это происходит благодаря Стеклову, который такой же эмигрант. «Приглаживайте ко всему внимательно, но не спешите с выводами. Вы не представляете себе, насколько в другой мир вы попали. Другой быт, другие устремления и цели, обычаи и традиции, все, все другое. И исходная точка другая. Кое к чему вы не привыкнете. А многое, что вас резанет, будет изживаться у вас на глазах» [1, с. 119]. Хованский рад знакомству с этим человеком похожей судьбы: «Значит, мы с вами, можно сказать, родня. Вы – репатриант с берегов Южной Атлантики, я – с Тихого океана. Сейчас мы оба – пермяки, почти такие же, как Дима, который здесь родился и вырос. И, если вам нужна помощь... или просто вас что-то интересует – пожалуйста!» [1, с. 112]

Лейтмотивом повести «Пермская рябинка» является вопрос, который постоянно задает главный герой: «Скажите: как вы живете?» [1, с. 73]. На свой вопрос Хованский получает ответ. «Как мы живем? – переспросила она с чрезвычайно искренним выражением готовности, словно взвешивая, как поточнее ответить. – Так вдруг всего и не скажешь... В общем, хорошо живем. Бывает и трудно. А в общем – грех жаловаться. Хорошо» [1, с. 73]. Советская жизнь, несмотря на все свои реальные сложности, представляется главному герою прекрасной, ведь все советские люди трудятся на общее благо, восстанавливают страну после войны. Образ советской жизни в повести окончательно формируется через сопоставление жизни в СССР с жизнью западной.

Герой Волконской предстает в повести как человек западного мира. В эмиграции он не чувствовал себя свободным, холодно относился к отношениям, у него нет собственной семьи, детей, даже близких друзей. Знакомого, который его провожает на далекую родину, герой характеризует так: «высокий покровитель и партнер по бриджу» [1, с. 2]. Эта деталь значима, она помогает автору выразить дорогую для нее мысль о том, что в капиталистическом обществе не может быть таких

искренних чувств, как дружба и любовь. Советские же люди показаны в повести как открытые и искренние. Бездуховность Запада проявляется и в таком качестве героя, как его неприязнь к детям; причем Хованский замечает, что на Западе, где главным в жизни людей являются лишь деньги, это обычное явление: «На Западе это душевное увечье так же обычно, как туберкулез или грипп. Ведь дети там – роскошь и бремя, их заводят либо в обеспеченных семьях, либо, напротив, те, кому не по средствам тайный аборт. Дети портят обстановку, отнимают уйму времени и, главное, требуют денег, денег, денег...» [1, с. 2].

Для современного читателя повесть О. Волконской имеет уже во многом историческое значение. Писательница с любовью воспроизводит в ней облик Перми начала 1960-х годов, останавливает свой взгляд на наиболее значимых объектах города, наиболее приметных его чертах. Так, Хованский приходит за документами в легендарную «башню смерти», вызывающую страх у жителей города: «Это ведь то же самое учреждение – НКВД!» [1, с. 60]. Зная о допросах и пытках, которыми «прославился» НКВД, Хованский приходит туда в напряженном состоянии. Однако уже сама обстановка в кабинете, куда он был приглашен, разрушает его ожидания: «Продолговатая комнатка выглядела чрезвычайно уютно. По бокам круглого столика с раскрытыми журналами стояло два кресла, обитых светлым кретоном цветочками, с оборкой до полу. Над широким диваном с такой же оборочкой тянулась полированная двойная полка. Веселенькие стены с блестящим накатом отлично гармонировали с мебелью. Не хватало только кружевных штор да вязаных салфеточек» [1, с. 65]. Страх перед органами КГБ исчезает, герой отмечает общую благожелательность, интеллигентность сотрудников. Позиция автора отражается и в характеристике официальных лиц, с которыми сталкивается Хованский. «Все мои ожидания, сравнения и догадки плескались снаружи, на глади души. Внизу же, в густой синеве, катились волны глубинного течения: странной радости, захлестывающей разум и волю. Сумасшедший восторг, известный лишь тем, кто после страшно долгой разлуки возвращается на родную землю...» [1, с. 78].

Среди описанных в повести локусов Перми находим и набережную реки Камы, и Комсомольский проспект, и парк Горького. Все эти самые красивые места города Хованский посещает, любит ими. «Меня до сих пор развлекает эта вечная шуточка Закамья: издали крутой берег, чуть ли не вертикальный, вблизи – равнина, пологая, гладкая. ... Справа Кама тоже изгибалась и исчезала за поворотом лесистых холмов. Но, неожиданно, не ее спокойная красота, пронизанная непривычно бледным

сиянием северного солнца, разбредила мне душу, а нечто совершенно иное...» [1, с. 107].

Хованский знакомится с городом, который, символизируя для него новую жизнь, открывается и в новой своей красе. Гуляя по новому микрорайону Балатово в сопровождении десятилетней дочери Рыбаковых Люси, он видит не только старые дома, но и новостройки, причем обращает внимание на то, насколько интенсивно ведется строительство. Даже двойные рамы на окнах поражали Хованского, привыкшего к тому, что «блеск, красота и чистота сосредоточены в центре, а чем дальше к периферии, тем неказистее становится все: дома, улочки, природа» [1, с. 56]. Балатово, эту маленькую часть большой Перми, Хованский невольно сравнивает с окраинами уругвайской столицы, и сравнение оказывается в пользу Перми. Многие реалии города он видит впервые, что расширяет его культурный и бытовой кругозор.

Упоминание в повести локуса Балатово, конечно же, не случайно. Этот район стал для О. Волконской любимой частью города, местом, где она часто гуляла, наслаждаясь природой. Балатовский лес был связан для автора «Пермской рябинки» и с памятью о брате Владимире:

*Мой брат, мой верный друг!
Давным-давно не дети,
Успели мы устать. Мне кажется порой,
Что не семнадцать лет, а несколько столетий
С тобою мы идем, всегда рука с рукой.
Забавы, и труды, и грусть – у нас все вместе.
И все ж расстаться нам должна прийти пора,
Но ты тогда, мой брат, скажи своей невесте,
Что у тебя была любимая сестра.... [2, с. 137]*

Локус Балатово возникает и еще в одном тексте О. Волконской – поэтическом, также посвященном брату Владимиру:

*Приходи ко мне в гости, Володя,
Посидеть, помолчать, погрустить.
Может быть, поболтать о погоде,
О кино, о стихах, может быть.
И возьми меня этой весною
В свой Балатовский лес, к роднику,
Я туда не попала с тобою,
Но теперь непременно смогу.*

*Ты – о трудном своем переводе,
Я – о сложных задумках своих.
Побеседуем тихо, Володя,
Словно в вечность,
Смотрясь в твой родник [2, с. 137].*

Первое восприятие родины у каждого человека свое. Стеклов объясняет Хованскому, что каждый находит то, что ищет. «Желаете тепла? Будет тепло. Вам нужна родина? Получайте. Хотите чужие судьбы вершить? Будут вам общественные поручения. Вроде как в сказках, помните» [1, с. 118]. Понятно, что любому человеку сложно принять решение вернуться на Родину, когда уже образовался другой социальный опыт, трудно приспосабливаться к новой стране, вписываться в новый культурный и политический контекст. Стеклов напоминает герою: «Вам, товарищ, возвращена родина, огромная, необозримая. Так сказать – макрородина. Но, чтобы почувствовать себя по-настоящему дома, вам нужна ещё микрородина. Нужно пустить корни в землю, ветки – в небо. Посадить собственную рябину и смотреть, как она будет расти» [1, с. 143].

Для Хованского СССР – «макрородина», а рябинка – «микрородина». Символ рябины – центральный в книге, не случайно он вынесен в название: своеобразным общеуральским гимном стала в эти годы песня «Уральская рябинушка», написанная свердловчанином, уроженцем Лысьвы Евгением Родыгиным и постоянно исполнявшаяся Уральским народным хором. Выращенную рябинку можно воспринимать как символ обретения духовной причастности к малой родине.

О. Волконская в повести «Пермская рябинка» пользуется метафорическим языком, характерным для того периода советского времени, когда произошел скачок из «хранилища старых вещей» [1, с. 116] в живую стихию. Советский Союз в описании О. Волконской предстает как дружественная для эмигрантов страна, с радостью принимающая изгнанников в ряды полноценных советских граждан. Страна, где царит свобода, уважение к правам человека, где чтут демократические ценности. В повести «Пермская рябинка» нет упоминаний ни о страшном сталинском терроре, ни о концлагерях. Образ Советского Союза дан в повести через противопоставление западному миру, который представлен как неискренний, лживый, полный разврата. Проблема, которую О. Волконская поднимает в повести, – это противостояние СССР и Запада, противостояние двух идеологий. Об этом говорит и время создания повести, 1966 год, – второй период Холодной войны. Писатели-эмигранты в созданных ими художественных автобиографических произведениях не просто воспроизвели и

осмыслили главные события своей жизни с ее уникальными эмоциональными переживаниями и мировоззренческими установками, но выразили общий социально-нравственный опыт своего поколения. Не стало исключением и самое известное произведение О. Волконской – повесть «Пермская рябинка», которая до сих пор воспринимается читателями как пронзительное символическое описание обретения любви и духовной причастности к малой Родине и культурному наследию Прикамья. Основная функция символа рябинки в повести Волконской – постоянно напоминать герою о родине, о необходимости сохранять духовную связь с ней.

Список литературы

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: ЭКСМО-пресс, 2000. – 736 с.
2. Лапаева Н.Б. Пермь как дом в эмигрантской судьбе и творчестве Ольги Волконской: попытка обретения // Пермский дом в истории и культуре края: Материалы науч.-практ. конф. 19 декабря 2008 г. / МУК ОМБ Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина; Сост. и ред. Т.И. Быстрых. – Пермь, 2008. – С. 216–220.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд. – М., 2006. – 944 с.
4. Черкашина Т.Ю. Мемуарная литература: синтез мемуарного и автобиографического начал // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 1 (134). – С. 187–191.

Список источников

1. Волконская О.А. Пермская рябинка. – Пермь : Кн. Изд-во, 1966. – 145 с.
2. Волконская О.А. «О.А. Волконская. Автобиография» / ГАПК. Ф. 1628 Оп. 1. Д. 1. Л. 23.

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 398.2 (=551.1)

Вклад семьи Никиты Ивановича Ерныхова в сбор и фиксацию хантыйского фольклора

Ерныхова Ольга Даниловна

начальник фольклорного центра

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок

Ханты-Мансийск

urnhop@yandex.ru

Contribution of Nikita Ivanovich Ernikhov's family in the collection and fixation of Khanty folklore

Ernykhova Olga Danilovna

head of folklore center

Ob-Ugric institute of applied researches and development, Khanty-Mansiysk

Аннотация. Настоящее исследование посвящено истории сбора и публикации фольклора на территории Казымского сельского совета в советский период. Далеко не в каждой семье понимают ценность древних сказаний, народных сказок, интересных слов и выражений родного языка. Но когда фольклорные произведения членами одной семьи достаточно грамотно записываются, документируются и публикуются в период создания и становления хантыйской письменности – эта деятельность по сбору и фиксации фольклора является неоценимой. Примером такого творчества можно назвать семью Никиты Ивановича Ерныхова из села Казым Березовского (ныне Белоярского) района Ханты-Мансийского автономного округа.

Ключевые слова: хантыйский фольклор, семейная традиция, сказка, становление хантыйской письменности.

Abstract. This study is devoted to the history of collecting and publishing folklore on the territory of the Kazym village Council in the Soviet period. Not every family understands the value of ancient tales, folk tales, interesting words and expressions of the native language. But when folklore works by members of one family are quite competently recorded, documented and published in the period of creation and formation of Khanty writing - this activity of collecting and fixing folklore is invaluable. An example of such creativity can be called the family of Nikita Ivanovich Yernikhov from the village Kazym Berezovsky (now Beloyarsk) district of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug.

Key words: khanty folklore, family tradition, fairy tale, formation of Khanty writing.

Истории исследования и сбора произведений хантыйского фольклора и их публикации посвящена диссертация Т. В. Волдиной, в которой особое внимание уделяется неизвестному прежде в науке направлению в изучении фольклора хантов [1]. В исследовании Т. В. Волдиной подвижническая деятельность семьи Н.И. Ерныхова по сбору хантыйского фольклора упоминается частично, в контексте работы хантыйского журналиста И. Н. Ерныхова и кандидата филологических наук

В. Н. Соловар. Проблемам собирания и изучения письменных традиций в масштабах одной семьи посвящена статья И.А. Разумовой. Она утверждает, что «семья в аспекте данной темы должна рассматриваться как коллективный носитель традиции, создающий собственное культурное пространство» [2].

В данном исследовании в качестве источников используются документы из личного семейного архива В. Н. Соловар, окружной газеты «Ханты ясанг» за 1957-1958 годы, а также документы из госархивов Ханты-Мансийского автономного округа и Тюменской области.

Никита Иванович Ерныхов (1898-1976) родился в юртах Амня Березовского уезда. Согласно архивным документам, на начало 1930-х годов он входил в состав Амнинского юртового объединения, его семья в то время насчитывала 6 человек, «преимущественным родом его деятельности являлась охота» [3. С. 50].

Никита Иванович был сторонником хантыйских традиций – он придерживался консервативных взглядов, являлся исполнителем священных песен обрядового комплекса обских угров «Медвежий праздник». В советский период времени этот ритуальный праздник казымских хантов по случаю добычи медведя в целях «борьбы с религиозными предрассудками» был под запретом, но все же «тайно» проводился населением. Организация казымскими хантами этого обрядового праздника контролировалась представителями власти и лицами, отвечающими за агитационную работу на селе [4. Л.1-4]. После проведения праздника местным населением в сельский совет поступали списки участвовавших в обряде хантов, и с этими людьми проводилась разъяснительная «работа по искоренению древних обычаев». В этих списках также упоминается и имя Н.И. Ерныхова.

Сказки, загадки, песни, исполняемые Никитой Ивановичем Ерныховым, начинают фиксировать на бумагу его шестеро детей. Записи производились ими в блокнотах, ученических тетрадах, а иногда и просто на оберточной бумаге. Часть записанных ими фольклорных текстов была опубликована в окружной газете «Ленин пант хуват», выходившей на хантыйском языке, а позже в различных фольклорных сборниках и учебных пособиях. Кроме этого, семьей записывались и собирались отдельные слова с переводом на русский язык для хантыйско-русского словаря.

Старший сын – Ерныхов Алексей Никитич (1925-1954) собирал хантыйский фольклор еще со школьной семьи. В Казымской школе, в избах-читальнях сельского совета (Кислор, Выргим, Хуллор) периодически выпускалась стенная газета, которая выходила на хантыйском и русском языках. Материалы в газету писались от руки, специального типографского оборудования не было. В ней располагались статьи,

имеющие отношение к деятельности культбазы, публиковались сказки и загадки на хантыйском языке. Стенные газеты воспринимались населением как безусловная часть периодики, и несли те же функциональные обязанности, что и советско-партийная пресса. Авторы заметок и статей пользовались огромным авторитетом у местного населения.

В семейном архиве В. Н. Соловар сохранилась записная книжка дяди, Алексея Никитича – самого старшего из сыновей Н. И. Ерныхова. Записи в ней велись с 1946 года, с того времени, когда Алексей Никитич поступил в Салехардский зооветеринарный техникум. В блокноте записана сказка «Ими-хилы». Фольклорное произведение написано на кириллице, используется знак л с апострофом для обозначения звука – [л]. Отрадно то, что уже с середины 1950-х годов существовали попытки обозначить специфичные фонемы хантыйского языка. Надо отметить, что семнадцатилетним юношей Алексей Никитич был призван в конце 1944 года в действующую армию и до мобилизации 1945 года воевал на фронте. В документах Казымской культбазы послевоенной поры его фамилия непременно сопровождалась значимой на то время характеристикой – «фронтовик».

Старшая дочь – Ерныхова Анастасия Никитична (1928-1985) закончила 7 классов Казымской школы, работала всю жизнь в совхозе «Казымский». Вела записи хантыйского фольклора в школьных тетрадях, зафиксированные ею сказки были обработаны и опубликованы д.ф.н, В.Н. Соловар в сборнике «Мифы, предания, сказки хантов и манси», составителем которого является Н.В. Лукина [5. С. 211-213,255].

Эти же сказки помогала записывать и средняя дочь – Ерныхова Анна Никитична (1934-1983). Ею записанные сказки также вошли в вышеназванный сборник под наименованиями «Золотой конь» и «Богатырь, росший три дня» [5. С. 244-249]. После окончания Ханты-Мансийского педагогического училища она работала учителем в Казымской школе, затем после болезни работала «избачом в избе-читальне» д. Кислор. В то время эти клубные учреждения были центром просвещения в деревнях. Они проводили большую образовательную работу среди населения, выпускали стенные газеты (в том числе и на родном языке), выдавали книги и журналы из библиотеки, организовывали культурный досуг в деревне, по сути, выполняя те же функции, что и в настоящий момент осуществляют сельские дома культуры и библиотеки. Одной из главных задач изб-читален была «ликвидация безграмотности» населения.

Средний сын – Ерныхов Данил Никитич (1930-1999) после окончания семилетней Казымской школы закончил 10 классов в средней школе с. Октябрьское. В 1955 году закончил курсы моториста в г. Ханты-Мансийск, всю жизнь проработал в совхозе «Казымский». В 1950-х годы он активно сотрудничал с газетой «Ленин пант хуват», работая внештатным корреспондентом. У него выходят статьи о работе избчитален, других учреждений Казымской культбазы [6. С. 3]. Позже, в 1990-х годы, он писал небольшие этнографические рассказы о жизни и быте охотника-промысловика. Эти небольшие произведения были опубликованы В.Н. Соловар в учебном пособии для студентов, осваивающих родной (хантыйский) язык [7. С. 12].

Стремление записывать фольклор хантов было и у младшей дочери Никиты Ивановича – Полины Никитичны (1938-1969). Она работала учителем начальных классов в д. Юильск Березовского (ныне Белоярского) района и скрупулезно в своем дневнике записывала историю деятельности и жизни сельской учительницы, которая обучала детей грамоте. На страницах дневника отражены внутренние переживания, надежды и упования на то, что потомки обязательно продолжат дело, начатое членами семьи по документированию хантыйского фольклора. Полина Никитична также активно сотрудничала с хантыйской газетой «Ленин пант хуват» и публиковала статьи на хантыйском языке. Кроме этого, она была занята общественной деятельностью – была «агитатором» во время выборных кампаний. Задачей агитатора в советский период была организация встреч с избирателями, чтобы дать полное представление о предмете голосования. Как стало известно из материалов о состоянии агитационно-пропагандистской работы в Березовском районе, Полина Никитична была названа «одной из лучших агитаторов в Березовском районе» [8, Л.12].

Младший сын Никиты Ивановича - Ерныхов Иосиф Никитич (1939-1961), наряду со сбором хантыйского фольклора, был связан и с литературным творчеством. Он в конце 1950-х годов работал корреспондентом в газете «Ленин пант хуват». Иосиф Никитич публиковал сказки на хантыйском языке, писал стихи. Его деятельность по сбору и публикации фольклора отмечена в монографии Т.В. Волдиной «Хантыйский фольклор: история изучения». Она указывает И.И. Ерныхова в списке первых собирателей хантыйского фольклора, публиковавшихся с момента основания газеты [9. С. 65-66]. В этой же книге в «Указателе публикаций по фольклору хантов в периодических изданиях» в перечне опубликованных фольклорных материалов его нет [9. С. 218-238]. Надо сказать, что в указателе

представлено преобладающее количество собирателей фольклора с реки Казым и отчасти с территории полноватского Приобья.

В семейном архиве В. Н. Соловар также сохранились хантыйские сказки, записанные И. Н. Ерныховым. Записям уже более 70 лет, но они отлично сохранились. Одна из сказок «Жирный кулик», которая вошла в фольклорный сборник «Мифы, предания, сказки хантов и манси», составителем которого является Н. В. Лукина. Иосиф Никитич хантыйский фольклор стал публиковать в газете «Ленин пант хуват» еще в студенческие годы, причем некоторые сказки были подготовлены и опубликованы совместно с В. Китуровым. Этот собиратель фольклора учился в то время вместе с И.Н. Ерныховым в Ханты-Мансийском национальном педагогическом училище на четвертом курсе. В последующих публикациях хантыйского фольклора имя В. Китурова уже не упоминается. В хантыйской газете «Ленин пан хуват» Иосиф Никитич также публиковал статьи, посвященные попытке анализа хантыйских сказок с точки зрения правящей идеологии. Очевидно, такие статьи делались журналистами в целях пропаганды советского образа жизни «по заказу сверху» [10. С. 3]. И.Н. Ерныховым совместно с В. Китуровым были опубликованы такие сказки, как «Мутраинг хон митхо» [11. С.2], «Хутым номсынг янсынг» [12. С. 3], «Хатысат номыс юр нумпие питыс» [13. С. 3] и др.

К сожалению, жизнь троих детей Никиты Ивановича прервалась очень рано из-за болезней и несчастного случая. Но все они без исключения оставили яркий след в истории сбора и публикации хантыйского фольклора. Их дело продолжили потомки: В.Н. Соловар, С.Д. Дядюн, О.Д. Ерныхова. Валентина Николаевна Соловар – доктор филологических наук, автор более ста научных статей, пяти монографий, пятидесяти учебно-методических пособий и учебников. Дядюн Светлана Даниловна – автор более 40 статей по теории хантыйского языка и фольклористики, составитель нескольких фольклорных сборников. Ерныхова Ольга Даниловна – автор монографии и более 30 статей по этнической истории и хантыйской фольклористике.

Таким образом, можно констатировать, что данная семейная письменная традиция, передаваемая по одной линии родственников, внесла весомый вклад в историю сбора хантыйского фольклора в условиях становления и развития письменности, объединила семью, способствовала ее самоидентификации, интеграции родственного коллектива в пространстве и времени. Подобный анализ деятельности по сбору и фиксации фольклора в масштабах одной хантыйской семьи может стать основой для дальнейшей работы по этнической истории, истории

отечественной фольклористики, а также воссоздания картины мира хантыйского человека.

Список литературы

1. Волдина Т.В. История изучения хантыйского фольклора ((XIX-XX вв.) :автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.07. - Томск, 2000. - 18 с.
2. Разумова И.А. Письменные традиции современной семьи: проблемы собирания и изучения// «Наивная литература»: исследования и тексты. Сост. С.Ю. Неклюдов. М..2001. С.93-115.
3. Касум-ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Под редакцией А.В. Головнева. 1993. 112 с.
4. Архивный отдел АМО «Белоярский район». Ф.4, Оп. 1, Д. 25 . Л. 1 – 4.
5. Мифы, предания, сказки хантов и манси. Пер. с хантыйского, мансийского, немецкого языков. Сост., предисл. и примеч. Н.В. Лукиной, под общей редакцией Е.С. Новик. М., 1990.- 568 с.
6. Ерныхов Д. Н. Кислор курт изба-читальня томанны лап тухырма// Ленин пант хуват, 11 декабря 1958.
7. Хӑнты путрӑт. Сост. В.Н. Соловар. Ханты-Мансийск. 1994. 26 с.
8. ГА ОПОТО, Ф.п 107, Оп.1, Д. 712. Л. 12.
9. Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск. 2002.- 258 с.
10. Ерныхов И.Н., Китуров В. Там моньсь си отынгны...// Ленин пан хуват. 22 декабря. 1957.
11. Ерныхов И.Н.,Китуров В. Мутраинг хон митхо// Ленин пант хуват. 8 декабря 1957.
12. Ерныхов И.Н., Китуров В. Хутым номсынӑ янсынӑ// Ленин пант хуват. 1 декабря 1957.
13. Ерныхов И.Н., Китуров В. Хатысат номыс юр нумпие питыс// Ленин пан хуват. 19 января 1958.

УДК 82.091

Тематические и формотворческие доминанты современной мордовской повести

Левина Наталия Николаевна

канд. филол. наук, доцент кафедры финно-угорской филологии
ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева», РФ, г. Саранск
LEV.NataliyaN@yandex.ru

Thematic and formative dominants of modern Mordovian novella

Levina Natalia Nikolaevna

Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor of Finno-Ugric Philology
FGBOU VO "The N.P.Ogarev MGU", Saransk, Russian Federation

Аннотация. В статье рассматриваются формотворческие тенденции и тематический диапазон мордовской повести современного периода: поэтическая структура, особенности сюжетно-композиционных вариаций, находки в области решения конфликтов, расширение идейно-тематических границ, углубленный психологизм в раскрытии персонажной сферы, новаторские поиски в области стиля, принципы воплощения авторской позиции, формы художественного обобщения.

Ключевые слова: повесть, жанр, структура, композиция, сюжет, персонаж.

Abstract. The article deals with the form-making tendencies and thematic range of the Mordovian novella of the modern period: poetic structure, features of plot-compositional variations, findings in the field of conflict resolution, expansion of ideological and thematic boundaries, in-depth psychologism in the disclosure of the character sphere, innovative searches in the field of style, the principles of the embodiment of the author's position, forms of artistic generalization.

Keywords: novella, genre, structure, composition, plot, character.

Литературный процесс рубежа столетий, эпохи переходной, переломной в сознании общества, отличается напряженными творческими поисками мордовских писателей. Коренные преобразования в современном обществе, переосмысление многих жизненно важных вопросов, перестройка ритма жизни и быта существенным образом расширили диапазон художественных возможностей мордовской литературы, что требует новых литературоведческих подходов и дальнейшего мониторинга.

Широкий круг вопросов, связанных с углублением в социально-нравственные явления жизни, новым подходом к изображению характера личности, скрупулезным познанием духовного мира человека, находит реализацию в одном из наиболее мобильных жанров современной прозы – повести, в развитии которой на рубеже двух столетий отчетливо прослеживаются новые эстетические и художественные тенденции.

Мордовская повесть сегодня вправе гордиться своими высокими художественными достижениями, своим заметным и неповторимым вкладом в сокровищницу национальной литературы, известностью таких художников, как А. Щеглов, Ф. Пьянзин, М. Брыжинский, М. Сайгин, Г. Пинясов, А. Тяпаев, М. Моисеев, В. Радин, И. Кудашкин, В. Мишанина, Ю. Кузнецов и др. Пройдя сложный путь развития, формируясь на традициях русской классической и мордовской литературы, повесть современного периода остается национально неповторимой, отражающей насущные и острые общеисторические, нравственные проблемы.

На данном этапе эволюция жанра представляет собой творческие поиски и новаторство в структурно-композиционном плане, области художественно-выразительных средств, обогащении языка и стиля произведений, что отмечается в работах национальных исследователей [1, 2, 5, 7]. Повесть рубежа веков развивает более живую, подвижную композицию. Авторы нарушают хронологию сюжетного времени, активно включают в художественный нарратив отступления лирического и философского характера, ретроспективное, биографическое время героев, что имеет немаловажное значение для жанровой структуры произведений. Отсутствие четко выраженных формальных границ жанра влечет за собой возможность использования мотивов поэтики произведений самых разнообразных как по форме, так и по содержанию. Повесть примечательна «...новаторскими находками в области решения конфликта, стилевыми поисками и ранее неизвестными мордовской литературе принципами художественного воплощения концепции личности..., формами художественного обобщения, стремлением к нравственной психологической глубине, отражением многогранных связей человека и общества, человека и времени. Произведения этих авторов роднит чувство исторической перспективы, поиски путей к тайникам человеческой души, к охвату ведущих тенденций, которые характеризуют время в его социальных и философских измерениях» [6, с. 4].

Обращаясь к вопросу о жанровых формах, следует подчеркнуть, что очень часто типы повестей представлены в сложном взаимодействии и взаимопроникновении: психологической, к примеру, может быть и лирическая, и социально-бытовая и другие виды повести. Тем не менее можно выделить следующие разновидности современной мордовской повести: лирическая, социально-бытовая, лирико-философская, документальная, фантастическая, психологическая, автобиографическая и др. Любая из них возводится по своим особым, эстетически определенным и одновременно индивидуально неповторимым «проектам».

Опираясь на традиции предшественников, писатели современной эпохи В. Радин, Г. Пинясов, И. Кудашкин, А. Тяпаев, А. Доронин, М. Моторкин, В. Мишанина, М. Моисеев, М. Брыжинский, Т. Баргова, Е. Терешкина и другие продолжают активный творческий поиск новых художественных возможностей, способствуют расширению тематического диапазона произведений. Вследствие этого поэтическая структура повести весьма многообразна. Она может избрать форму монолога, диалога, размышления-исповеди, лирических и философских отступлений и т. д. Новые формотворческие тенденции нашли отражение в повестях В. Радина «Явление апостола», «Большие котлы», М. Брыжинского «Кирдажт» («Ровесники»), И. Калинкина «Васоло ки лангсо», («На дальней дороге»), А. Тяпаева «Ерофеень ярмаконза» («Деньги Ерофея»), «Эши» («Колодец»), М. Моисеева «Оду аф нийсамасть» («Больше меня не увидите»), Е. Терешкиной «Сай акша лишмоса» («Прискачет на белом коне»), Г. Пинясова «Лунданонь локшец» («Кнут Лундана»), «Акша тяште» («Белая звезда»), «Суркс» («Кольцо»), В. Мишаниной «Вайбоколь» («Комок масла»), Е. Четвергова «Эрязденть арсець» («Размышляя о прожитом»), Т. Барговой «Паз, простямак!» («Господи, прости!»), «Течи, ванды, свал» («Сегодня, завтра, всегда») и др.

На современном этапе, преемственно продолжая интерпретацию жизненных явлений, писатели раскрывают новые пласты, новые глубины, новые грани народной жизни, задаются целью создания углубленного психологически достоверного характера, раскрытия его социальной и индивидуальной сферы деятельности. Герой осмысливается прозаиками в нравственно-философской концепции человека, для которого характерны трудовая основа жизни, надежность, жизнестойкость, борьба со злом, верность общечеловеческим нормам морали. Прозаики обращаются к самым злободневным проблемам, исследуют их, находясь на верном пути познания характера человека, раскрытия сложнейших взаимоотношений с обществом. На этой основе авторы добиваются яркой выразительности в стиле, языке, многие из них создают повести, которые увлекают, убеждают современного читателя правдивостью воплощения жизни, глубиной раскрытия характера человека новой эпохи.

Наличие сложных форм художественного изображения не исключает углубление и расширение идейно-тематического аспекта изображения национальной действительности. Многие темы и проблемы социальной и духовной жизни общества, которые раньше были не ко времени и как бы отодвигались более насущными вопросами, в настоящее время, отвечая цели наиболее полного раскрытия личности, вновь обрели свою актуальность и значимость. В литературе последних десятилетий

тесно переплетаются и традиционные, и новые темы, проблемы нашей исторической, экономической, социальной и духовной жизни. Прозаики, следуя новым критериям художественного исследования жизни, «раскрепостили» табуированные темы, «оживили» сюжет повествованием об интимно-семейной сфере бытия, обогатили нарратив новаторским освоением мифофольклорного материала, предложили образцы интертекстуальности и условных форм изобразительности.

На современном этапе правомерно говорить о лирико-психологической доминанте мордовской повести. По справедливому утверждению А. Брыжинского «... мордовские писатели достигли успехов в овладении методами психологического анализа, ... углублении лиризма, раскрытии внутреннего мира героев» [3, с. 3–4]. Наиболее полно эта тенденция отразилась в творчестве И. Кудашкина, В. Мишаниной, Г. Пинясова, М. Моисеева, А. Тяпаева и др.

Психологизм как особое художественное качество является стилевой особенностью повести Г. Пинясова «Крез» («Крест»). Писательский интерес в произведении сосредоточен на характерах обыкновенных, не героических, но в то же время неоднозначных и многогранных. Через них автор познает и раскрывает личностные и семейные отношения, деревенский быт, то есть обычное, естественное течение жизни.

Произведение построено на столкновении жизненных интересов представителей одного социального слоя, но разной возрастной категории – Алексея Сявкина и Сергея Пуряева.

История взаимоотношений героев уходит в прошлое. Алексей когда-то причинил зло семье Пуряевых – увел со двора корову, единственную кормилицу. Сергей обещал отцу перед смертью, что обязательно узнает и накажет вора. Автор сталкивает своих героев в тот момент, «когда должно быть решено противоречие, когда должна открыться правда, наступить неотвратимое наказание за содеянное» [4, с. 74], и дальнейший ход сюжета повести развивается как нравственный суд одного человека над другим.

Художественное выражение пристального интереса к внутренней жизни своего героя, к глубинным пластам его личности позволяют автору дать достаточно реалистическое описание человеческого поведения.

Г. Пинясов не дает своим героям ни малейшего шанса на примирение, поскольку каждый из них воспринимает жизнь по-своему. Несхожесть характеров героев подчеркивается на протяжении всего нарратива. Это противостояние двух

совершенно противоположных жизненных позиций, взглядов, эмоциональных миров.

Крестьянство, деревня как «аналог национального бытия» на протяжении всего творчества являются объектом пристального внимания А. Тяпаева. Многим его произведениям свойственно соединение различных стилевых качеств – сочетание литературных средств выразительности с поэтикой фольклора, лиризм повествования и склонность к созданию глубоко мотивированных национальных характеров.

Глубина проникновения в противоречия современной деревни, точность психологических характеристик отличают повесть «Огонь на мосту». По жанровой принадлежности ее можно причислить к социально-бытовой разновидности. В ней автор передает события 1980-х годов, выдвигает актуальные проблемы приближающейся противоречивой перестроечной эпохи. В ее содержании воплощаются самые наболевшие проблемы – нравственная чистота человека, его вклад в общее дело, ответственность. В решении насущных проблем автор умело сочетает различные художественные приемы.

В произведении автор представляет героев с совершенно разными характерами. Одни совершают ошибки по воле случая, другие это делают осознанно, по своей воле. И тем не менее в заключении повести автор намеренно не делает выводов. Читателю предоставляется возможность самому подумать о проблемах, поставленных автором, свершить нравственный «суд» над героями.

Персонажная сфера повести достаточно контрастна, хотя автор избегает деления героев на положительных и отрицательных. Образная система скорее призвана нарисовать сельскую панораму, обозначить жизненные позиции современника.

Глубиной раскрытия внутренних интенций человека характеризуется творчество В. Мишаниной. Персонажи ее произведений часто переживают чувство одиночества, скуки, тоски, а порой и отчаяния.

Обращением к проблемам одиночества и поиском путей их дальнейшего осмысления отличается повесть В. Мишаниной «Вайбоколь» («Комок масла»). Отметим, что у В. Мишаниной понятие одиночества приобретает различные смысловые значения. Но в любом случае оно определяется как многомерный конструкт: переживаемое ощущение, воспринимаемое как нежелательное и неприемлемое для человека отсутствие определенных отношений, неизбежное испытание в жизни человека.

В центре внимания автора находятся образы двух женщин – Ольги и Дарюни (Дарьи). При их раскрытии В. Мишанина не ограничивается демонстрацией исключительно психологических характеристик. Писательница занята и внешними проявлениями жизни женщин. Она подмечает их наружность, схватывает язык действующих персонажей, решительно определяет действия и поступки героинь, подчеркивая при этом полярность образов. Это соединение психологической и внешней манеры и составляет оригинальность раскрытия персонажной сферы повести «Комок масла».

На протяжении всего нарратива прослеживается связующее звено, позволяющее возвести два разных характера в одну стезю: они – одиноки. Обе героини переживают разочарование в личном счастье, отчаяние, беспомощность, ранимость, что обычно свойственно эмоциональному состоянию одинокого человека. Но героини В. Мишаниной не всегда поддаются этим чувствам, они сочетают в себе и решительность, и житейский ум. И если по отношению к Ольге автор допускает прием исповедальности (героиня может откровенничать с узким кругом людей), то внутренние страсти Дарюни кипят в ней самой и окружающие люди к ним доступа не имеют.

Творческие силы современных авторов направлены на воссоздание особенностей современной действительности. Их повести отличаются стремлением изобразить не просто внешнюю канву событий, но, главным образом, обоснованием мотивации поступков героя. Художники не стремятся делить своих героев на два противоположных лагеря, они, как умелые аналитики внутреннего мира героя, синтезируют положительное и отрицательное в пределах одного характера.

Таким образом, грани и очертания современной повести неуловимы и изменчивы, в чем и состоит ее сила. Она дает множество самых неожиданных сюжетных и композиционных вариантов. Но при этом мордовская повесть несет в себе характерные для современной прозы черты, проявившиеся в обновлении идейно-эстетических и художественных традиций: многопроблемность, усиление художественного интереса к психологической сущности героя, его внутренней жизни, гуманистический пафос, лиризм, документальную достоверность. При этом повесть выступает на современном этапе развития литературы не просто как наиболее мобильный, но и как наиболее емкий по своим возможностям жанр.

Список литературы

1. Антонов Ю. Г., Левина Н. Н., Шеянова С. В. Мордовская литература рубежа XX – XXI вв.: поиски национальной идентичности. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. – 184 с.
2. Антонов Ю. Г. Современная мордовская литература: синтез традиций и новаторства (на материале изданий 2016 г.) / Ю. Г. Антонов, С. В. Шеянова // Финно-угорский мир, 2017. – № 2 (31). – С. 20–29.
3. Брыжинский А. И. Современная мордовская проза : (Движение жанра) / А. И. Брыжинский. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1995. – 232 с.
4. Жиндеева Е. А. Исповедальность повествования Г. Пинясова (на примере повестей «Крест», «Последний из Каргужей») / Е. А. Жиндеева // Мордовская филология в контексте национальной культуры : матер. Всерос. науч.-пр. конференции (23–24 марта 2006 г.) / под ред. В. М. Макушкина ; Мордов. гос. пед. ин-т. – Саранск, 2006. – С. 73–79.
5. Каторова А. М. Основные направления развития мордовской литературы в начале XXI в. / А. М. Каторова // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, 2013. – № 1 (25). – С. 122–131. URL: <http://www.niign.ru/nauchnyie-zhurnalyi/vestnik-nii-gumanitarnyix-nauk-pri-pravitelstve-rm/vse-nomera/2013/>.
6. Макушкин В. М. Обретение зрелости / В. М. Макушкин. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1984. – 224 с.
7. Малькина М. И. Повесть : обновление традиций / М. И. Малькина, Т. И. Кубанцев // Современная мордовская литература. 60–80-е годы : в 2 ч. Ч. 1. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1991. – С. 134–158.

УДК 8. 1751

Образы животных в хантыйских волшебных сказках

Новыхова Галина Борисовна

Научный сотрудник фольклорного центра
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок
г. Ханты-Мансийск
Novyukhova.galya@mail.ru

Images of animals in Khanty fairy tales

Novyukhova Galina Borisovna

Research fellow folklore center
Ob-Ugric Institute of applied research and development
Khanty-Mansiysk

Аннотация. Образы животных являются универсальными символами, отражающими картину мира человека, его представления об окружающей действительности. В хантыйском фольклоре находят отражение образы таких животных, как конь, мышь, заяц, лебедь, журавль, гусь. В текстах сказок, легенд, преданий, мифов довольно подробно дано описание их внешнего вида и волшебных способностей. В образах животных оказываются сосредоточенными народные представления о них, о качествах, которыми они обладают. На примере нескольких хантыйских волшебных сказок рассмотрены наиболее частотные животные образы, имеющие большое значение для народа ханты и занимающие одно из центральных место в его мифологии.

Ключевые слова: волшебная сказка, хантыйская сказка, фольклор, образы, символы

Abstract. Images of animals are universal symbols that reflect the picture of the world of man, his ideas about the surrounding reality. In Khanty folklore images of such animals as horse, mouse, hare, Swan, crane, goose are reflected. In the texts of tales, legends, fables, myths in some detail the description of their appearance and magical abilities. The images of animals are concentrated folk ideas about them, about the qualities that they have. On the example of several Khanty fairy tales, the most frequent animal images of great importance for the Khanty people and occupying one of the Central places in its mythology are considered.

Keywords: fairy tale, Khanty tale, folklore, images, symbols.

Образы животных в волшебных сказках представляют единую художественную систему, выражающую народные этические и эстетические представления. Каждый из традиционных образов имеет свою постоянную характеристику и действует в сказке согласно своей эстетической функции.

Разнообразные сюжеты, авторские интерпретации создают широкий ряд типических образов. Среди них необходимо выделить в качестве наиболее важного образ героя, поскольку именно он во многом определяет идейно-художественное

содержание волшебных сказок, воплощая в себе народные представления о справедливости, доброте, истиной красоте. В нем как бы сконцентрированы все лучшие качества человека, благодаря чему образ героя становится художественным выражением идеала.

В своей книге «Русская народная сказка» В.П. Аникин разделил все сказки на три поджанра – о животных, волшебные и бытовые. Трансформировав эту классификацию (поставив на первое место волшебные сказки), мы легко увидим, что в её основе лежит единственный критерий – степень отдалённости сказки от реального мира. Промежуточным звеном оказываются сказки о животных: за анималистичными образами легко угадываются люди.

Животный мир, созданный в фольклоре, является формой выражения мыслей и чувств человека, его взглядов на жизнь. Каждый из персонажей – это определенное животное или птица, поэтому описания их характеров или действий основаны на наблюдениях человека за повадками, поведением животных в дикой среде.

М.А. Лапина своей работе «Сакральная лексика в фольклоре хантов», анализируя лексику, функционирующую в хантыйском фольклоре, а именно в мифах и преданиях, дает описания священных животных [7].

Е.В. Косинцева рассматривает образ лебедя в хантыйской литературе. Автор пишет, «лебедь – достаточной неоднозначный и сложный символ, который встречается и в хантыйском фольклоре, и в хантыйской литературе. Только в фольклорных текстах мы видим метаморфизм образа (дева-лебедь), как фиксируются цветовые и числовые коды этноса. Лебедь открывает границы в иной мир и сам способен осуществлять эти переходы, поскольку соединяет две стихии – воды и воздуха. В легендах же встречается и фитоморфизм персонажа, который способен совершать и зооморфные переходы» [6, с. 37].

В работе «Женский пантеон обских угров» Л.В. Кашлатова говорит о зооморфном существе, выступающем в трех ипостасях: зайца, лягушки, бабочки (насекомом) [5].

В научной статье «Сакральный образ птицы в предметах финно-угорской тематике» С.Н. Зыкова рассматривает в качестве божественного образ птицы и его материализацию в культуре финно-угорских народов. На основании искусствоведческого анализа представленных в статье артефактов автор делает акценты на семантике образа и композиционных приемам, характерных для изделий финно-угорских мастеров. В работе отмечается, что в настоящее время перед культурологами, фольклористами, искусствоведами стоит проблема частичной или

полной утраты существовавшего веками духовно-смыслового наполнения окружающего предметного мира [1].

В своей монографии «Архетипы в мире сновидений хантов» Т.А. Молданова рассматривает в пространстве сновидений типические образы, в том числе животных. Автор обращает внимание на территориальное закрепление значений того или иного животного образа, а также отмечает, что для респондентов важным оказывалось состояние животного, в котором оно представало в сновидении [8, с.175].

В хантыйских сказках функционируют образы таких животных, как конь, мышь, заяц, лебедь, журавль, гусь. В текстах довольно подробно дано описание их внешнего вида и волшебных способностей. В данной статье мы сосредоточимся на четырех образах – орла, лебедя, коня, зайчихи.

Обратимся к тексту волшебной хантыйской сказки *Карщ* 'Орел'. Композиционно она делится на три части. В первой рассказывается о том, как старик против воли старухи приносит домой орленка, который в качестве благодарности уносит героя из дома к своим сестрам, владеющим ларцом с живущими внутри людьми. Во второй части повествуется о юноше, который украл у девушки лебединые перья, помогающие ей превратиться в прекрасную птицу (ср. с русской народной сказкой «Царевна-лягушка», где Иван бросает в огонь лягушачью кожу Василисы Премудрой). В третьей части рассказывается о совместной жизни юноши и девушки-лебедя.

Одним из животных персонажей, представленных в данной сказке, является мифическая птица – карщ. Зачастую его изображают в виде гигантского орла или грифа с человеческой головой и крыльями за руками. Карщ обладает необыкновенной силой и может нести на спине человека. Таким образом он, например, доставляет героев из подземного мира в наземный. Кроме того, карщ обладает также разумом и способностью говорить [9, с.160]. В рассматриваемой нами сказке он демонстрирует качества, приписываемые ему народом.

Также в тексте сказки встречается образ девушек-лебедей. Лебедь является священной птицей у народа ханты. С ним связывают «великую» богиню *Калтац*. Она отвечает за рождение детей, наделяет их тела душами, а также определяет срок жизни людей и их судьбы [9, с.225]. В сказках, легендах и преданиях лебедь – это олицетворение мудрости и необычайной волшебной силы, символ возрождения и чистоты. Сочетая в себе две стихии: воздуха и воды, лебедь становится посланником жизни. Дева-лебедь – древний и всеобъемлющий образ у сибирских народов. Сюжет брака человека с лебедем или превращения в лебедя распространен в фольклоре, он

нашел отражение и в ряде образов (царевна-лебедь, герой, превращающийся в лебедя).

В сказке *Сорни лов* 'Золотой конь' представлен другой животный образ – золотой конь. В культуре обских угров это животное является объектом почитания, кроме того, он один из атрибутов великих мужских духов-покровителей [8, с.178]. Конь в рассматриваемой сказке необычный, яркий, он золотистого цвета, умеет летать, творит добро и всех спасает из сложных и запутанных ситуаций. Конь является важным животным и в культуре и жизни хантов, возможно, вторым по значению после северного оленя. Он символ всего светлого, радостного, удачного, а также олицетворяет цикличность существования природы. Конь – это всегда верный помощник. Неслучайно божество *Ас тый ики* часто изображается верхом на коне.

Следующая хантыйская сказка – *Шовэр имийэ* 'Зайчиха'. Сюжет ее основан на соперничестве двух женщин – из племен *Моцнэ* и *Порнэ*. Персонажи представлены как в виде животных (заяц), так и в человеческом облике. Противостояние *Моцнэ* и *Порнэ* представлено и в других текстах хантыйского фольклора, где, как и в рассматриваемой сказке, люди *Моцнэ* в конце выходят победителями [3, 156]. Образ зайчихи у обско-угорских народов является универсальным символом женских божеств. В виде зайца изображают богиню *Калтац*, подобное представление характерно и для манси, которые считают зайчиху прародительницей людей *Моц*. У хантов не прослеживается отношение к зайцу как к священному животному, но заячья атрибутика, связанная с богиней *Калтац*, все же отражается в некоторых обрядах [5].

В хантыйской сказке *Ланат ай лаңки* 'Семь мышат' мышь олицетворяет тайные (шаманские) силы природы, что является своеобразной переработкой мифа о духах-покровителях. В тексте повествуется, как божества верховьев Оби в облике семи мышей побеждают одноголового, двухголового и трехголового великанов-менков и превращают их в чувал (тип очага). После этого мыши стали духами, «приносящими вести» из земного мира к небу Торуму и обратно. Мышь, по представлениям хантов, – это один из обликов духа-покровителя *Ем воз ики* 'Священного города мужчины'. Через посредство этого образа он связан с Нижним миром.

Рассмотрев несколько хантыйских сказок, мы можем сделать вывод, что выбор образов животных, действующих в текстах, основан на народном представлении о них. То или иное животное всегда отражает в тексте качества, которые люди ему приписывают: хитрость, ловкость, силу, смелость, мудрость и пр. Животное, как правило, противостоит тому образу, которое олицетворяет зло, будь то злой дух или просто озлобленный на всех человек. Действия животного всегда приводят к тому, что

правда и справедливость торжествуют, добрые, положительные персонажи выходят победителями из затруднительных ситуаций. Кроме того, среди животных, чьи образы играют важную роль в формировании сюжета, часто встречаются тотемные.

Список литературы

1. Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 264.
2. Зыков С.Н. Сакральный образ птицы в предметах финно-угорской тематике // Фундаментальные исследования. 2014. № 9-8. С. 1876 – 1880.
3. Ким А.А. Фольклорный анализ и классификация хантыйских прозаических текстов, записанных Штейницом в 1935 году // Вестник ТГПУ. 2011. С. 156 – 162.
4. Кань кунш олау // Публикация материалов Ханты-Мансийского окружного научно-фольклорного фонда. Выпуск 1 / Авт.-сост Т.А. Молданов, ред. А.Д. Каксин. – Ханты-Мансийск, 1997. – 148 с.
5. Кашлатова Л.В. Женский пантеон обских угров. Монография. – Тюмень: ООО «Формат», 2017. – 158 с.
6. Косинцева Е.В. Образ лебедя в хантыйской литературе // Вестник угроведения. 2016. № 3 (26). С. 37 – 49.
7. Лапина М.А. Сакральная лексика в фольклоре хантов // Вестник Югорского государственного университета, выпуск 2 (12). 2010. С. 64 – 66.
8. Молданова Т.А. Архетипы в мире сновидений хантов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 175 – 226.
9. Мифология хантов // Энциклопедия уральских мифологий. – Томск: Изд-во Томск. гос. университета, 2000. Том III.
10. Новьюхова Г.Б. Зооморфные персонажи в хантыйском фольклоре [Электронный ресурс] // Филологический аспект. 2019. № 10 (54). – Режим доступа: <http://scipress.ru/philology/articles/zoomorfnye-personazhi-v-khantyjskom-folklore.html> (дата обращения 06.11.2019).
11. Сказки, песни хантов полноватского Приобья / Сост. Пятникова Т.Р., Слепенкова Р.К. – Ханты-Мансийск: Ижевск: ООО «Принт-2», 2016. – 344 с.
12. Система образов в русской языковой картине мира в волшебных сказках [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzlit.ru/609395/sistema_obrazov_russkoy_yazykovoy_kartine_mire_volshebnyh_skazkah (дата обращения 06.11.2019).
13. Существует множество фольклорных жанров... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=646567&p=2> (дата обращения 06.11.2019).
14. Энциклопедия символов. Символика царства животных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imbf.org/interesnye-stati/ehnciklopedija-simvolov-simvolika-carstva-zhivotnykh.html> (дата обращения 08.11.2019).

ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ

УДК 811.111-26

Структурно - композиционные особенности детективного жанра на материале романа А. Кристи «Десять негритят»

Башкатова Юлия Алексеевна

канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии
Кемеровский Государственный Университет, РФ, г. Кемерово

Мамченкова Ольга Георгиевна

магистрант факультета иностранных языков
Кемеровский Государственный Университет, РФ, г. Кемерово

Structural and compositional features of the detective genre based on the material of the novel by A. Christie «Ten Little Niggers»

Bashkatova Yulia Alekseevna

Cand. Sci. (Philology), assistant professor of Romance-Germanic Philology Department
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Mamchenkova Olga Georgievna

Undergraduate student of Foreign languages faculty
Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

Аннотация. Статья посвящена анализу структурно-композиционных особенностей детективного жанра на материале романа Агаты Кристи «Десять негритят». В качестве ключевого элемента воздействия на читателя выступает прецедентный текст – считалка «Десять негритят», который является структурной основой сюжета, сценарием совершения убийств и основой для создания элемента игры. В статье представлены основные признаки детектива как жанра литературы и указаны отличия структуры рассматриваемого произведения от классического детективного жанра. Кроме этого, в статье кратко охарактеризованы главные герои и дана характеристика композиции романа.

Ключевые слова: структурно-композиционное построение романа, десять героев, нестандартное детективное произведение, загадка, считалка «Десять негритят».

Abstract. The article is devoted to analysis of structural and compositional features of the detective genre based on the material of the Agatha Christie's novel "Ten Little Niggers". The key element of influence on the reader is the precedent text – the nursery rhyme «Ten Little Niggers» which is the structural basis of a plot, the script of perpetration of murders and a basis for creation of a game element. The main features of the detective as a literature genre are presented and the differences between the structure of this novel and classical detective genre are indicated. In addition, the main characters are briefly described and the novel composition is characterized.

Keywords: structural and compositional structure of the novel, ten characters, non-standard detective work, mystery, nursery rhyme «Ten Little Niggers».

В детективах, к которым в целом привыкли читатели, существуют общие черты главных героев, основными среди которых можно назвать следующие: наличие интеллекта и эрудиции, развитая интуиция, своеобразное чувство юмора, чудаковатость, граничащая с эпатажностью, решительность и самоуверенность [1].

С учетом того, что детектив является жанром массовой литературы, ему присущи такие признаки как:

1) высокая степень стандартизации, что позволяет читателям предугадывать, как именно будут развиваться события;

2) наличие развлекательной функции, т.к. детективы обычно позволяют читателям удовлетворить свои потребности в отдыхе, равно как и желание уйти от действительности [5, с. 88].

Именно эти признаки и создают своего рода универсальную формулу детектива как жанра литературы. При этом такая формула является типичной для любого образца данного жанра.

Говоря о детективе Агаты Кристи «Десять негритят», необходимо отметить, что здесь полностью нарушены каноны жанра стандартного детектива. Далее подробно представим структуру произведения. Так, описание десяти героев представлено в первой главе, что сразу отличает данный детективный роман от других произведений этого жанра. При этом глава разделена на части, в каждой из которых описан определенный герой. Последовательность представления следующая:

- Судья Уоргрейв убил 9 негритят и таинственного владельца Негритянского острова. Согласно считалке, является пятой засуженной жертвой Негритянского острова, однако убивает себя последним. Можно утверждать, что он осужден самим собой. Причина его смерти – самоубийство.

- Вера Клейторн – секретарша, няня, осужденная за убийство ребенка ради своего любовника. Причина ее смерти – самоубийство. Согласно считалке, является десятой жертвой Негритянского острова, которая устала и пошла повесилась.

- Филипп Ломбард – военный в отставке, осужденный за убийство 20 товарищей. Причина его смерти – убийство, при этом убийцей выступает Вера Клейторн. Согласно считалке, Ломбард – 9 жертва Негритянского острова. Умер в результате сгорания.

- Эмили Brent осуждена за убийство своей служанки, которую она выгнала из дома в связи с тем, что та забеременела вне брака, после чего служанка с горя утопилась. Эмили Brent является набожной шестой жертвой Негритянского острова.

Причина смерти – убийство в результате отравления судьяй. Согласно считалке, 6 негритят пошли на пасеку и одного ужалил шмель.

- Военный Джон Гордон Макартур осужден за убийство любовника своей жены, которого послал на верную смерть. Причина смерти – убийство, совершенное судьяй в то время, когда, согласно считалке, негритята ушли в Девон (место в Англии с которого и началась собственно жизнь на полуострове).

- Доктор Армстронг осужден за убийство пациента во время операции в состоянии алкогольного опьянения. Амстронг является седьмой жертвой Негритянского острова. Согласно считалке, 4 негритенка пошли купаться на море и один попался на приманку, убит судьяй.

- Энтони Марстон осужден за убийство двух детей, которых задавил на машине. Марстон постоянно спешит куда-либо. Причина смерти – яд цианистый калий, убийца судья. Согласно считалке, вдруг поперхнулся во время еды.

- Полицейский Уильям Генри Блор осужден за убийство заключенного, которого он оговорил на суде, в результате чего тот скончался на каторге. Блор – восьмая жертва Негритянского острова, причиной смерти которого является убийство твердым предметом по голове. Орудие убийства – статуэтка медведя. Блор убит судьяй. Согласно считалке, его загрыз медведь.

- Слуга Томас Роджерс осужден за убийство хозяйки, которое он совершил вместе со своей супругой Этель Роджерс ради денег. Роджерс является четвертой жертвой Негритянского острова. Он был убит судьяй при помощи топора. Согласно считалке, негритята нарубили дров, а один сам себя зарубил.

- Служанка Этель Роджерс осуждена за убийство вместе со своим мужем. Причина совершенного убийства – наследство хозяйки. Этель Роджерс является второй жертвой Негритянского острова. Согласно считалке, пока все клевали носом, плотно пообедав, уснула и не проснулась. Убита судьяй.

Апелляция к считалке осуществляется через аллюзию. Аллюзия, по утверждению Г.Г. Слышкина, является наиболее трудноопределимым видом текстовой реминисценции: «Прием аллюзии состоит в соотнесении предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определенном тексте, без упоминания этого текста и без воспроизведения значительной его части, т. е. на содержательном уровне» [3, с. 38]. Аллюзия на считалку неслучайна: в считалке десять негритят, приглашенных на острове тоже было десять. «Подставной негритенок» – это убийца, спрятавшийся среди приглашенных.

Как видим, изначально А. Кристи знакомит читателей с десятью героями романа, однако автор не приводит каких-либо подробных описаний. Примечательно, что Агата Кристи не стала продумывать психологические портреты каждого персонажа, ограничившись в меру подробной предысторией их злодеяний, а также редких проявлений моральной подавленности и полной готовности принять отложенное наказание, только бы ещё несколько дней вдыхать воздух, даруемый, заключившим в цепкие объятия, водоёмом. Так они и ходят, едят, спят, думают, действуют персонажи книги, лишённые возможности проявить себя, но предоставленные возможности умереть по воле автора.

Все, что видит читатель изначально, – это какая-либо ситуация из жизни героев, которая характеризует их с определенной стороны. Также в самом начале они получают приглашение на Негритянский остров, при этом каждый герой проявляет определенный интерес к острову. Приведем пример рассуждений Генерал Макарттура:

This Indian Island now, he'd be interested to see it. A lot of gossip flying about. Looked as though there might be something in the rumour that the Admiralty or the War Office or the Air Force had got hold of it... [4, p. 346]. – А на Негритянский остров взглянуть будет интересно. О нем столько болтают... И, похоже, что в слухах о том, будто его купило то ли адмиралтейство, то ли военное министерство, то ли военно-воздушное ведомство, что-то есть... [2, с. 258].

Следующим примечательным фактом структурно-композиционного построения романа «Десять негритят» является то, что вторая глава начинается с приезда героев на остров:

Outside Oakbridge station a little group of people stood in momentary uncertainty. Behind them stood porters with suitcases [4, p. 346]. – Четыре человека стояли у здания вокзала в Оуккбридже, не зная, куда им идти. Возле каждого с чемоданами в руках ждали носильщики [2, с. 258].

Сразу после описания замешательства героев появляется водитель такси, который интересуется, нужно ли им доехать на Негритянский остров, что уже кажется странным и постепенно готовит читателей к последующему гнетущему ужасу, в котором окажутся гости. Данный эпизод представляет собой первую встречу четырех героев, которые, видимо, поняли, что будут вынуждены какое-то время провести вместе:

Four voices gave assent – and then immediately afterwards gave quick surreptitious glances at each other [4, p. 346]. – Четыре человека ответили согласием – и тут же украдкой смерили друг друга быстрыми взглядами [2, с. 258].

Как видим, А. Кристи не пишет прямо о том, что герои слегка удивлены присутствию друг друга, однако это понятно исходя из атмосферы, царящей при описании их встречи.

Вся вторая глава посвящена тому, как именно герои добираются до острова, как они размещаются, что они видят в том доме, куда их пригласили и т.п. После этого, в третьей А. Кристи описывает совместный обед гостей, который заканчивается следующим моментом:

Into that silence came The Voice. Without warning, inhuman, penetrating...

"Ladies and gentlemen! Silence, please!"

Every one was startled. They looked round - at each other, at the walls. Who was speaking?

The Voice went on - a high clear voice.

You are charged with the following indictments [4, p. 346].

И вдруг в эту тишину ворвался Голос. Резкий, жестокий, пронзительный...

– Дамы и господа! Прошу внимания!

Все вздрогнули. И стали оглядываться – друг на друга, на стены... Кто это говорит?

Голос продолжал – высокий и чистый:

– Против вас выдвигаются обвинения по следующим пунктам [2, с 258].

Далее голос подробно говорит о том, в совершении каких именно преступлений обвиняются гости, что сами гости отрицают. Такая ситуация приводит к тому, что у читателя складывается впечатление, будто в детективе присутствуют только убийцы и нет сыщика. С другой стороны, может показаться, что судья Уоргрейв будет выступать в качестве сыщика. Однако композиция произведения становится еще более запутанной. Так, в четвертой главе гости как будто оправдываются друг перед другом за совершенные преступления. При этом описывают данные преступления так, как будто это была случайность либо преступлений вовсе не было. Приведем пример рассказа Веры Клейторн:

I'd like to tell you. About that child – Cyril Hamilton. I was nursery governess to him. He was forbidden to swim out far. One day, when my attention was distracted, he started off. I swam after him... I couldn't get there in time... It was awful... But it wasn't my fault. At the inquest the Coroner exonerated me. And his mother – she was so kind. If even she didn't blame me, why should – why should this awful thing be said? It's not fair – not fair... [4. p. 346]. – Я тоже хочу рассказать. О том мальчике – Сириле Хэмилтоне. Я была его гувернанткой. Врачи запрещали ему заплывать далеко в море. Однажды, когда я была

чем-то занята, он взял и поплыл. Я за ним... Но я не успела... Это было ужасно... Но я не виновата. Коронер на дознании сказал, что моей вины тут нет. А его мать – она была так добра... Если уж она не винила меня ни в чем, то зачем... зачем говорить тогда такие ужасные вещи? Это несправедливо, несправедливо... [2, p. 258].

Рассказы героев о преступлениях настолько четко сложены, что на первый взгляд может показаться, как будто они и не совершали того, в чем их обвиняют. Однако тогда сразу возникает вопрос, с какой целью они вообще вспоминают о тех случаях и почему их настолько испугали обвинения неизвестного голоса. Ответа на этот вопрос А. Кристи не приводит, позволяя читателям самостоятельно додумывать, что же произошло на самом деле, а также предвкушать, что будет дальше.

Четвертая глава заканчивается первым убийством, которое происходит у всех на глазах:

Anthony said with a grin:

"The legal life's narrowing! I'm all for crime! Here's to it."

He picked up his drink and drank it off at a gulp.

Too quickly, perhaps. He choked – choked badly. His face contorted, turned purple. He gasped for breath – then slid down off his chair, the glass falling from his hand [4, p. 346].

Энтони насмешливо ответил:

– Закон убивает радость жизни! Я – за преступление! За него и выпью.

Он поднес к губам свой стакан и залпом выпил его содержимое. Может быть, чуть поспешнее, чем следовало бы. Марстон поперхнулся – и сильно. Его лицо исказилось, побагровело. Хватая ртом воздух, он сполз со стула на пол, выронив из рук стакан [2, p. 258].

На первый взгляд описанное выше происшествие не выглядит как убийство, что в очередной раз отличает рассматриваемый нами детектив от других произведений данного жанра. Читатель в представленной ситуации должен самостоятельно додумать, как именно трактовать смерть Марстона.

После данного события начинается череда загадочных убийств, каждое из которых совершенно методом, не похожим на предыдущие. При этом каждое убийство полностью соответствует стихотворению о десяти негритятах. Все представленные выше факты указывают на то, что структура рассматриваемого детектива отличается от традиционной. Так, в том месте, где обычно начинается расследование преступлений в «Десяти негритятах» представлена загадка. Далее отсутствует ход расследования, равно как и само разоблачение, т.е. раскрытие

преступления. Можно утверждать, что стандартные элементы, свойственные любому детективу, к которым относятся завязка, кульминация и развязка, в рассматриваемом произведении представлены следующим образом:

- Завязка – получение письма-приглашения на остров, равно как и приезд гостей, однако читатель не воспринимает это в качестве завязки, т.к. по традиционным канонам ждем убийства.

- Кульминация – совершение преступлений. При этом каждое последующее преступление нагнетает все больше страха и ужаса, что держит читателя в напряжении до самого конца произведения.

- Развязка – момент нахождения рукописи убийцы, в которой описаны мотивы совершения преступления.

Примечательно, что в данном детективе убийца не пойман сыщиком по канонам жанра, а убит, и только после его смерти обнаруживается его рукопись, на основании которой читатель понимает, что именно этот человек убивал.

В большинстве случаев цель любой детективной истории сводится к решению загадки, т.е. к раскрытию преступления. В романе «Десять негритят» целью является именно описание необычных преступлений, поведения героев в определенных обстоятельствах, а также создание загадки на протяжении всего произведения. Расследование в прямом понимании данного процесса полностью отсутствует, хотя сами герои и пытаются как-либо разобраться в происходящем. В привычном детективе преступления раскрываются при помощи логических умозаключений на основании того, что известно и расследователю, равно как и читателю. В данном же произведении преступление не раскрывается вовсе, а читатель как будто, между прочим, информируется о том, кто все-таки убивал.

Таким образом, структурно-композиционное построение романа «Десять негритят» имеет существенные отличия от стандартных детективных произведений. Так, завязка начинается с первых строк произведения, кульминация представлена практически до конца романа, а развязка сводится к нахождению рукописи убийцы, в которой он признается в совершении преступлений

Список литературы

1. Борисенко, А. Не только Холмс / А. Борисенко // Статья в журнале «Иностранная литература». – № 1. – 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2008/1/bo7.html> (дата обращения 01.01.2019).
2. Кристи, А. Десять негритят / пер. Н. Екимовой. – М.: «Издательство «Э», 2016. – 258 с.
3. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000.

4. Christie, A. Ten Little Niggers / A. Christie. – L., 2016. – 346 p
5. Scaggs, J. Crime fiction / J. Scaggs. – L., N.Y.: Routledge, 2015. – 181 p.

УДК [821.161.1+821.581]-3"19"

Влияние творчества Б. Васильева на китайскую литературу о войне

Бурдина Светлана Викторовна

докт. филол. наук, зав. кафедрой русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет, РФ, Пермь
swburdina@ramble.ru

Сун Тяньяо

аспирант кафедры русской литературы, Пермский государственный национальный исследовательский университет, РФ, Пермь
styaoiliya@163.com

Influence of works by B. Vasilyev on Chinese war literature

Burdina Svetlana Viktorovna

PhD, head of Russian literature department
Perm State University, Perm, Russia

Song Tianyao

post-graduate student, Perm State University

Аннотация. В статье рассматривается воздействие прозы Б. Васильева на китайскую прозу о войне. Выясняется та роль, которую сыграли наиболее известные произведения русского автора в формировании военной литературы Китая. Особенное внимание уделяется рецепции в китайской прозе таких произведений Б. Васильева, как «Зори здесь тихие» и «Завтра была война». Обращение к рассказу Сюй Хуайчжун «Западные анекдоты» и повести Ли Цуньбао «Венки под высокими горами» помогает выявить некоторые общие для русской и китайской военной прозы тенденции и закономерности.

Ключевые слова: Б. Васильев; Великая Отечественная война; международное отношение; военная литература; китайская литература; перевод.

Abstract. This article is devoted to the consideration of the leading role of the works of B. Vasiliev about the Second World war in the formation of the military literature of China, the influence of his works on Chinese literature about the war. We pay especial attention to influence of such texts as "The Dawns Here Are Quiet" and "Tomorrow was war". Learning about story Suy Zhangjun "Western jokes" and "Wreaths under high mountains" by Li Junbao helps to investigate common tendentious in war prose of Russia and China.

Keywords: B.Vasiliev; The Great Patriotic War; international relationship; military literature; Chinese literature; translation.

Известно, что в период Культурной революции (1960-е – 70-е годы) переводы и публикации русских литературных произведений в Китае почти полностью прекратились; эта ситуация продолжалась вплоть до начала политики реформ и открытости в 1978 году, когда вновь стали активно переводиться и распространяться произведения русской классической литературы и литературы XX века. Одним из первых произведений, переведенных на китайский язык, стала повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...».

Первый перевод повести, сделанный известным в Китае переводчиком Ван Цзиньлином в 1977 году, был опубликован в журнале «Всемирная литература» (《世界文学》). В 1978 году повесть впервые была официально опубликована Народным издательством провинции Ляонин, автор перевода – Ши Чжун. В июне 1980 года был опубликован Народным издательством провинции Хунань перевод Ван Цзиньлина. За этим последовали еще две публикации этой повести: в июне 1991 г. – литературным и художественным издательством провинции Аньхой и в 1997 г. – издательством литературы и искусства им. Байхуа. Издательство народной литературы публиковало повесть в 2004, 2005, 2012 и 2015 годах. Также повесть переводилась Лан Юном, именно в таком варианте перевода она была опубликована Издательством писателей в мае 2005 года, в ознаменование шестидесятой годовщины победы. Стоит обратить в этой связи внимание и на тот факт, что Лан Юнь позднее стал сценаристом телесериала «А зори здесь тихие...» [3].

Другое произведение Б. Васильева о Великой Отечественной войне – «В списках не значился» – было опубликовано Народным издательством Аньхой в феврале и издательством Хунань – в июле 1981 года. Переводчиками этих публикаций являются Пей Цзяцин и Ван Шоужэнь, причем перевод Ван Шоужэня был несколько раз переиздан.

«Завтра была война» – третья часть «трилогии о войне» Б. Васильева, эта повесть, также очень популярная в Китае, была впервые опубликована в первом номере журнала «Советская литература» (《苏联文学》) в 1985 году.

После публикации повесть «Завтра была война» полюбилось многими китайскими читателями. Автор получал много писем от студентов, учителей, рабочих и пенсионеров. В письме ученика средней школы при Университете Цинхуа говорилось: «Эта повесть вызвала сенсацию в классе. Почти половина из учеников прочитала повесть. Несколько одноклассников, которые живут в общежитии школы, оставались в туалете читать повесть на ночь после того, как свет выключался. У группы нашей была оживленная дискуссия, все высказали свое мнение» [2. С. 140].

Иностранное литературное произведение вызвало мощный отклик в Китае, подобная ситуация – редкость в издательской индустрии. Несколько газет и журналов, таких как «Литература и искусство» (《文艺》) и «Пекинская молодежная газета» (《北京青年报》), опубликовали статьи о реакции читателей на публикацию повести.

Первый прямой контакт Б. Васильева с китайскими литераторами состоялся в 1985 году. Лю Нин, главный редактор журнала «Советская литература», опубликовал интервью с писателем Б. Васильевым в Москве и подарил первую публикацию повести «А зори здесь тихие...» на китайском языке автору. Писатель был очень тронут, он выразил глубокую благодарность китайским читателям и переводчикам [1].

В ноябре 1986 года Литературное и художественное издательство Чанцзяна опубликовало повесть как отдельную книгу, переведенную Чэнь Цзы и Чжан Сяоцзюнем. Поскольку повесть «Завтра была война» также полюбилась китайским читателям, в ноябре 1986 года редакционный отдел журнала «Советская литература» опубликовал сборник повестей «Избранные произведения Б.Васильева» (《鲍·瓦西里耶夫优秀作品选》). Туда вошли три повести Б. Васильева – «А зори здесь тихие...», «В списках не значился» и «Завтра была война», в переводах Ван Цзиньлина, Ван Шоужэна и переводе редакционного отдела журнала «Советская литература».

В 1980-е годы были переведены и опубликованы и военные рассказы Б. Васильева. Рассказ «Ветеран» был опубликован в сборнике «Избранные повести и рассказы советской литературы» (《当代苏联短篇小说选》) в 1981 году, рассказ «Старая «Олимпия» – в журнале «Русско-советская литература» (《俄苏文学》) в 1982 году, «Мир восклицательный знак» – в сборнике «Избранные повести и рассказы разных национальностей в Советском Союзе» (《苏联各民族中短篇小说选粹》) в 1988 году. Рассказ «Мир восклицательный знак» был опубликован также в журнале «Река Ялу Ежемесячно» (《鸭绿江月刊》) в 2003 году.

2016-2017 годы называют в Китае годами «обмена китайских и российских СМИ». В июне 2016 года китайская газета «Гуанмин Жибао» (《光明日报》), совместно с российским информационным агентством ТАСС, организовала подборку десяти самых значимых китайских литературных произведений в России и десяти

самых значимых российских литературных произведений в Китае и опубликовала на своем сайте 32 лучших русских литературных произведения, в числе этих произведений была и повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...».

Можно сказать, что большая часть произведений китайских авторов о войне XX – начала XXI веков была пронизана антивоенными настроениями. Военная литература Китая и России развивались параллельно. После основания власти КНР китайские писатели, погруженные в радость нового общества после антияпонской и гражданской войны, сосредоточиваются на великом историческом значении войны, на том, как война меняет людей, придавая человеку духовную силу, формируя идеал, мудрость и мужество героического подвига. Китайские писатели в основном следуют творческому методу советской литературы, в китайской литературе это нашло отражение, в частности, в романах Ду Пэнчэна «Защита Яньана» (《保卫延安》) (1954 г.), Цюй Бо «Следы в заснеженном лесу» (《林海雪原》) (1956 г.), Лю Чжися «Железнодорожные партизаны» (《铁道游击队》) (1954 г.). Однако герои этих произведений изображены исключительно положительными, они поступают только правильно, а это, конечно, не отражает реальную картину военных действий.

В конце 1960-х и 1970-х годов советская военная литература начала смещать свое внимание с великих «идеальных героев» на простых людей, которые были «неидеальными», и повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...» была одним из первых произведений, которые продемонстрировали эту тенденцию.

В конце 1970-х годов, по мере того как произведения Бориса Васильева и другие произведения советских писателей были переведены на китайский язык и опубликованы, в китайских современных литературных кругах появился ряд выдающихся военных произведений, которые были названы китайской военной литературой «новой эры». В этой связи в первую очередь стоит назвать рассказ Сюй Хуайчжуна «Западные анекдоты» и повесть Ли Цуньбао «Венки под высокими горами» (《高山下的花环》). Рассказ «Западные анекдоты» – это первое китайское произведение, которое зафиксировало произошедшие в литературе изменения. Очевидным представляется факт влияния на Сюй Хуайчжуна повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...»; близость двух произведений проявляется не только на тематическом уровне, она чувствуется и в выборе определенного типа героя, и в сюжетном рисунке произведений. А повесть Ли Цуньбао «Венки под высокими горами» очень близка повести Б. Васильева «В списках не значился». Оба произведения обращаются к созданию образа простого человека на войне. В повести

«Венки под высокими горами» описывается молодой воин по имени «Маленький Пекин», который погиб на фронте. Никто не знает его настоящего имени. Только после войны через несколько лет узнали, что он является единственным сыном генерала.

Китайская военная литература «Новой эры», сосредоточив свое внимание на личности, пыталась раскрыть всю сложность и глубину внутреннего мира человека на войне [5]. Например, повести «Когда исчезает закат» (《晚霞消失的时候》) (1980 г.) и «Последний портрет» (《最后一幅肖像》) (1981 г.) были направлены на исследование природы человечности. Размышления о человеке на войне в этих произведениях уже существенно отличаются от тех, какими они были в литературе нравственного максимализма.

Еще одна важная тема в произведениях Б. Васильева о Великой Отечественной войне – женщины на войне [4]. Трагическая судьба женщин на войне отражена в таких его произведениях, как «А зори здесь тихие...», «Мир восклицательный знак», «Старая «Олимпия»» и т. д. В китайской литературе о войне XX века женская тема звучит не только в рассказе «Западные анекдоты», но и в романе Мо Яня «Красный Гаолян» (《红高粱》) (1986 г.).

Героиня в романе «Красный Гаолян» – девушка, которая, несмотря ни на что, все-таки осмеливается бороться за свою любовь и счастье. Когда начинается антияпонская война, она решает активно участвовать в войне, чтобы сражаться против врага и защищать родину. В отличие от других произведений военной литературы, трагическая судьба женщин в романе связана не только с войной, но и с пережитками старого общества и традиционных представлений. Размышления автора о войне помогают писателю постичь национальный дух.

Вслед за романом «Красный гаолян» публикуется ряд значимых в Китае произведений: «Волчий аконит» Чжу Суджина (《射天狼》) (октябрь 1990 г.), «Меч» Ду Ляна (《亮剑》) (январь 2000 г.) и т. д. Все они направлены на исследование «народного героя» в ситуации формирования нового военного имиджа.

Таким образом, творчество Б. Васильева сыграло немалую роль в формировании новой военной литературы Китая. Многие из китайских литературных произведений о войне XX века были созданы именно под влиянием этого замечательного русского писателя. Произведения Б. Васильева описывали жестокость войны, чтобы призвать людей противостоять страшному и разрушительному действию и построить спокойный мир. О значимости

общечеловеческих вечных ценностей напоминают и китайские произведения писателей «Новой эры».

Список литературы

1. Лу Мин. Вечная заря – Васильев и «А зори здесь тихие...». – Пекин: Знание – сила, 2013. № 10. С. 74-75. [吕明：永不落幕的“黎明”——瓦西里耶夫与《这里的黎明静悄悄》，北京，《知识就是力量》，2013. № 10. 74-75页.]
2. Лин Ге, Юань Хайтао, Чжан Хуэй и др. После чтения повести «Завтра была война». – Пекин: Русская литература, 1985. № 5. С. 139-142. [林革, 袁海涛, 张辉, 等. 《后来发生了战争》读后. 俄罗斯文艺, 1985(5):139-142页.]
3. Карпеченкова, Ю.Г. Экранизация произведений российской военной классики как фактор развития межкультурных связей России и Китая: на примере повести Б.Л.Васильева "А зори здесь тихие..." / Педагогическое образование в России . 2016. №11. С. 59-65.
4. Колотилина Е.А. Художественное портретирование женских образов в повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...». Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью "Центр развития научного сотрудничества", 2015. № 27.С.74-78.
5. Хэ Юньбо. Война и человек: Сомнение культурного выбора –«А зори здесь тихие...» и другие. Ухан. Изучение иностранной литературы, 1995. № 1. С. 101-106. [何云波, 战争与人:文化选择的困惑——《这里的黎明静悄悄.....》及其它, 武汉·《外国文学研究》, 1995 (1) :101-106页.]

УДК 821(73)"19".09

Художественный мир американской литературы XX века

Пирожкова Алёна Олеговна

канд. пед.наук, доцент кафедры иностранной филологии и методики преподавания
ГПА (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте
alyona.pirozhkov@mail.ru

Цепенко Анастасия Романовна

магистрант, ГПА (филиал) ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте
tsepenko.n@gmail.com

The Artistic World of American Literature of the Twentieth Century

Pirozhkova Alyona Olegovna

Associate Professor, PhD in Pedagogical Sciences
associate professor of the Department of Foreign Filology and Methods
Academy for the Humanities and Pedagogical sciences (branch) of V. I. Vernadskiy
Crimean Federal University in Yalta, Russia, Yalta

Tsepenko Anastasia Romanovna

Magister, Academy for the Humanities and Pedagogical sciences (branch)
of V. I. Vernadskiy Crimean Federal University in Yalta, Russia, Yalta

Аннотация. Статья посвящена исследованию общих тенденций в становлении американской литературы в целом и в XX веке в частности. Обращается внимание на наиболее значимых писателей американской литературы XX века и эпохи, которые они представляли. В статье описываются факторы, оказавшие влияние на становление американской литературы от её зарождения и в период становления (колонизация, рабовладение, гражданская война, мультикультурность). В обзоре рассматривается литература реализма, эпохи джаза, потерянного поколения, «золотого» и «серебряного» века американской фантастики, постмодернизма, художественный мир отдельных произведений XX века. Отдельный пласт представляет литература мигрантов. Делается вывод о многообразии и самобытности американской литературы, о её особенностях по сравнению с европейской литературой того же периода.

Ключевые слова: американская литература; факторы, сформировавшие американскую литературу; многообразие жанров; художественный мир.

Abstract. The article is devoted to the study of general trends in the formation of American literature in general and in the twentieth century in particular. Attention is drawn to the most significant writers of American literature of the twentieth century and the era they represented. The article describes the factors that influenced the formation of American literature from its inception and during its formation (colonization, slavery, civil war, multiculturalism). The review examines the literature of realism, the jazz era, the lost generation, the "Golden" and "silver" age of American fiction, postmodernism, the artistic world of individual works of the twentieth century. A separate layer is the literature of migrants. The conclusion is made about the diversity and originality of American literature, about its features in comparison with European literature of the same period.

Keywords: American literature; factors that shaped American literature; variety of genres; artistic world.

Художественная литература несет в себе эстетическую память народа, нравственные установки и помогает читателю познать другой мир через интерпретацию писателем – представителем той или иной эпохи и литературного направления. Согласно А. Есину, что «художественное произведение – это единство объективного и субъективного как соотношение восприятия реальной действительности и авторского понимания воспринимаемого» [1, с. 27]. Изучение литературы позволяет расширить мировоззрение личности, наполнить духовный мир человека, формировать его нравственность и способствует эмоциональному и творческому развитию. Американская литература отличается многообразием тем и образов, её представляют гениальные писатели и посредственные. Образ Америки также представляет отдельный спектр вопросов для изучения [5].

Создавая литературное произведение, автор создаёт художественный мир, в котором описываются события, разворачивается действие, взаимодействуют герои. Понятие художественного мира стало предметом исследования таких учёных, как А. Анисовой, Н. Богомолова, Д. Лихачёва, Р. Ткачевой, Л. Чернец, однако в комплексе художественный мир произведений американской литературы определённого периода – недостаточно изученный вопрос.

Американская литература XX века такая же разнообразная и противоречивая, как и эпоха, в которую она создавалась. Она имеет свою специфику [2] и подарила миру сотни ярких имен и тысячи великолепно написанных романов. Фолкнер, Фицджеральд, Хемингуэй, Апдайк, Воннегут – мы произносим фамилии авторов, вспоминая их стиль и тематику произведений. Проблемы, поднимавшиеся в том или ином романе, не были единичными. Читая американскую литературу XX века, мы можем оказываемся то в южных штатах во времена Гражданской войны, то на вечеринке в Нью-Йорке эпохи джаза, то в хиппующей Калифорнии 60-х годов. Однако упомянутые авторы – это единицы, имеющие успех в литературном творчестве. Огромное количество американских писателей не позволяет досконально изучить творчество каждого автора, но мы можем проследить общие тенденции, наметившиеся в развитии американской литературе.

Условно можно разделить всю американскую литературу на литературу четырёх эпох [3]:

1. Начало XVII века – 1865 год. Просвещение. Романтизм.
2. 1865 – 1918 годы. «Рубеж веков». Реализм.

3. 1918 – 1940 годы.

4. 1940 – по сегодняшний день.

Каждая из эпох имела свои знаковые произведения и помогала раскрыть сущность американцев и их взглядов на мир.

Двадцатый век имеет свои логические этапы в развитии литературы Северной Америки. Историческое развитие капиталистической страны дало миру эпоху реализма (Т. Драйзер), эпоху потерянного поколения (Ф. С. Фицджеральд, Э. Хемингуэй), литературу постмодернизма (начиная с 60-х гг. XX века) и эпоху постпостмодернизма (конец XX в. – XXI век).

Конечно, данные этапы есть и в европейской литературе, но в американской литературе имеется ряд факторов, повлиявших на её национальную самобытность.

Первым важным фактором является колонизация Америки. Колонизаторы, спасаясь от религиозных преследований, покинули Европу в поисках более счастливой, а, главное, свободной жизни. Творчество В. Ирвинга прекрасно отражает этот исторический факт. Однако этот факт больше отразился на ранней американской литературе, со временем вопрос колонизации отошёл по ряду причин, в частности, потому что этот факт привёл к ряду нелицеприятных вещей (рекреации индейцев, массовое истребление бизонов и др.).

Ещё одним фактором, влияющим на литературу Америки, является богатый и многообразный полиэтнический состав, поскольку он формировался не только европейцами, но и представителями Азии, а потом и выходцами из стран постсоветского пространства. Представители этих стран принесли с собою различные культурные традиции и культурные ценности. Наиболее ощутимо влияние выходцев из Азии, поскольку корейская и китайская культура очень отличается от американской жизни, в частности, кухни. В наше время данный фактор способствует созданию целого пласта иммигрантской литературы.

Рабство – позорное явление, оставшееся в памяти современников навсегда, поскольку оно отражено не только в литературе, но и живописи и любой области культуры. Массовое сознание населения Америки несколько сотен лет формировалось на мысли о том, что есть рабы и белые. «Хижина дяди Тома» (англ. *Uncle Tom's Cabin*) – роман Гарриет Бичер-Стоу 1852 года, направленный против рабовладения в Америке, по мнению некоторых исследователей, настолько обострил данную проблему, что книга привела к гражданской войне Севера и Юга. Творчество Марка Твена показывает рабство как естественное явление в американском обществе, в то время как в XX веке писатели или не упоминают в своем творчестве об этом

явлении, или уже говорят со стыдом об этом прошлом их демократической страны (представительница постмодернизма Ф. О'Коннор раскрывает борьбу поколений с их взглядами на рабство).

Более того, культура африканского народа тоже вошла в американскую культуру с её песнопениями и танцами, стилем одежды, что, безусловно, отразилось в литературе (в том числе движения растаманов и хиппи), а в XX веке афроамериканская литература вышла на общепризнанный мировой уровень.

Согласно истории колонизации Америки, вплоть до XIX века на территории Северной Америки существовал своего рода раздел (фронтир) между завоёванными и незавоёванными территориями, сдвигающийся постепенно на Запад до Тихого Океана.

В связи с тем, что Америка заселялась неравномерно, социально-культурное и экономическое развитие страны было неравномерным. Именно поэтому учёные выделяют в рамках отдельных регионов литературу отдельных школ. Таким образом, регионализм вплоть до наших дней является характерной чертой американской литературы. Так, до середины XX века существовали ярко-выраженные литературные школы: литература Новой Англии (бостонская школа), Среднего Запада, Дальнего Запада, «южная школа» и пр.

На раннем этапе развития американской литературы пуританизм оказывал большое влияние на все сферы жизни, в том числе и на зарождающуюся литературу.

Одним из самобытных феноменов Америки является так называемая «американская мечта» – вера в то, что на этом континенте может произойти чудо. Это идеологическое понятие, представляющее собой сложный комплекс надежд и убеждений, основанных на идеалах свободы и равных возможностей. Именно равные возможности для достижения успеха являются системообразующим принципом функционирования человека в Америке. Суть американской мечты заключается в том, что человек на землях Америки может достигнуть огромного успеха, при этом у всех есть такая возможность, ничьи права не будут ущемлены и каждый найдёт здесь своё «место под солнцем». Надо сказать, что к началу XX века становится очевидным иллюзорность идеи об американской мечте, поэтому появляются произведения («Американская трагедия», «Великий Гэтсби»), демонстрирует тщетность индивида борьбы за богатство, успех, любовь, поскольку есть судьба, с которой человек не в силах справиться.

И, наконец, литературе Америки XX века свойственен синтез художественного и документального, поскольку американцам характерен прагматизм, а, значит, и в

литературе они пишут преимущественно с точки зрения натурализма, поэтому жанр non-fiction прочно вошёл в американскую литературу XX века.

Безусловно, писатель стремится отразить в своих произведениях то, что его наиболее волнует. Если в начале XX века проблематика произведений была связана с экономической регрессией, вызванной рядом факторов, в том числе первой мировой войной, то во второй трети XX века проблематику произведений сформировало течение писателей, объединённых эпохой потерянного поколения. В этих произведениях отражалась бесцельность существования молодого человека, ощущение его ненужности в обществе и бессмысленность жизни для человека. Эта эпоха охватила три войны: первую мировую, вторую мировую и военное присутствие американцев во Вьетнаме. И пусть эта война была позже, суть не менялась: в чём смысл жертвования собой и своего здоровья, если ты воюешь не на своей земле и не за свою Родину. Ради чего умирать? Эти мысли отражены в произведениях Э. Хемингуэя (в первую очередь, «Прощай, оружие!»). Бессмысленность войны во Вьетнаме продемонстрирована в романе Уинстона Грума «Форрест Гамп», и здесь же мы видим протест против политики государства в виде движений хиппи и пацифистов.

Художественный мир произведений Фицджеральда целостен и един, поскольку он пишет об американцах, таких понятных читателю и самому Фицджеральду, но при этом имеющих какие-то особенности (иначе, зачем же о них писать), живущих в эпоху джаза. И большинство его героев похожи на современников Фицджеральда, поскольку с них он и писал своих героев.

То же самое можно сказать о произведениях другого американского романиста, Теодора Драйзера, романы которого тоже имеют целостный художественный мир, мир простых людей, достигших своего счастья путём усердного труда. Мужчины и женщины у него похожи на окружающих нас людей: провинциалов и рабочих, банкиров и шофёров. Только Драйзер показывает своеобразие героя в каждом отдельном случае: его трагедию и трудности, с которыми герой встречается. И, ознакомившись с рядом его произведений, понимаешь, что его героев можно поселить в одном городе и наблюдать за тем, как они будут сосуществовать. При этом, мы не поселим героев Фицджеральда в этот же город, поскольку они из разных миров.

Ещё одна ветвь американской литературы – фантастика. Фантастика, особенно научная фантастика занимает в американской литературе особое место. Это направление в начале XX века стало формироваться как космическая фантастика.

Такая литература нередко имела примерно один сюжет, направленный на наведение ужаса на читателя: Земля захватывалась космическими цивилизациями или разрушалась в процессе космических войн.

Надо сказать, что до 50-х годов американская фантастика носила научный характер и вошла в историю литературы как «золотой век» американской фантастики. Такой расцвет данного жанра литературы был обеспечен работой Джона Кэмпбл, главного редактора журнала *Street and Smith* с 1937 г., который был переименован в «*Astounding Science Fiction*» в 1939 г. Кэмпбл смог организовать костяк наиболее деятельностных и талантливых авторов, среди которых были К. Саймак, А. Азимов, Т. Старджон и пр. выдающиеся писатели данного жанра литературы.

«Золотой век» сменился серебряным с приходом сильных конкурентов – журналов «*The Magazine of Fantasy and Science Fiction*», «*Galaxy*» и «*If*». Такая конкуренция возникла как в связи с востребованностью фантастики как жанра литературы, так и в связи с переориентированием текстов с чисто научной фантастики на фантастику с лирическим сюжетом. Именно лирические отступления в золотой век были нещадно отброшены как ненужные.

Новый виток развития фантастики пришёл с окончанием второй мировой войны и был назван «серебряным веком». Произведения «серебряного века» американской фантастики имели совсем иной художественный мир, и их восприятие основывается на том, что герои в большинстве своём не зависят от страны, в которой они живут, более того, они могут даже жить на другой планете, даже без её упоминания в книге. Такие миры мастерски создавал Рей Бредбери. Художественный мир его произведений также взаимопроникаем и понятен за счёт постижения художественного мира другого произведения. Среди самых известных произведений этого типа: «Марсианские хроники» Рэя Брэдли, «Конец детства» Артура Кларка, «Дело совести» Джеймса Блэка и «Страсти по Лейбовицу» Уолтера Миллера. Другие писатели-фантасты американской литературы, такие, как Курт Воннегут, Пол Андерсон, Роберт Шекли создали не менее интересные и особенные миры, блистательные сюжеты и героев. При этом ряд антиутопий (Джордж Оруэлл – 1984, Рей Бредбери – 451 по Фарингейту) позволили авторам критиковать современный устро́й жизни и обращаться к политическому устою.

Третий этап развития американской фантастики – приход в реальную жизнь того, о чём писали несколько десятков лет фантасты и с работой журнала «*Analog*».

Немаловажной в американской литературе XX века становится тема человека, отличающегося от серой массы, не такого, как все. Тогда вокруг этого человека создаётся свой уникальный, понятный только ему, художественный мир. Такими произведениями можно назвать книги Уинстона Грума «Форрест Гамп», Дэниела Кизи «Цветы для Эдджернона», Кена Кизи «Над кукушкиным гнездом», Уильям Фолкнер «Свет в августе».

Литература эмигрантов, раскрывающая особенности жизни на чужбине, показывающая тоску по родине и произведения, сюжет которых не связан с темой смены места жительства, но написанные эмигрантами получила название «литература изгнания». В XX веке процессы миграции возобновились в связи с войнами, по политическим вопросам (несколько волн миграции из СССР и из ряда тоталитарных и социалистических стран, в т. ч. из Германии, Италии, Северной Кореи, Китая, Вьетнама, стран Африки), религиозные и расовые мотивы также сыграли свою роль. Бедность стран Латинской Америки и африканского континента также пополнили ряды мигрантов в США. В наши дни данная тенденция обрела форму глобализации и наднациональный характер, поскольку в чистом виде культуры в Америке не сохраняются (недаром США носит название «Melting Pot» – плавильный котёл).

Вторая половина XX века в литературе США ознаменовалась постмодернизмом – литературой, насыщенной иронией, интертекстуальностью, магическим реализмом и другими не свойственными литературе середины XX века характеристикам.

Конец XX века в американской литературе можно охарактеризовать как переход от постмодернизма к постпостмодернизму.

Таким образом, в XX веке американская литература характеризуется экспериментаторским подходом и нетрадиционными сюжетами. Романы о несправедливости общества, о классовой и экономической борьбе в условиях рецессии (например, фермеры и деловые круги в романе «Спрут» Ф. Норриса, 1901 г., творчество Теодора Драйзера), юмористические рассказы (мастер жанра О. Генри), произведения о стремлении к быстрому обогащению (например, добыча золота на Аляске) – здесь мы не можем не вспомнить о многоплановом творчестве Дж. Лондона, пусть и написанные на заре XX века, они понятны и сто лет спустя. Именно в его трудах показано противостояние человека и природы и стремление человека вопреки всему выжить и добиться успеха. Психологические романы так же были популярны и востребованы (творчество Г. Джеймса, А. Шервуда, У. Кэсер), фантастика и постмодернистические эксперименты привели к широкому разнообразию тематики

и художественных миров произведений литературы США XX века. Творческое наследие Фицджеральда, хоть и создавалось в течение первой трети XX века, смотрится современно и актуально по сей день, поскольку короткие рассказы и романы писателя затрагивают многие сферы жизни простого человека, а также приоткрывает завесу на роскошную жизнь, куда дано попасть далеко не каждому, и, как можно прийти к выводу, не всегда это и надо. В романах эпохи постмодернизма поднимается проблемы гендерного и расового неравенства [4].

Таким образом, можем сделать вывод, что американская литература отличается самобытностью художественного мира, созданного под влиянием мировосприятия авторов. Богатая американская история способствует такому разнообразию жанров и тематик, каким представлена американская литература XX века. Основной целью литературного произведения является приобщение читателя к художественному миру писателя, его мыслям и переживаниям и стремление передать свои чувства опосредованно через текст произведения. Понимание произведения становится доступнее, если читатель знает не только текст, но и историю его создания, биографию автора и его творчество в целом, тогда у читателя создаётся понимание художественного мира произведения через понимание художественного мира творчества самого писателя. Эпоха, в которую создано то или иное произведение, также оказывает большое влияние на то значение текста, которое закладывается автором, пусть даже и на бессознательном уровне.

Анализируя процесс развития американской литературы XX века, мы выделили своеобразие художественных миров произведений американских писателей данного периода и пришли к выводу, что за 100 лет американская литература претерпела грандиозные изменения. Литература Америки, несмотря на то, что в XX веке развивалась параллельно с европейской, имеет свои особенности, обусловленные такими факторами, как колонизация, рабовладельческий строй и мультикультурность, в том числе культура народов Африки, Азии и Европы, претерпевающие изменения в результате взаимодействия друг с другом.

Список литературы

1. Есин А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения. – М. : Флинта, Наука, 2000. – 248 с.
2. Жалилова Л. Ж. Специфика американской литературы // Теория и практика современной науки. 2018. № 3. С. 198-203.
3. Несмелова О.О., Карасик О.Б. История американской литературы: учебное пособие. – Казань : Казан. ун-т, 2017. – 80 с.
4. Мельникова М. Ю. Мотив «Гендерное неравенство» в романе Х. Ли «Убить пересмешника» // Молодой учёный. 2017. № 15 (149). С. 709–712.

5. Олешко К. С., Солопина Г. А. Образ Америки 1920-х гг. в творчестве Ф. С. Фицджеральда // EuroasiaScience. Сборник статей XIV международной научно-практической конференции. 2018. С. 32–33.

УДК 1751 82-3

**Аспекты взаимодействия слова и молчания в романе Ф. Гельдерлина
«Гиперион»**

Прихожая Лилия Ивановна

канд. филол. наук, доцент Института гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, РФ, г. Калининград
lilia.uni@mail.ru

**Aspects of the interaction of word and silence in the novel by F. Gelderlin
"Hyperion"**

Prikhozhaia Liliia Ivanovna

PhD in Philology, Associate professor of Institute of Human Sciences
Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, Kaliningrad

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие слова и молчания в романе Ф. Гельдерлина «Гиперион». Роман написан в письмах, и автором статьи эпистолы признаются как «молчаливые тексты», так как их никто не произносит. В рамках письма называются и другие средства, используемые поэтом с целью раскрыть мир мечты и мысли главного героя: это диалог, внутри диалога внутренняя речь, которая является также особым авторским молчанием. В статье упоминается, что создатель романа был большим почитателем тишины, и неудивительно, что в конечном итоге молчание у Гельдерлина — это и средство выражения душевного состояния персонажей, это и литературный прием, это и отдельная составляющая текста, которой писатель отводит огромную роль в своем произведении.

Ключевые слова: молчание, слово, письмо, диалог, внешняя речь, внутренняя речь.

Abstract. The article considers the interaction of word and silence in the novel by F. Gelderlin "Hyperion". The novel is written in letters and the author of the article defines the epistles as "silent texts," since no one pronounces them. Other means used by the poet to reveal the world of dreams and thoughts of the protagonist are mentioned in the framework of the letter: this is a dialogue, internal speech inside the dialogue, which is also a special author's silence. The article mentions that the author of the novel was a great admirer of silence and it is not surprising that as a result Gelderlin's silence is also an expression of the character's mental state. It is a literary device, and also a separate component of the text, which the author assigns a huge role to in his work.

Key words: silence, word, letter, dialogue, external speech, internal speech.

Гельдерлин создает роман, в котором слово переплетено с молчанием в каждой фразе, в каждом звуке. Тема молчания близка поэту, уже в предисловии к роману он размышляет о том, стоит ли говорить, будет ли он понят современниками. А на страницах самого романа часто призывает к молчанию: «Верь мне и помни, я говорю это от всей души: дар речи – великое излишество. Лучшее всегда живет в самом себе и покоится в душевной глубине, как жемчуг на дне моря» [1, с. 390].

Сомнения поэта говорить или молчать понятны, ведь он создает роман, где изображает внутренний мир Гипериона – мир чувств, мечты и мысли. «Гельдерлин отмечает в предисловии, что в его романе „мало внешнего действия“ (37). Это принципиальный момент, свидетельствующий о том, что Гельдерлин вполне осознанно выдвигает на передний план субъективное начало. Его интересует прежде всего „сосредоточенность, глубина сердца и души“ (36). В романе с самого начала нет ничего такого, что существовало бы само по себе, не входя в сферу духовного созерцания героя» [2, с. 97]. Так как Гельдерлина интересовала только жизнь «внутреннего» человека, перед нами разворачивается история Гипериона, где счастье и страдание, надежда и разочарование сменяют друг друга.

Какие же приемы использует автор для выражения духовного напряжения главного героя? Одним из них является *письмо*. Роман Ф. Гельдерлина «Гиперион» эпистолярный. А что такое эпистолы? Это же молчаливые тексты, их никто не произносит, их пишут и читают герои произведения. В этой связи в романе, конечно же, преобладает молчание. Но что это за молчание? Это целая жизнь «внутреннего» человека: его самые сокровенные мысли, облеченные в слово. «Шум войны ты здесь услышишь едва ли. Зато они расскажут о жизни моей души.... Ах, должен же ты узнать, как я был любим» [1, с. 375]. Письма Гипериона мало похожи на обычные: в них почти нет ни слов приветствия, ни слов прощания. Редки обращения по имени к адресату писем. В них не обозначены даты. Письма – это размышления «о горестях и радостях души». И молчание здесь лучшая форма для слова.

Какими *изобразительными* и *выразительными* средствами оперировал автор в рамках письма, чтобы приоткрыть читателю смысл своего творения? *Диалог* – средство выражения характера героя романа, его внутренних мотивов, ситуации данного момента. Это малая жанровая форма, которую использовал Гельдерлин внутри письма.

Роман «Гиперион» не богат диалогами. Анализируя первый из них, можно дать характеристику всей диалогической речи Гельдерлина. Его диалоги – это, прежде всего, речи, произнесенные давным-давно. Свойства человеческой памяти таковы,

что мы зачастую, уже через некоторое время, не можем дословно повторить сказанное или услышанное. Мы помним почти всегда только чувства, которые вызвало слово. Эти чувства помогают вспомнить и воспроизвести диалог. Сложные свойства памяти отражены в диалогах Гельдерлина. Так можно объяснить тот факт, что реплики диалога перемежаются *авторским пересказом речи персонажей*. В первом диалоге романа, в сцене знакомства Гипериона с Алабандой, после реплик приветствия автор коротко пересказывает, о чем еще говорили герои: «Алабанда – так звали моего нового знакомого – рассказал мне, что на него и слугу напали разбойники; он прогнал тех двоих, на которых я наткнулся...» [1, с. 303].

Среди средств анализа диалогов романа особое место принадлежит *внешней и внутренней речи* персонажей. В рамках письма мы встречаем диалоги (звучащую речь), в которых в свою очередь есть внутренняя речь (не произносимая героями произведения), то есть текст построен как: молчание – звук – молчание. Вот пример диалога, где внешняя речь перетекает во внутреннюю речь: « – Они обманщики! – вопияли стены этого дома, и это слышал мой чуткий внутренний слух» [1, с. 312]. Внешняя речь незаметно переходит во внутреннюю, в молчание плюс мысль, которая даже оформлена в диалоге как прямая речь. И только из контекста читатель узнает, что эта фраза не была произнесена вслух. Такой плавный переход внешней речи во внутреннюю объясняется тем, что диалоги почти всегда затрагивают те темы, которыми живет душа. Внутреннюю речь Гельдерлин превратил в особое, невиданно сильное средство анализа и оценки. Перед читателем вскрывается та информация, которая обычно недоступна, так как она не произносится. Молчание у Гельдерлина – это особый вид мышления, думания через внутреннюю речь.

Следует обратить внимание и на другую реплику, которую Гиперион не произносит вслух. Она оформлена так же, как внешняя речь и содержит в себе оценку: « – Он плохой человек, – восклицал я, – да, плохой; втерся ко мне в доверие, а за моей спиной связывается с такими людьми, да еще скрывает» [1, с. 312].

Л. С. Выготский отметил, что внутренняя речь «“не есть речь минус звук“, но особая структура (ей присущи предикативность, сокращенность, „слипание“ слов), которая при записи оказалась бы „неузнаваемой и непонятной“» [3, с. 122]. У Гельдерлина же внутренняя речь образована по образцу внешней речи. И только при анализе мы различаем, что диалог закончен и звучит уже внутренняя речь. Читатель же, не преследующий цель анализировать, и не почувствует этой границы перехода речи внешней во внутреннюю. Этот факт можно объяснить только тем, что все, что представлено в этом романе, есть воспоминания автора писем. Когда человек

записывает свои воспоминания, он вынужден облекать прошлое в более или менее четкие, внятные слова.

Внутренняя речь в романе не только продолжает внешнюю, но возникают обратные ситуации, когда внешняя речь рождается из внутренней: сначала мы читаем мысли персонажа, а потом наблюдаем, как они трансформируются в речь героев. Диалогическая речь возникает не только из потребности отзываться репликой на реплику, но продолжает безостановочно работающую внутреннюю речь.

Диалогическая речь в романе отражает психологию ситуации. Диалоги возникают зачастую потому, что человек боится вакуума. Молчать друг с другом тягостно, неловко. Молчать не принято: «– Так о чем же нам сейчас поговорить? – только и мог я сказать. – Право, иной раз хочешь, да не можешь найти, на чем бы сосредоточить мысль» [1, с. 341]. Что же у Гельдерлина? Эта реплика звучит, чтобы заполнить пустоту? Конечно, нет! У Гельдерлина речь не предназначена для заполнения пустоты. Пред нами влюбленный человек, испытывающий разносторонние чувства. В этой фразе выражена и радость от встречи с любимой, и отражено его смятение перед своим чувством. Разговор невозможно начать, сначала нужно унять сильно бьющееся сердце. Этим словам в романе предшествует описание чувств, которые превозмогает герой, делая усилия над собой, чтобы «не захлебнуться в беспредельной любви» [1, с. 341]. Речь персонажей является прямым отражением характера, чувств героев и *ситуации*, в которую они помещены. « ... человеческое молчание иногда говорит весомее слова. Оно может оказаться более удобным для истины, чем слово. Оно лучше отвечает неопределимости мира. Если бы не было умолкания человека перед тем, что его как раз всего больше захватывает, если бы он всегда разглашал себя или считал своим долгом себя разглашать, о его отличии от живой природы было бы трудно говорить» [4, с. 32].

Молчание – главная краска, нет, правильнее сказать, нота при создании характера главной героини. Образ Диотимы соткан из тишины, из молчания: «Так и душу моей любящей молчалиницы, столь неохотно прибегавшей к словам, узнавал я только, когда она пела» [1, с. 331]. «Казалось, она всегда говорит так мало, однако ж так много умеет сказать» [1, с. 333]. Смотря на Диотиму, Гиперион видит небесную тишину. Он признается, что она научила его быть немногословным и не распространяться о том, что затрагивало сердце. Проанализировав эти примеры, мы отмечаем, что молчание в романе имеет особую связь со словом. Для его описания Гельдерлин использует такие слова, как: молчалиница, немногословный, небесная тишина.

Молчание использует Гельдерлин осознанно и намеренно, ведь это помогает автору перевести общение героев на интуитивный, интимный, чувственный уровень. Рассмотрим примеры молчания в различных контекстах. Молчание как усиление эмоций данного момента: «Некоторое время Алабанда молчал, рассматривая меня с изумлением. Я был окрылен нескончаемыми надеждами; божественные силы, точно облако, уносили меня ввысь... » [1, с. 310].

Молчание, чтобы передать всю силу любви между героями: «Мы очень мало говорили. В такие минуты стыдишься обыденных слов. Вот если бы стать музыкой и слиться в едином небесном гимне!» [1, с. 329].

Молчание как предвестник беды: «Пойдем, погуляем у акрополя! Я пошел. Мы долго не говорили ни слова» [1, с. 313]. Дальше в романе описывается ссора Гипериона и Аллабанды, разрыв и разлука.

И Диотима становилась все молчаливей, перед тем, как признаться в любви Гипериону, любви, которая приведет ее к гибели, потому что любовь такой силы, которой любила она, испепелила ее существо. Молчание звучит здесь весомее, чем слова. Оно является способом ухода от действительности.

Молчание, чтобы передать весь драматизм момента: «Часто мы останавливались, наступало молчание; нам так хотелось броситься друг другу на шею, но проклятая гордыня подавляла малейшее слово любви ...» [1, с. 314].

Молчание у Гельдерлина и божественное, и мудрое, и гнетущее, и убивающее, разное, только бы передать эмоции и силу чувств.

Стремясь приоткрыть нам тайны души главного героя, Гельдерлин использует противоположности: *слово и молчание*. Молчание в романе обретает форму матрешки: письмо, а в нем диалог, в диалоге же паузы, заполненные внутренней речью, где нет звука, но по-прежнему есть мысль.

Молчание в романе многозначно – это и средство выражения душевного состояния персонажей, это и литературный прием, это и отдельная составляющая текста, которой автор отводит огромную роль в своем произведении.

Опираясь на цитату В. В. Бибихина: «Союз мысли и слова достоин того чтобы о нем думать» [4, с. 44], хотим согласиться, конечно достоин, особенно если речь идет о таком произведении, как роман Ф. Гельдерлина «Гиперион», где и слово и молчание исцеляют своей красотой.

Список литературы

1. Гельдерлин Ф. Сочинения. / Пер.с нем. М.: Худ. лит., 1969.
2. Ханмурзаев К.Г. Немецкий романтический роман. Генезис. Поэтика. Эволюция жанра. Махачкала, 1998.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. В кн.: Избранные психологические исследования. М., 1956.
4. Биbihин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 416 с.
5. Коньков В.И., Неупокоева О. В. Функциональные типы речи. М.: Издательский центр «Академия», 2011. – 224 с.

УДК 82-94

Специфика взаимодействия автора и читателя в английском травелоге 19 века: способы, виды, категории

Ряпов Руслан Игоревич

аспирант 2-го курса, кафедра русской и зарубежной литературы, факультет славянской филологии и журналистики, Таврическая академия Крымский Федеральный университет им. В.И. Вернадского

The peculiarity of interaction between an author and a reader in English 19-th century's travelogue: modes, kinds and categories

Ryapov Ruslan Igorevich

the student of the 2-nd course of post-graduate education, the cathedra of Russian and Foreign literature, the faculty of Slavic philology and journalism, Taurida academy V.I. Vernadsky Crimean Federal

Аннотация. В данной работе основной научной проблемой является взаимодействие автора и читателя как литературоведческих категорий в травелоге. Исследователь подчеркивает, что в травелоге именно автор как литературоведческая категория задает основной повествовательный вектор, в котором читатель является неотъемлемым элементом. В статье демонстрируется тот факт, что специфика травелога заключается в особой форме взаимодействия документализма и художественности. Установлено, что читатель в литературоведении может быть эксплицитным и имплицитным. В работе доказывается, что присутствие имплицитного читателя в тексте травелога является его обязательным признаком, благодаря которому автор-путешественник репрезентирует инокультурный мир с помощью собственного видения такового. Также имплицитный читатель способствует внедрению точки зрения так называемого теневого субъекта, отождествляющий идеальное представления «я-культуры» автора.

Ключевые слова: категория автора, категория читателя, имплицитный читатель, травелог.

Abstract. The main scientific problem of this research work is interaction between an author and a reader as literature categories in travelogue. The author of the article emphasizes the fact that the narrative vector of travelogue is preset by the writer himself where a reader is an obligatory element. There is the assumption proved that specificity of travelogue consists of the particular form of interaction of documentalism and fictionality. It is stated that a reader's category is subdivided by explicit and implicit reader. The research defines that presence of the implicit reader in the text of travelogue is compulsory feature of the genre by virtue of which the author and traveler represents the world of other culture through its own vision. The implicit reader also facilitates implementation of viewpoint of so called shadow object that identifies ideal conception of author's "I-culture".

Key words: category of an author, category of a reader, implicit reader, travelogue.

Позиции автора и читателя представляют собой неотъемлемые компоненты литературного произведения. Это происходит потому, что в художественном произведении присутствует субъект повествования (автор, но не во всех случаях) и субъект, который принимает информационный поток. Однако в различных жанрах отношения в директиве «автор – читатель» протекают иначе. Далее рассмотрим особенности взаимодействия автора и читателя в рамках травелога.

Травелогу на сегодняшний день посвящен широкий ряд научных исследований, в которых этот жанр рассматривается с различных сторон. Речь идет о работах таких литературоведов, как В.М. Гуминский, А.А. Майга, М.В. Аксенова, И.Ф. Головченко, Е.Б. Мартынюк, Е.Р. Пономарев и т.д. Но, несмотря на изученность травелога, все же имеются определенные лакуны в проработке проблем этого жанра. Также важно сказать, что хоть травелог и относится к эпическим жанрам, он все же значительно отличается от остальных произведений этого рода. Прежде всего, важно обратить внимание на то, что травелог сочетает в себе два особым образом коррелирующих между собой элемента: документальность (фактуальность) и художественность (фикциональность) [4, с. 104; 11]. Сочетание этих двух составляющих предопределяет всю жанровую специфику травелога, рассматривая которую, литературоведы делятся на две группы: те, кто считает именно «физическое пространство», путешествие сюжетобразующим фактором травелога, и те, кто утверждает, что путешествие является «маргинальным», если не эпизодическим [8, с. 377; 5, с. 34; 1, с. 171; 9; 6]. Данное разделение базируется на принципиально разных методологических подходах к изучению травелога. И поскольку наша концепция заключается в признании совершения реального путешествия автором травелога фундаментом произведений этого жанра, данное исследование будет предполагать документализм как основополагающую характеристику травелога.

Вышеприведенное разделение фактуальности и фикциональности в рамках травелога обладает ключевой значимостью для данного исследования.

Документализм является основным фактором травелога: автором произведения этого жанра является только тот субъект, который лично совершил акт путешествия. В литературоведческом дискурсе это обуславливает своеобразие категорий автора в травелоге: биографический автор выступает образующим компонентом не только «события, о котором рассказывается» (то есть непосредственно путешествие), но и «события рассказывания» (текст травелога) [10, с. 18; 12, с. 173]. Таким образом, автор автоматически занимает многогранную позицию в травелоге: он является и автором биографическим (автором-творцом – по М.М. Бахтину), и повествователем, и героем-рассказчиком [2, с. 91; 13, с. 237]. Здесь важно сделать акцент на том, что именно этот признак составляет основу уникальности травелога, делает его неповторимым эпическим жанром. Более того, несмотря на то, что травелог относится к неканоническим жанрам, обязательность в нем автора-путешественника составляет определенный обличительный фактор, нарушение или несоблюдение которого будет способствовать деструктуризации травелога.

В травелоге характеристика читателя как литературоведческой категории также достаточно разнообразна. Учитывая тот факт, что автор в травелоге изображает инокультурное пространство, зафиксированное им в ходе совершения путешествия, читатель выступает главным субъектом, который воспринимает инокультурный мир в репрезентации автора-путешественника. Литературоведение разграничивает читателя «имплицитного и эксплицитного» [3, с. 117]. Принципиальное различие между ними заключается в присутствии самого текста произведения. Так, если эксплицитный читатель активно присутствует в тексте, что выражается прямыми обращениями автора и употреблением местоимений, то в случае с имплицитным читателем все гораздо сложнее. Как известно, каждое литературное произведение подразумевает под собой обязательных два субъекта: автора (кто пишет?) и читателя (кому?). Ввиду этого, травелог не является исключением. Следовательно, присутствие автора в нем также определено. Однако сущность позиции читателя заключается в специфике отображения как эксплицитного, так и имплицитного читателя в тексте травелога. С учетом того, что в качестве практического материала нами был выбран английский травелог начала 19-го столетия (А.У. Кинглейк, Э.Д. Кларк), целесообразно последовательно рассмотреть принципы выражения категории эксплицитного и имплицитного читателя на примере конкретных травелогических текстов.

Эксплицитный читатель в травелоге проявляется основными (базовыми) двумя элементами:

1. прямые обращения:

«Oh, *my dear ally!* When first you spread your carpet in the midst of these eastern scenes, do think for a moment of those your fellow creatures, that dwell in squares, and streets, and even (for such is the fate of many!) in actual country houses» [15; с. 19-20]. – «О, мой любезный союзник! Разостлавши в первый раз ваш ковер среди этих восточных сцен, вспомните на минуту о ваших соотечественниках, проводящих жизнь свою на площадях, на улицах или даже [это участь многих] в деревенских домах» [7, с. 25].

«The Reader perhaps will not feel himself much concerned to be further informed respecting such particulars» [14, с. 417]. – «Вероятно, читатель не совсем поймет суть таких мелочей» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

«They have since been described in a work published by Pallas, relating to his Travels in the South of Russia, where the reader will also find them accurately delineated» [14, с. 119]. – «Читатель также найдет их отображение в работе, опубликованной Палласом и посвященной его путешествиям на юг России, где они уже были описаны» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

2. местоименные отождествления («я» отождествляется с «мы»):

«It will be otherwise with *you* when you journey in the East» [15, с. 26]. – «С вами будет то же самое, когда вы отправитесь в путешествие по Востоку» [7, с. 29].

«...if being in the noisiest mart of Stamboul, *you* would stroll to the quiet side of the way amidst those Cypresses opposite, *you* will cross the fathomless Bosphorus» [15, с. 30]. – «Вы ходите по самому шумному стамбульскому рынку, — вам захотелось отдохнуть под великолепными кипарисами, которые вы видите вдали перед собою, — что ж, стоит только переплыть бездонный Босфор» [7, с. 36].

«Even when he's dead, *you* may get a scratch from his sabre» [14, с. 479]. – «И даже когда он (турок) мертв, вас может ранить его сабля» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

«The guns are *yours*—the people are *yours*!» [14, с. 460]. – «Обладая оружием, вы имеете власть над людьми» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

Как видно из вышепредставленных примеров, эксплицитный читатель не только открыто фигурирует в тексте произведения, но и выступает своего рода инструментом авторского повествования. Анализ показал, что представленные выше отображения эксплицитного читателя в тексте фигурируют в обоих произведениях,

что говорит о конкретной общности средств эксплицитности читателя в английском травелоге 19 века.

В отличие от эксплицитного читателя, категория имплицитного читателя в тексте травелога отображена не так ярко. Однако для выявления этой категории необходимо определить некоторые индикаторы, выступающие средствами указания на имплицитного читателя. Изучим представленные ниже средства, отображающие это литературоведческое явление:

- несобственно-прямая речь;
- создание теневого субъекта

Поскольку несобственно-прямая речь представляет собой отождествление авторской речи и речи персонажа, что, как уже было установлено ранее, в травелоге является одним и тем же, в качестве примеров несобственно-прямой речи в травелогических произведениях будет выступать эмоциональная экспрессия при повествовании. Особенность этого приема в тексте травелога состоит в том, что автор, объединяя в себе несколько составляющих компонентов (см. выше), обращается к герою-рассказчику, совмещая их точки зрения. В этом сложном взаимодействии место имплицитного читателя определяется вопросом «для чего/кого автор на определенный промежуток времени совмещает точки зрения двух авторских категорий?». Ответ на него определит место имплицитного читателя. Рассмотрим некоторые примеры из текстов.

«So vast are the wonders of the Deep!» [15, с. 31]. – «Велики тайны морской пучины!» [7, с. 38].

«There were some leafy pathway that crisped beneath the glowing sandal of Aphrodetie — Aphrodetie, not coldly disdainful of even a mortal's love!» [15, с. 76]. – «У подножия горы простирается тропинка, которой касались сандалии Афродиты – Афродиты, не отвергающей любви простого смертного!» [7, с. 85].

«Port of Balaclava ... is the Heracleotic Chersonesus, so accurately described by that author!» [14, с. 200]. – «Порт Балаклавы – это Гераклический Херсонес, в точности описанный автором» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

Из представленных выше примеров становится очевидным тот факт, что несобственно-прямая речь в основном вводит имплицитного читателя исключительно при описании того или иного локуса. Таким образом, можно сделать вывод о том, что описание того или иного топического элемента инокультурного мира влечет за собой (не всегда) использование несобственно-прямой речи и, как

следствие, интеграцию имплицитного читателя, который выступает своего рода приемником проектируемых точек зрения автора-творца и героя-рассказчика.

Создание теневого субъекта подразумевает под собой следующий принцип: автор во время повествования обращается не к самому себе или собственному впечатлению (впечатлению героя-рассказчика), а косвенно вводит некий подразумеваемый субъект (теновый субъект), который является носителем иной точки зрения, точки зрения 3-го лица. Обязательный критерий при этом – воплощение теновым субъектом тех реалий/рецепций/стереотипов, которые свойственны культуре автора [10, с. 18]. Теновый субъект как бы осуществляет функцию проектора культуры «своего» во время отображения точки зрения автора (творца и героя рассказчика) на культуру «чужого». В тексте это проявляется отсылкой к английскому менталитету, национальным и культурным особенностям. Рассмотрим представленные ниже примеры:

«To taste the cold breath of the earliest morn, and 'to lead, or follow your bright cavalcade till sunset through forests, and mountain passes, through valleys, and desolate plains, all this becomes your mode of life, and you ride, eat, drink, and curse the mosquitoes, as systematically as your friends in England eat, drink, and sleep» [15, с. 26]. – «Наслаждаться свежим воздухом утренней зари, ехать впереди или позади блестящей кавалькады до захода солнца, через горные ущелья, долины, степи, — это делается вашим образом жизни, и вы кушаете, пьете, погоняете коня и проклинаете комаров также систематически, как пьют, едят и спят друзья ваши в Англии» [7, с. 31].

«In England...the bulk of the things bought and sold, goes through the hands of a wholesale dealer, and it is he who higgles and bargains with an entire nation of purchasers, by entering into treaty with retail sellers» [15, с. 31]. – «В Англии ... масса купленных или проданных вещей переходит чрез руки оптового торговца; он ссорится и спорит с целой нацией покупателей, заключая торговые сделки с купцами, занимающимися розничной торговлей» [7, с. 36].

«(it causes) unspeakable disgust in many Englishmen, who cannot see why an honest dealer should ask more for his goods than he will really take» [Kinglake, с. 37]. – «Это составляет вечный источник неудовольствия для англичан, не понимающих как честный купец может назначить за вещь, которую надеется вам сбыть, цену гораздо более той, за которую наконец отдает ее» [7, с. 42].

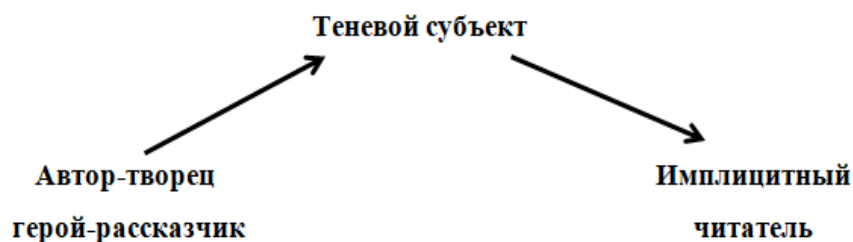
«A traveler with a light carriage may proceed at the rate at one hundred and thirty English miles in a day» [14, с. 14]. – «Путешественник с легкой поклажей мог

преодолевать около ста тридцати английских миль в день» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

«They have varieties of this vegetable, which are unknown in England» [14, с. 169]. – «У них есть огромное количество овощей, которых нет в Англии» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

«The seed of it (cucumber), since brought to England, has not thrived in our country» [14, с. 262]. – «С момента, когда его семена (огурца) были ввезены в Англию, они так и не прижились в нашей стране» [Перевод мой – Р.И. Ряпов].

Исходя из представленного выше, можно сказать, что теневой субъект является собой важный аспект при демонстрации точки зрения не столько «автора эмпирического», сколько «автора культурного (национального)». Он (субъект) является собой медиальную стадию демонстрации точки зрения английской «я-культуры» имплицитному читателю, где последний занимает особое место в схеме взаимодействия:

Таким образом, подводя итоги данного исследования, стоит отметить, что в травелоге взаимодействие категории автора и читателя протекает разнообразно. В ходе исследования было установлено, что категория автора вбирает в себя остальные производные от нее подкатегории ввиду доминирующей документальности жанра, обуславливающей реального путешественника в качестве автора произведения. Относительно категории читателя в английском травелоге было доказано разделение читателя на категории эксплицитного и имплицитного, а также продемонстрирована специфика отображения каждой из этих категорий. Более того, в рамках проведения данного научного исследования было выяснено, что имплицитный читатель способствует внедрению точки зрения так называемого теневого субъекта, отождествляющий идеальное представления «я-культуры» для автора, в частности английского путешественника.

Список литературы

1. Аксенова М. В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий [Текст] / М. В. Аксенова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – №3 (31). – С. 170-176.
2. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - 2-е. изд.- М.: Искусство, 1986. - С. 9 - 191.
3. Гетманская Е.В., Шевченко О.А. Читатель как категория литературоведения // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. № 11(54). – Новосибирск: СибАК, 2015. – С. 115-119
4. Гуминский В.М. Русская литература путешествий в мировом историко-культурном контексте. М.: Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. - 2017. – 608 с.
5. Деремедведь О. М. Жанрові особливості англійської жіночої літератури мандрів кінця XVIII – першої половини XIX століття (на матеріалі творів про Крим) : дис. ... канд. філол. наук: 10.01.04 [Текст] / О. М. Деремедведь. – Сімферополь, 2008. – 181 с.
6. Еремин В. С. Ранние обзоры «Литературы путешествий» на страницах «The Edinburgh Review»: образы востока [Текст] / В. С. Еремин // Всеобщая история и международные отношения. – 2015. – №1 (15). – С. 70-73.
7. Кинглейк А.У. Путешествие английского туриста по Востоку // HomLib. – Режим доступа: <http://homlib.com/read/kinglek-au/puteshestvie-angliyskogo-turista-po-vostoku> (Дата обращения: 20.05.2019).
8. Мартынюк Е.Б. Травелог как взаимодействие личной культуры автора и общекультурного взаимодействия // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. - 2018. - С. 376-381.
9. Пономарев Е. Р. К вопросу об общей теории травелога [Текст] / Е. Р. Пономарев // Медиалингвистика. – 2017. – С. 150-152.
10. Ряпов Р.И. Директива "автор-читатель" в английском травелоге 19 века // Сборник тезисов участников V научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского». - 2019. - С. 18-19.
11. Станишевская А.И. Категория автора в романе Э. Бронте "Грозные ворота" // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. - 2013. - с. 131-137.
12. Тмарченко Н.Д., Тюпа И.В., Бройтман С.Н. Теория литературы. - М.: Издательский центр "Академия", 2004. - 512 с.
13. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: Учебное пособие. - СПб.: Книжный Дом, 2007. - 472 с.
14. Clarke E.D. Travels in Various Countries: Europe, Asia and Africa. Part 1. Russia, Tartary and Turkey. - London, 1810. - 760 p.
15. Kinglake, A. W. Eothen [Текст] / A. W. Kinglake. – 1 ed. – Paris: Leipzig, 1846. – 308 p.

Международный научно-практический журнал
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
№ 11 (55), 2019

По вопросам и замечаниям к изданию,
а также предложениям к сотрудничеству обращаться
по электронной почте office@scipress.ru

Подготовлено с авторских оригиналов

Данный сборник распространяется по лицензии Creative Commons
Attribution 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru>

Подписано в печать 10.12.2019
Формат 60x84/16. Печать цифровая.
Усл.печ.л. 11,6. Тираж 500 экз.
Научно-издательский центр «Открытое знание»
www.scipress.ru